

A white, featureless mannequin is seated on a chair, holding an open book. The mannequin is illuminated from the side, creating strong highlights and shadows. The background is dark with some vertical lines, possibly a wall or a window with curtains. The overall mood is contemplative and quiet.

**Дмитрий
Никитченко**

На одном дыхании

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

сборник мини-рассказов

18+

Дмитрий Олегович Никитченко
На одном дыхании.
Сборник мини-рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69303889

SelfPub; 2023

Аннотация

Это серия коротеньких рассказов. Некоторые можно успеть прочитать до конца даже в лифте. Что-то заставит улыбнуться, что-то – задуматься, а кое-что и вовсе покажется глупым. Словом, все. как в жизни...

Содержание

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ	5
БРИЛЛИАНТ	8
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ	13
ЛЕКСЕИЧ	16
КУ- КУ	21
БЛИЦКРИГ	26
ТЕМ.КТО ПОМНИТ СКАЗКИ	28
ПОДАРОК	37
ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ	40
ПРО СКАЗКУ ,ДЕДА И КОЛЯСКУ	43
САШКИ	47
СПАСАТЕЛЬ	51
ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ	53
ПЕРЕГОРЕЛ	56
СЧАСТЬЕ	59
О ПОЛЬЗЕ ФИТНЕСА	63
ФАРТ.НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ	66
ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ	82
ЧУТЬ-ЧУТЬ ПРО ИТАЛЬЯНЦЕВ	84
ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР В РИМИНИ	88
КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА	90
В ЧУЖИЕ САНИ	94
БУКЕТ	98

КИНО	101
МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ	106
ОХОТА	111
УЛОВ	117
РИСКОВОЕ ДЕЛО	120
ЧЕМПИОН	123
ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА	127
ДЕЛО ПРИНЦИПА	129
ВЫБОР	135
АРТИКУЛЯЦИЯ	138
ВАЛУЙСКИЙ ВОЯЖ	140
ГОНЦЫ	149
ДРУГ	151
МАТРЕШКА	154
НЕВЕСЕЛАЯ ВДОВА	156
НЕДОТЕПА	158
ПОДМЕНА	160
ПРО ЛЕХУ- ТРАНСГЕНДЕРА	162
НА КАВКАЗЕ	169

Дмитрий Никитченко

На одном дыхании.

Сборник мини-рассказов

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Проснулся он поздно. Вокруг было тихо. Не услышав дыхания рядом, он повернулся – кровать была пуста и уже успела остыть – она уже давно ушла.

Он закрыл глаза.

Как бы сейчас ему хотелось нырнуть к ней под одеяло и прижаться к теплему, сладко пахнущему телу – она всегда спала нагишом, но при этом, всегда – в носках, странная привычка, даже нелепая, но это в конце концов – ее привычка и ее выбор, а как известно, выбор другого надо уважать или, хотя бы постараться понять. А вот с взаимопониманием у них как раз, не задалось с самого начала. Даже сложно объяснить почему, ведь и симпатии взаимные и желание вместе жить и заботиться друг о друге – все это у них есть, и в достатке. И понимание, что нужно время и какие-то взаимные уступки, чтобы притереться, узнать друг друга. Но понимания как такового при этом – не было! Они не понимали на-

строения и желаний друг – друга в каждый данный, конкретный момент.

Например, вчера вечером она вышла из душа вся распаренная, влажная, вкусно пахнущая, расслабленная, и такая притягательная в этот миг! Но когда он потянулся к ней, она резко, почти брезгливо оттолкнула его. Потом, уже перед сном, она, вероятно осознав свою неправоту, сделала попытку примирения, но теперь уже он не смог преодолеть себя, забыть обиду и простить. Или позавчера, когда он сидел на кухне, погруженный в свои мысли, а она бесшумно подкралась сзади и обхватила его руками так внезапно, что он вздрогнул от испуга, и устыдившись этого, и чтобы замаскировать свой страх, повел себя резко и даже грубо.

Возможно, частично проблема была в том, что он постоянно находил в доме следы присутствия ее бывшей, которая раньше жила здесь, и которую он заменил. Еле заметные, почти неуловимые – она постаралась избавиться от них – но он находил их везде, и это раздражало его, хотя он и понимал, что ей тоже тяжело, и прошлое еще не отпустило ее, и что она старается забыть и начать заново, но какое-то неприятное чувство сидело в нем, и это мешало им обоим.

Распорядок дня у них тоже был у каждого свой. И привычки. Взять, например, хоть эту ее просто маниакальную – на грани с аутизмом – страсть к порядку. Обязательно, чтобы все предметы всегда находились на одних и тех же, ею установленных, местах. Тут, тоже за примерами далеко ходить

не надо – слышал бы кто, ее истерику на прошлой неделе, когда утром, уходя на работу не нашла на месте свои ключи. Ну взял он их на время, а потом и позабыл про них. Так она, найдя их под кроватью, так разоралась, что ему перед соседями стало неудобно. Тоже мне трагедия, сделала из мухи слона!

А когда он нечаянно уронил вазочку с цветами? А, да что уж там вспоминать.....

И комфорт каждый понимал по – своему. А, уж о предпочтениях в еде и говорить нечего...

Кстати о еде – пора бы и перекусить – подумал он и, мягко спрыгнув на пол, потрусил на кухню к миске с давно опостылевшим Вискасом.

БРИЛЛИАНТ

Петр Семенович тяжело вздохнул и перенес центр тяжести с одной ягодицы на другую. Спина затекла, голова гудела, в глазах – песок от многочасового тетриса. И не забудем добавить изжогу от трех съеденных в обед беляшей. Короче, как говаривал Давид Гоцман – «Картина маслом!». А до конца смены – еще больше часа... Как ошибаются те, кто считает работу охранника легкой!

С усидчивостью у Петра Семеновича не заладилось еще с детства, ее хватило только, чтобы с горем – пополам закончить 8 классов и, затем жизнь его протекала в основном в движении и, в основном на свежем воздухе. Но годы берут свое, и захотелось Петру Семеновичу тепла и покоя.

Он устроился охранником в ювелирный салон недалеко от дома и поначалу наслаждался ничегонеделанием, сидя на мягком стуле у выхода и разглядывая хорошеньких продавщиц да редких посетителей. Однако через месяц он начал скучать, а через два уже стал мучиться на не таком уж мягком и удобном стуле. Он уже подыскал себе другую работу – гардеробщиком в театре неподалеку и ему оставалось отработать две последние смены в салоне, когда случилась эта история.

Салон готовился к закрытию, входная дверь уже была заперта, и продавщицы укладывали украшения – кольца, цепи,

серьги с драгоценными камнями – в специальные коробки и убирали в сейф. Это был даже не сейф, а отдельная комната, закрывавшаяся на огромную бронированную дверь с разнообразными замками и лампочками. Чудо техники! Да в кабинете директора еще находился какой-то посетитель и из-за приоткрытой двери Петру Семеновичу слышались обрывки разговора, где несколько раз прозвучало слово «бриллиант». Вскоре комната-сейф была заперта, поставлена на сигнализацию и продавщицы, попрощавшись с Петром Семеновичем упорхнули. Вслед за ними вышел и посетитель директора, и Петр Семенович закрыл за ним дверь. Директор оставался в кабинете и разговаривал по телефону.

– Представляешь!?!...бриллиант из Армении...!» – услышал Петр Семенович из-за двери кабинета.

– Только, что получил .. Да, да – тот самый, ... прикинь! Оставлю его в сейфе.... потом удивлю тебя....» и директор, продолжая разговор, прижимая плечом трубку к уху, закрыл дверь кабинета и покинул салон, едва кивнув Петру Семеновичу.

– Вот, сука, бриллианты ему вишь ли носят, а тут, как говорится: «Последний хрен без соли доедаем» – злобно пробормотал в директорскую спину Петр Семенович. Вот бы спереть его на прощание, неплохое бы вышло выходное пособие – ухмыльнулся он.

Стоп! – осенило Петра Семеновича – когда принесли бриллиант, главный сейф был уже закрыт и поставлен на

охрану, поэтому директор оставил его в маленьком сейфе в своем кабинете. Сейфик там хлипкий – на раз открыть можно, жаль инструмента никакого под рукой нет. А можно и вообще с собой унести – силенок вполне хватит. Как бы еще при этом остаться безнаказанным?

План сказочного обогащения созрел быстро.

По регламенту, Петр Семенович пред тем как покинуть салон, должен был позвонить на пульт охраны, после чего включить сигнализацию и закрыть за собой дверь.

Петр Семенович все сделал по инструкции, поставил на сигнализацию, позвонил и доложил, что пост покидает, однако выходить из салона не стал. Он тихо посидел полчаса, а потом ударом ноги открыл директорскую дверь, и без труда подхватил маленький офисный сейф. Затем подошел к входной двери, осторожно выглянул из-за витрины на улицу и, убедившись, что прохожих не было, разбил сейфом стекло и выскочив на тротуар, сразу метнулся в соседний двор и, через пару минут уже был далеко, т.к. прекрасно знал все проходные дворы в этом квартале.

Вскоре он уже сидел на своей кухне и перед ним на столе стоял сейф, но Петр Семенович не стал спешить. Он достал из холодильника початую бутылку Столичной, не торопясь открыл банку балтийской кильки в томатном соусе, налил рюмочку и медленно с наслаждением выпил. Водка обожгла подпорченный гастритом пищевод, но потом тепло разлилось по животу, и жизнь вновь стала прекрасна.

Все прошло как по маслу – размышлял Петр Семенович – Это будет выглядеть как уже после моего ухода, неизвестный злоумышленник, с улицы разбил стекло, скорее из хулиганских побуждений, и похитил ничего не стоящую вещь – ведь все драгоценности хранятся совсем в другом сейфе – а в маленьком могут быть только бумажки да личные вещи, ведь никто, кроме директора, не знает, что там был бриллиант, а тот и не скажет- скорее всего этого его самого темные делишки. Так что и искать то будут уличную шпану, а на меня уж точно не подумают – размышлял Петр Семенович – да и вообще полиция особо париться не будет с этим делом.

Тут он оказался совершенно прав – полиция не стала тратить много времени, а просто просмотрела записи с камер наружного наблюдения, которых было в избытке в округе, и где наш герой засветился во всех проекциях. Но это будет завтра, а пока

Сейф открылся сразу. Внутри оказался початый блок Мальборо, бутылка коньяку и ворох бумаг. Никаких коробочек, пакетиков или еще чего, в чем можно бы было хранить бриллиант, не было!

Петр Семенович высыпал пачки из блока и тщательно их осмотрел – ничего. Просмотр директорских документов также ничего не дал. Посмотрел на свет сквозь коньяк – ничего не разглядел. Потом он вспомнил из какого – то фильма, что бриллианты в воде становятся невидимыми. Открыл бутылку и процедил содержимое через ситечко в стеклян-

ную банку – опять мимо! Раздосадованный Петр Семенович выбросил пустую бутылку в форточку. Затем принялся пить большими глотками из банки. Напиток показался ему – так себе, ведь он больше уважал беленькую, но все равно, бутылку осилил – не пропадать же добру! Затем прикончил и оставшуюся водку и забылся беспокойным сном, из которого и был поутру извлечен сотрудниками полиции.

Утром того же дня дворник, убирая мусор с газона, поднял пустую бутылку со скромной, темных тонов этикеткой.

Он прочитал: «Коньяк коллекционный. О.С. «Бриллиант Армении»

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Решил я как-то навестить своего старого приятеля. Он жил в то время в коммунальной квартире на набережной Фонтанки. Мы не виделись давно, произошло немало событий, накопилось новостей, требующих обсуждения и, шагая от метро с пакетами с провизией и напитками, я предвкушал отличный вечер. Толик уже ждал меня, круглый стол под старинным абажуром был уставлен закускам, в пятне теплого желтого света искрился хрустальный запотевший графинчик, и граненые рюмки на длинных ножках томились в ожидании. Мы не заставили себя долго ждать.

Редко случается, когда во время застолья достигаешь полной гармонии с собой и окружающим миром, когда исчезают все тревоги и волнения, когда прошлое кажется достойным и наполненным, будущее – безоблачным, а настоящее – просто прекрасным. Это состояние nirваны достигается, когда совпадают сразу несколько факторов: сам напиток – по моим исследованиям это должна быть обязательно водка, и обязательно – хорошая. (Возможно, с помощью вина, пива или коньяка тоже возможно достичь определенных высот, но мне этого пока не удавалось). Затем температура напитка – не ледяная, но и не комнатная. Еще очень важно соблюсти правильный объем, выпиваемый за раз – это должен быть один небольшой глоток, за который рюмка должна пол-

ностью опустошаться – ни в коем случае нельзя оставлять ни капли. Слишком большой глоток, в свою очередь, может нарушить хрупкое равновесие и перечеркнуть все наши усилия. Затем – частота тостов – как слишком маленькие, так и длинные перерывы не позволят достичь нашей цели.

Теперь – закуски, из холодных – только проверенная десятилетиями классика – селедочка на бородинском хлебе с ялтинским луком, яйцо под майонезом, тонко нарезанное сало (чтобы скатывалось в трубочку). К горячим закускам требования менее строгие, условие только одно – обязательно должно быть мясо (не рыба и не курица) и его должно быть много. Ну и, разумеется – самое главное! – физиономия напротив – тебе должно быть приятно не нее смотреть и слушать.

Казалось бы – несложный набор, но как же редко все сходится! В это вечер – как раз сошлось. Время летело незаметно, одна тема сменяла другую, опустевший графин уступил место бутылке. Где-то в районе полуночи в дверь тихонько постучали, это была соседка Анна Ивановна – милейшая женщина, коренная петербурженка, чуть ли не дворянка, редкий уже представитель старой питерской интеллигенции. Извинившись, она попросила нас разговаривать немного тише, если нас это конечно не затруднит.

– Ой, извините, тетя Ань, давно не виделись с приятелем, столько всего рассказать нужно, увлеклись, будем потише.

– Хорошо, мальчики, конечно – сидите, извините, что

вмешалась – и дверь закрылась. Мы снизили уровень децибел и продолжили.

Еще через какое-то количество часов и рюмок, мы решили тихонько послушать музыку. Вспомнить песни молодости. Тихонько-тихонько...

Опять стук в дверь

– Толя, я все понимаю, давно не виделись, надо посидеть, пообщаться, я сама молодая была. У меня к вам только одна просьба – пусть Розенбаум один поет. Начните писать текст новой главы

ЛЕКСЕИЧ

Работа у Маши была, что называется – «Не бей лежачего». Хотя сегодня руки так и чесались. Лежачие – вообще народ вредный и винить их за это никак нельзя, попробуй – полежи-ка хоть недельку! А если месяц? А год? Сам с ума сойдешь, да и окружающих сведешь. Все это Маша – социальный работник – конечно понимала и жалела своих подопечных, но иногда они становились просто не выносимы в своих капризах. Вот и сегодня, притащив два тяжелых пакета из Пятерочки, где она купила все строго по списку, составленному Ильей Алексеевичем, она, еще не успев отдышаться, узнала, что оказывается в список, по трагической оплошности, не был включен творожок Даниссимо с шоколадной крошкой. А он крайне необходим прямо сейчас, и вообще если бы она так не торопилась и не торопила его, то он бы еще тогда вспомнил, и ей не пришлось бы прямо сейчас скакать обратно в магазин. И разве он просил булочку с корицей? Ведь всем давно известно, что он уже не любит корицу, и с гораздо большим удовольствием отведал бы пирожок с яблоком, но ведь всем насрать на него, и на его и без того скромные запросы...

– И да, кстати – принеси-ка мне судно, дорогуша.

Но, надо признать, что подобные капризули случались не часто, и вообще Алексеевич был славным стариком. Маша

ухаживала за ним уже более года, и они подружились. У Лексеича, как его звала Маша, всего-то осталось два друга – она и телевизор. У него была тяжелая форма Паркинсона, и он практически не мог ходить, руки еще слушались, но сильно дрожали и каждое движение давалось ему с трудом. Героических усилий требовалось, чтобы просто донести вилку до рта, не уронив содержимое. В остальном он был здоров и – как говорится, при уме и памяти. Родных у него не осталось, и Маша только догадывалась, как тяжело ему проводить дни в беспомощном одиночестве, как мучительно долго тянется его время.

Маша приходила каждый день, не дольше, чем на часок, за это время она успевала приготовить еду, сходить в магазин и совершить необходимые санитарно-гигиенические мероприятия. Лексеич всячески старался задержать ее подольше, используя незатейливые хитрости и уловки. Сперва – это был пульт от телевизора. Он постоянно куда-то пропадал, и Маша поначалу, подолгу его искала перед уходом, перерывая всю постель. Но потом, когда она пару раз нашла его аккуратно затолканным под матрац, она догадалась и поиски «пропажи» уже не занимали много времени. Тогда стали внезапно повышаться температура и давление, которые после проверки оказывались, что называется – «как у космонавта». А один раз он заказал в магазине пирожных и шампанского, а потом упросил Машу, разделить с ним пиршество, сославшись на свой день рождения, который – как прекрасно пом-

нила Маша – был полгода назад.

Когда у него бывало хорошее настроение, он, пока Маша шуршала по хозяйству, рассказывал многочисленные истории своей жизни, и она каждый раз удивлялась его памяти, сохранившей мельчайшие подробности, несмотря на прошедшие десятки лет. Он помнил и пленных немцев, и послевоенную разруху, и похороны Сталина, на которые он вместе с товарищем специально ездил из Ленинграда, и как их там не пускала милиция на Красную площадь, а они все равно пролезли какими-то закоулками, и как их потом едва не задавили в давке.

– А про Ледовое Побойще ничего не расскажешь? – смеялась Маша с кухни

– А как же! Вот, прям как сейчас помню: стоим это мы, с Шуркой Невским у Вороньего Камня... – хихикал в ответ Лексеич.

В последнее время – как узнал, что Маша на месяц уезжает в отпуск – Алексеевич пребывал не в духе и то и дело досаждал Маше всяческими придирами. Но сегодня, в последний ее день перед отпуском, демарш с Даниссимо был просто вопиющим, у Маши от обиды и несправедливости даже защипало в носу, не сказав ни слова, она подтолкнула под скандалиста судно и ушла на кухню, дабы не нарушать приватность процесса. При этом незаметно прихватила с собой пульт от телевизора – пусть ка теперь взаправду поищет, старый хрыч! Перед уходом верну.

Сделав свои дела, Алексеевич, видать понял, что перегнул палку, от творожка отказался, а еще через какое-то время даже попросил прощения. Он был прощен, и оставшееся время прошло в обоюдном понимании и согласии, она сказала, что замещать ее на время отпуска будет очень хорошая девочка, и чтобы он ее не обижал, а месяц пролетит – не успеешь оглянуться – и я тут как тут.

– Ладно, не обижу – что я деспот какой. Ты там, там давай отдохни, как следует, сил наберись, они тебе понадобятся, по магазинам – то бегать – хи-хи... Веди себя хорошо, знамя Питера не урони, за буйки не заплывай, со всякой местной шпаной не водись...

– Ой, хорошо Лексеич, высоко – высоко буду знамя держать! А моральный облик – еще выше!

– Вот, и умница. Ракушку мне привези, что ли – тут он отвернулся к стенке и как-то странно хрюкнул. Маша быстро чмокнула его в щеку и убежала.

Месяц пролетел быстро. Для нее – так совсем стремительно.

– Ну как там мой подопечный? – позвонила Маша сменщице.

– Представь – он через неделю после твоего отъезда помер.

– О, Господи!! Как?!!

– Да я прихожу в первый же день, а он – на полу лежит. Зачем – то встал, да и упал, а самому –то не встать, вот и

пролежал всю ночь на полу, воспаление и подхватил. А это сама знаешь, для лежачего – приговор. Так за неделю и сгорел.

– Блин, нафига он вообще с кровати-то вставал?

– Да, черт его знает, вроде пульт какой-то искал. Начните писать текст новой главы

КУ - КУ

В лесу было тихо. Даже птиц не слышно, только изредка хрустнет под сапогом ветка. Михалыч за час набрал корзинок красных и возвращался к дороге, где оставил машину. Он наломал папоротника, прикрыл грибы и сел на пенек перекурить. Где-то высоко, невидимая в ветвях громко подала голос кукушка.

– Ну – ка, скажи кукушка сколько мне жить? – усмехнулся Михалыч.

Предсказательница послушно начала отсчет. Когда она закончила, Михалыч насчитал шестьдесят.

– Интересно, это мне осталось еще столько, или ты мне всего шестьдесят выделила? – задался он риторическим вопросом – поскольку ответ лежал на поверхности. Через неделю ему исполнялся 61, а о 120-ти годках фантазировать было глупо.

– Да ты никак черту мне подводишь, жадная птица? – хмыкнул Михалыч и аккуратно затушил окурок.

Михалыч не был суеверным и приметам, астрологам и всякой прочей чепухе не верил. Здоровья он был отменного, ни с какими докторами отродясь дел не имел, и на зловещий кукушкин прогноз посмотрел, как на забавное совпадение. Но сама мысль, что он может вот так внезапно завершить свои земные дела, его зацепила. Он никогда об этом не за-

думывался, и сейчас, бредя по лесу, то перешагивая через поваленные, уже давно мертвые деревья, то обходя молодые, только начинающие свой путь навверх к солнцу поросли, его впервые посетили извечные мысли человечества о жизни и смерти. Что мы оставим после себя, кем останемся в памяти? И останемся ли? Или наплевать? Эти вопросы рано или поздно приходят к каждому, вот и Михалыча подтолкнула пернатая гадалка.

– А ведь, если отбросить шутки и предположить, что я вот возьму, да и сыграю в ящик взаправду? Мало ли, что может случиться, тот же кирпич – на голову и что? Надо ли, что-нибудь предпринять, как-то подготовиться? Или пусть все идет своим чередом?

Каждый по-своему отвечает для себя на эти вопросы. Михалыч, пока шел к машине, пришел к выводу, что нельзя оставлять не законченных дел. Тех, которые может и должен сделать только он, которые без него так и останутся недоделанными.

Первое и важнейшее незавершенное дело – дочь.

Они не общались уже более трех лет. Совсем. Все из-за придурка – зятя. Он не мог понять, как его умница-красавица, могла выбрать этого никчемного болвана. Попытки вразумления ни к чему не привели. Он надавил, но неожиданно получил настолько решительный отпор от своей всегда послушной девочки, что даже растерялся и вместо того, чтобы спокойно и аргументированно донести свою – единственно

верную – позицию, сорвался на грубость и тем окончательно все загубил. Его грубость встретили грубостью и после череды ужасных, невозможных фраз, криков и слез, она хлопнула дверью, на следующий день, пока он был на работе, перевезла свои вещи и заблокировала его номер.

Время от времени, через бывшую жену, до него доходили известия о ее жизни. Муж оказался не таким и болваном, и жили они, похоже, вполне себе дружно и счастливо. Михалыч тяжело переживал ссору, но чувствовал себя незаслуженно оскорбленным и примирения не искал. Пусть–ка сама первая прощения просит, соплячка мелкая!

Но сейчас он посмотрел на ситуацию под другим углом. Какие обиды и амбиции – на пороге вечности? Он должен помириться с дочерью и точка!

Он набрал номер, но ему не ответили. Тогда он написал сообщение, где просил прощения и просил о встрече. Он увидел, что оно доставлено и прочитано. Ответа, однако, не последовало. Ничего, подождем, дадим ей время, первый шаг уже сделан...

Он подумал о бывшей жене. Может тоже написать? Сказать, что скучает... Хотя, зачем? Получит в ответ, какую-нибудь вежливую, ничего не значащую фразу. Ни к чему это, тут все вопросы уже решены и закрыты. Кирпич может спокойно прилетать.

А вот Серега – совсем другое дело..... Незавершенное.

Они были лучшими друзьями в школе, потом – в инсти-

туте, а потом.....

Много лет назад, в светлую эпоху перестройки, Михалыч остро нуждаясь в деньгах, решил продать свой видеомагнитофон. Со слезами на глазах. Серега вызвался помочь, быстро нашел покупателя, и даже за большую сумму, чем рассчитывал Михалыч. А когда покупатель принес деньги, попросил отдать ему эту разницу. Обычный процент за посредничество, как сказали бы сейчас.

Но тогда еще вирус капитализма не поразил наше общество и понятия друг и бизнес-партнер еще не стали синонимами. И по разумению молодого тогда еще максималиста-Михалыча, лучший друг не имел права зарабатывать на нем. А если так поступил, то и право называться лучшим другом утратил. А посему он молча вручил Сереге его долю, после чего стал старательно избегать общения. Серега, не сразу понял, а потом, когда до него дошло, состоялся разговор с объяснениями и извинениями, но трещина уже прошла и заделать ее не получилось. Они все дальше отдалялись и в итоге совсем потерялись и последние десять лет Михалыч о Сереге ничего и не слышал. Хотя вспоминал частенько и даже испытывал смутное чувство вины, что так все получилось. В те годы всем жилось не сладко, ну заработал друг пару грошей, в позу-то чего вставать? Павка Корчагин хренов!

Михалыч набрал номер старинного общего знакомца, с которым тоже не виделся кучу лет.

– Привет, как жизнь? О Сереге ничего не слышал, не зна-

ешь где он? А то я его номер куда-то задевал...

– Серега-то? Конечно, знаю – на Южном кладбище. Четыре года уж как. Тромб, понимаешь...

В трубке еще что-то говорили, но Михалыч уже не слушал. В глубокой задумчивости, он брел по тротуару, сосредоточенно глядя под ноги.

Дальше – почти по Булгакову.

Только роль Аннушки сыграл Антон, маляр из РСУ-17. И нечаянно пролил он не подсолнечное масло, а олифу. И не на трамвайные пути, а на проезжую часть. Аккурат в том месте, где дорога делает поворот.

Услышав стремительно нарастающий сзади, шум, Михалыч поморщился – настолько тот показался ему не уместным в данный момент.

Оглушая округу ревом «спортивного» выхлопа, под бравадный ритм кавказских барабанов, наглухо затонированная «Приора» влетела в поворот.

БЛИЦКРИГ

Борман медленно шел по обсаженной кустами дорожке. Он любил пройтись в одиночестве по этому уютному, огороженному от суеты и шума скверику. Он вообще любил оставаться один, это случалось крайне редко, и он ценил такие моменты. Вот и этот подошел к концу – на боковой аллее показались три знакомые фигуры – Ева, а за ней Адольф с Геббельсом. Они пока не заметили его, и он остановился в тени дерева, чтобы не быть обнаруженным – вчерашний конфликт с Геббельсом был не исчерпан, и Борман не хотел его продолжения в присутствии Адольфа. Зная вспыльчивый и не предсказуемый нрав последнего, невозможно было угадать чью сторону он примет, а уж то, что в стороне он не останется, можно было быть уверенным. Поэтому разрешение этого вопроса Борман решил оставить на потом, дожидаться случая.

Случай, впрочем, подвернулся почти сразу – невесть откуда появился этот неугомонный Штирлиц.

Насчет Штирлица у Бормана давно уже были подозрения – какой-то он был не такой, чужой, что ли. И эта его расхлябанная походка, бесцеремонность, отсутствие манер, вызывали у Бормана сомнения в легитимности нахождения Штирлица среди элиты.

Вот и сейчас, едва нарисовавшись, Штирлиц тут же сунул-

ся Еве под хвост, за что тут же огреб сперва от Адольфа, а потом и от самой Евы. И пока Ева с Адольфом учили Штирлица хорошим манерам, Геббельс не участвующий в воспитательном процессе остался один.

Вот, прекрасный момент! – решил Борман- пока он не видит надо внезапно напасть сзади, устроить, так сказать, блицкриг – и он стремительно бросился на зазевавшегося противника.

Шел обычный день в питомнике по разведению немецких овчарок.

ТЕМ.КТО ПОМНИТ СКАЗКИ

1.

Они сидели в уютной комнатке, из распахнутого окна которой открывался впечатляющий вид на раскинувшийся внизу старый город, подсвеченный вечерними огнями.

– Мне это уже начинает надоедать, я опять бросаю все дела, лечу к нему, а него, видите ли, настроения нет!

– Я тебя умоляю, какие это такие дела ты бросил? Уж не смеши меня! Это я, вот прямо с занятий, только поесть успел...

– Вот! Пожрать то успел, а меня и не подождать было? Я бы тоже подкрепился, да ты разве думаешь когда обо мне?

– И мне еще реферат дописывать и с собакой нужно погулять...

– Ты уже достал со своей собакой! На меня уже вообще времени не находишь! Я ведь и обидеться могу...

– Блин, надоели уже твои обидки! Ведешь себя как инфантильный подросток, уж повзрослеть давно пора. Только развлечения в голове – я так больше не могу, мне о будущем надо думать, как ты не можешь этого понять? Да если честно, то и не интересны мне уже эти глупости...

– А-а-а-а...! Вот как заговорил! Уже забыл, сколько раз я тебя спасал? Сколько утешал, когда ты рыдал тут, маленький обиженный мальчик!? Надоел я тебе, так и скажи, навязы-

ваться не буду! – на глазах выступили слезы, голос дрожал.

– Ну, раз сам напросился то – пожалуйста – ты мне надоел, я устал и хочу сейчас спокойно побыть в одиночестве. Все, услышал, чего хотел?

– Да, я услышал – голос внезапно стал спокоен и холоден. Он вдруг резко поднялся, подошел к окну и встал на подоконник.

– Вот только этих твоих театральных представлений мне не хватало! Вот, я отворачиваюсь. И даже смотреть не собираюсь.

– Ну, смотри, как бы не пожалеть потом!

И он шагнул в пустоту.

– Не пожалею! – крикнул Малыш вслед и закрыл окно. За восемь лет он досконально изучил несложный характер Карлсона и не сомневался, что назавтра тот опять нарисует-ся, как ни в чем не бывало и о сегодняшней ссоре даже не вспомнит.

Не забыть бы только окно завтра утром открыть...

—

2.

Он промахнулся. Пальцы только скользнули по ветке, и громко чертыхаясь, Маугли рухнул вниз с десятиметровой высоты. Пока летел, проламываясь сквозь заросли лиан, в очередной раз вспомнил покойничка Акеллу. Надо бы проведать стаю, давненько не виделись. Уже у самой земли он присмотрел и ухватил ногой прочную лиану, и закачался

вниз головой, запутавшись шевелюрой в кусте акации. Повисел несколько минут, пытаясь уснуть, но сон не шел, голова гудела, зверски хотелось пить. Вчерашнее вспоминалось с трудом. Все-таки надо аккуратней быть с напитком из меда диких пчел. Говорил ведь, что хватит уже, но с Каа разве поспоришь! Давай – по – завершающей, на посошок, да еще – на ход ноги. Нормально – удав пьет на ход ноги? А что, ему – червяку десятиметровому, он о похмелье только со слов Маугли и слышал. Маугли страшно ему завидовал – удав бывает так нажрется, что и ползать уже не может, валяется прямо на тропе кверху своим желтым брюхом и шипит во всю глотку свои песенки, типа «Обниму тебя я крепко». А остальным и на водопой не пройти, приходится по кустам продирается, от греха подальше – а вдруг и в самом деле обнимет? А наутро – как и не пил вовсе! Правда не помнит ничего. Этим частенько пользовалось зверье, предъявляя Каа за якобы задушенных и сожранных им по – пьяни родичей. Каа стыдился и компенсировал, как мог «осиротевшим» родичам. Кому фрукты с высокой пальмы достанет, кому – водорослей с речного дна. Или «вопросы решит» с конкурирующей стаей.

Правда, случались и казусы – как-то он встретил бабуина, которого «сожрал» месяц назад. Справедливо рассудив, что за это он уже рассчитался, он с чистой совестью слопал бедолагу, который только вернулся из соседних джунглей, где гостил у друзей и не подозревал, что предприимчивая родня

уже монетизировала его отсутствие.

Последнее время и сам Маугли стал обращать внимание на провалы в памяти после посиделок. Вот и сейчас покачиваясь на лиане, он пытался восстановить в памяти вчерашний вечер. Помнил, как поругался с Жаконей, которая опять пыталась не пустить его к Каа. Он вроде нагрубил ей... Ладно, извинюсь сегодня, какую-нибудь вкусняшку принесу, она отходчивая, простит.

А вот, что с Шер-Ханом Джуниором по дороге поцапался, это гораздо хуже. Как и его покойный папашка, тигр отличался редкой злопамятностью и коварством – ходи теперь оглядывайся.

– А, ладно, прорвемся, не в первой. Сейчас – купаться, сразу полегчает. А потом надо на могилку к Балу заглянуть, давно собирались порядок там навести, заросла вся. Каа, наверняка уже там, опять начнет – давай за упокой, вечную память, за дружбу Воистину – Змей Искуситель! За свои 200 лет он выучил такое количество тостов и так убедительно научился обосновывать их необходимость, что у Маугли были все основания опасаться, что примирения с Жаконей сегодня может и не состояться.

Он спрыгнул на землю и направился к речке, вычесывая по пути колючки из седой бороды. –

3.

– Ой, Карлович, походу кто-то приперся, слышишь шум в приемной? Пойду, гляну – с этими словами секретарша, на

ходу оправляя блузку, выскользнула из директорского кабинета. Там и правда, был посетитель – высокий, широкоплечий, с длинной рыжей бородой, он только вошел, и стоял посередине комнаты, тяжело дыша и гневно вращая глазами.

– О, какие люди! – но он молча, словно не узнавая, отодвинул ее в сторону и вошел в кабинет, с силой захлопнув за собой дверь. Секретарша возмущенно фыркнула, уселась за свою конторку и стала обновлять макияж, старательно прислушиваясь к доносящимся из-за плотно закрытой двери звукам. Дверь была старая, хорошая и слышно было плохо. Как милая дама не напрягала слух, она смогла уловить только отдельные выкрики посетителя. Голосок Карловича еле доносился, и разобрать ничего было нельзя, но в целом было понятно, что посетитель ругался и угрожал, а директор оправдался, но не вполне уверенно.

Но вот дверь распахнулась.

– Ей, Богу – как заноза в заднице! Смотри, пожалеешь! – бросил, на прощание, через плечо, рассерженный посетитель и, опять не удостоив секретаршу взглядом, удалился. При слове «заноза» девушка вздрогнула – она как раз пыталась вытащить из губы маленькую занозу. Отложив пинцет, она вошла в кабинет.

Шеф сидел, низко свесив голову, его нос почти упирался в пачку листов, лежавших перед ним.

– Ну, что я тебе говорила? Зачем связался, ведь сколько раз уже по носу получал! Никак старые обидки не забудешь!

Не по зубам он тебе, забудь уже про это здание...

– Это мы еще поглядим. У меня тут тема одна наметилась, если срастется – ему мало не покажется! Я ему бороденку враз укорочу! По подземным переходам будет, у меня, гастролировать! Только тут деньги потребуются, много денег...

– Да где ж их взять? Я зарплату за два месяца у тебя выклянчить никак не могу...-

– Ладно, не жужжи, скоро все получишь. Кое-какие денежки у меня есть, но их не хватит, нужно больше. Ты свяжись – ка с «Алисой и Ко». Их инвестиционный фонд обещает утроить капитал за неделю.

– Совсем сбрендил? Эта рыжая тварь уж сколько раз тебя облапошивала?!!

– Ну, это когда было... Сейчас они на международный уровень вышли, холдинг у них....

– Какой, нафиг холдинг?! Как были разводилами, так и остались! Не собираюсь я с ней общаться!

– Ох, распустил я тебя, Мальвина – шеф встал, натягивая курточку – ладно, сам к ним съезжу, скажи Артемону, чтоб машину подавал. –

4.

Шведский стол был богат. У Мишани аж дух захватило, влево уходили холодные закуски и салаты, далеко уходили – метров тридцать сплошных лотков и тарелок. Параллельно, шел ряд горячих блюд – рыба, мясо, птица, овощи. А тре-

тым – также на десятки метров – рядом выстроились десерты: пирожные, муссы, мороженое, сухофрукты.

Мишанин поднос оказался заполненным уже на первой трети салатного ряда. Пришлось прервать обход и вернуться к столу. Через пятнадцать минут с первой партией салатов было покончено, и он продолжил обход. Когда еще через сорок минут он, наконец, добрался до кондитерского ряда, его уже мутило.

– Не будь тряпкой, путевку окупать нужно! – мобилизовал он себя – и с подносом наперевес, мужественно шагнул к блюдам с пахлавой. Пахлаву пропитывают медом, а за мед Мишаня мог отдать все, что угодно.

Его приятель Саня Пятаков трезво рассудил, что алкоголем «отбить» путевку получится гораздо быстрее, и все усилия сосредоточил именно на этом направлении. Он не стал расплываться на закуску, и сконцентрировался исключительно на крепком алкоголе. И, разумеется, очень скоро преуспел. Мишаня не успел еще вернуться с третьим подносом, а Пятак уже развалился на стуле и бесцеремонно разглядывал сидящих за соседними столиками женщин. Его, и без того маленькие глазки, совсем превратились в щелочки, из-под редких белесых ресниц струилось неотразимое мужское обаяние. Правда, каждая из осененных магическим взором дам, тут же в испуге, отводила глаза, но Пятака это нисколько не смущало, и вскоре он заметил одиноко сидящую за столом даму. Она была не молода, строго и старомодно одета.

На ее широком, почти круглом лице выделялся неожиданно тонкий, крючковатый нос, который украшали большие круглые очки.

– Как тебе мадама ? – толкнул он Мишаню

– Н-у-у-у, не знаю, на сову похожа.

– Ха! Точно похожа! А пофиг, пойду склею – с третьей попытки ему удалось подняться из-за стола.

– Привет, Сова! – начал беседу Пятачок.

– Простите? – дама поправила очки и уставилась на кавалера.

– Мне кажется, кто-то слишком много выпил – слышался сзади скрипучий голос. Пятачок обернулся – перед ним стоял высокий худой мужчина, так же чопорно и старомодно одетый и в таких же круглых очках. Его усы над заячьей губой смешно топорщились, вероятно – от возмущения.

– А мне кажется, что кто-то сейчас нарвется! – Пятачок всегда был очень смелым, когда поблизости находился Мишаня.

– А еще кто-то очень много съел – не обращая никого внимания на Пятачка, и, глядя поверх его на Мишаню, который тяжело дыша, отвалился на стуле, и безуспешно пытался сдержать могучую отрыжку – молвил мужчина, повысив голос – что о нас подумает персонал отеля? Давайте вести себя по-людски – с этими словами он отпихнул Пятачка и уселся за столик к Сове, которая одарила его благодарным взглядом.

Хоть толчок не был сильным, его хватило, чтобы свалить горе-ухажера. Пятачок сперва засеменял ножками, а потом запнулся и с грохотом завалился аккуратно под стол, где они сидели с Мишаней, попутно зацепив скатерть и стащив ее на себя, вместе с грязными тарелками, бокалами и не доеденным блюдом с пахлавой, прямо из-под носа у приятеля. Там, укутанный скатертью, присыпанный восточными сладостями и осколками, он немного побарахтался под столом, а потом хрюкнул, дернул ножкой и затих.

Мишаня попытался было помочь корешу, но не смог подняться, он попросту застрял в кресле.

– У кого – то слишком узкие кресла! – он сделал пару энергичных попыток высвободиться, но быстро устал, к тому же подкатила тошнота, и он так и остался сидеть, за пустым уже столом, отдуваясь и тяжело дыша. В уголке рта повисла длинной каплей слюна, но Мишаня ее не замечал, он смотрел на пол – на торчащие из-под скатерти ножки.

В таком виде и застал друзей, подошедший на шум метрдотель.

– Душераздирающее зрелище – только и смог вымолвить он.

ПОДАРОК

НаИсполнилось Марине 50 лет. Отмечать решила дома, так сказать, в кругу семьи, без друзей и коллег. Тем более, что семейный круг этот – совсем не малый. Помимо мужа, двух дочерей и мамы, за столом- с трудом- разместились еще брат Петька с женой и пятью детьми. 12 человек – в хрущевке, это вам не шутка. Но разумеется разместились и чудесно отпраздновали. С конкурсами, песнями, тортами. Все как положено.

Ее брат Петька был человеком деятельным и предприимчивым. И особую пикантность его биографии придавало то, что несмотря на свою кипучую энергию, он ухитрился отсидеть полтора года в колонии общего режима по экзотической статье « За тунеядство». Потому, что в отраслях народного хозяйства Петька не смог себя проявить и занимался, как сейчас говорят, предпринимательской деятельностью. Тогда это называлось фарцовской и спекуляцией. А поскольку в трудовую книжку подобная деятельность не заносилась, то и получается, что ты бездельник и тунеядец и самое место тебе – на нарах. А то, что дома осталась также неработающая, причем на самых на законных основаниях , жена и пятеро детей – эта мелочь не была принята в расчет родной Фемидой. Хорошо, Петькины друзья помогали, не дали помереть с голоду.

В подарок Петька преподнес юбилярше роскошную хрустальную вазу – Марина любила хрусталь и собрала целую коллекцию из разноцветных фужеров, вазочек и графинчиков, красовавшуюся в серванту. После восторгов и благодарностей за прекрасный подарок, ваза- после длительных раздумий и перестановок (сервант- то не резиновый, а нужно ,чтобы каждый экземпляр коллекции был на виду)– заняла центральное место. Она была самой большой в серванте и вокруг нее скомпоновались остальные экспонаты. Получилось красиво и гармонично. Марина даже загнала мужа на табурет, и он вертел рожки люстры, направляя пучок света под нужным углом. Хрусталь сиял и переливался всеми своими гранями, даже маленькие разноцветные рюмочки из богемского хрусталя, раньше скромно стоящие в тени, вдруг заиграли изумрудными и гранатовыми всполохами в отраженном от центральной вазы свете. Марина была счастлива.

А ночью в квартире прогремел взрыв.

Зная любовь сестры к хрусталию, Петька обратился к одному из приятелей, работавшему на заводе, где делают хрусталь и заказал тому самую шикарную вазу. Приятель тот был Петьке обязан, и денег за вазу брать не стал. Но и самому платить немалую сумму, хоть и меньшую, чем в магазине, ему также не хотелось, и вазу он решил попросту украсть.

При производстве хрусталя в нем возникают внутренние напряжения, и чтобы их снять, уже готовые изделия отправляют в печь, где под воздействием высоких температур это

напряжение снимается. Кажется, это называют нормализацией. Но это не важно, а важно то, что после печи хрусталь напрямую попадает в фасовочный цех, где его упаковывают в короба и отправляют на склад готовой продукции и где никакой возможности украсть его, уже нет. А вот до печи – есть. Петькин приятель работал подсобным рабочим и в технологических нюансах производства хрусталя не разбирался.

Когда испуганная Марина вбежала в гостиную и включила свет, то увидела на месте коллекции кучу битого стекла. Уцелела только небольшая конфетница из толстого хрусталя, да и у той был отколот краешек.

– Ничего страшного, подумаешь стекляшки – утешал муж плачущую Марину – будешь теперь мельхиор собирать.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ

Он открыл глаза. В окне ярким золотом горели три огромные буквы – КУЙ. Он закрыл глаза, а когда открыл снова, огромный КУЙ, по-прежнему сиял во весь оконный проем. Разгадка оказалась простой – ночью к их теплоходу вторым бортом пришвартовался теплоход «ВАЛЕРИАН КУЙ-БЫШЕВ» и несколько букв из названия оказались как раз напротив окна его каюты.

Но, как говорится, осадочек остался – у него еще накануне появилось какое-то тревожное предчувствие, и такое вот позолоченное пророчество не добавило ему оптимизма.

Он уже бывал на Валааме, но это было давно, еще в детстве, и сейчас, сойдя на берег, он как бы заново узнавал эти места. Многие изменилось, уже не было инвалидов – попрошайек, которые выстраивались вдоль дорожки, ведущей от пристани вглубь острова. Безногие на культях, одноногие на костылях, были и совсем обрубки – обрезанные почти по пояс на деревянных тележках, почти все пьяные они просили милостыню у туристов. Это были одинокие инвалиды войны и блокады, которых после Победы убрали из Ленинграда – подальше с глаз – чтобы не портили своим видом город – герою. Выглядели они ужасно, но были веселы и полны оптимизма, заговаривали с туристами, просили денег и папирос, перекидывались шутками друг с другом, а насобирав мило-

стыни, посылали за водкой и, напившись, валялись тут же по обочинам. Солдаты – победители.

Все это, разумеется, осталось в далеком прошлом и сейчас вдоль дорожки вместо попрошаек располагались продавцы сувениров и экскурсий. Марина работала как раз в одном из таких киосков, продавала матрешек, берестяных птичек, Павлово-Посадские платки и прочую ерунду для туристов – иностранцев. Она завербовалась на весь сезон, и они не виделись уже два месяца, но ежедневно созванивались и общались через месенджеры. Он не стал сообщать о своем приезде, хотел сделать сюрприз и сейчас шел в толпе туристов, высматривая Марину. Вскоре он ее увидел, она стояла возле своего киоска и весело болтала с высоким чернявым парнем, похоже продавцом из соседней палатки. Весь увешанный золотом, парень здорово смахивал на цыгана. Но вот они закончили болтать и отправились по рабочим местам. Он вскинул было руку, и уже собрался ее окликнуть, но тут цыган, отходя, потрепал Марину пониже талии. По-хозяйски так потрепал. Та только ухмыльнулась в ответ.

Тут вполне уместно будет воспользоваться литературным штампом: «Словно- налетел на стену». Он замер на полпути и, оставшись незамеченным, нырнул за ближайший киоск. Там он перевел дух, и попытался собраться с мыслями. Может, показалось? Да нет, все однозначно было... Или все-таки померещилось? И он решил еще понаблюдать.

Вот поток туристов иссяк, и Марина с цыганом снова ока-

зались рядом, и последние сомнения были развеяны.

Незамеченный, он вышел из своего укрытия и отправился в противоположную сторону. Прошатавшись несколько часов по острову, он вернулся на теплоход и до отплытия просидел в баре. Вскоре зазвучала музыка Чайковского – это означало, что теплоход отчалил. Он прошел на корму и облокотившись на деревянный поручень смотрел на удаляющийся прекрасный и злосчастный остров.

Он криво усмехнулся – вспомнилась сцена из «Титаника», где пожилая дама роняет бриллиант в море. И размахнувшись, проследил, как красная бархатная коробочка исчезла в пене за паровым винтом.

ПРО СКАЗКУ ДЕДА И КОЛЯСКУ

– Ну что, рассказать тебе сказку на ночь? – Он вошел в детскую, Никита уже лежал под одеялом.

– Ну, расскажи.

– Хочешь Новогоднюю?

– Не, Новогоднюю не хочу.

– А какую тогда? Заказывай.

– Хочу сказку «Как дед насрал в коляску»! – выпалил Никита и спрятался под одеялом. В прочем его испуг был чистой показухой. Он прекрасно изучил отца, и знал, что после пятничного ужина никаких репрессий по поводу неприличного слова не последует.

– Про деда, говоришь? – он задумался. Обычно он сочинял такие сказочки на ночь чистым экспромтом, и начиная предложение, часто не знал, чем его окончит, а уж как повернется сюжет, и каков будет финал – и подавно не имел ни малейшего представления. Здесь ситуация была обратная, чем закончится – уже известно, а вот предысторию нужно сочинить.

– А давай попробуем про деда – он принял вызов – Ну-ка, подвинься – он улегся на спину на краешке кровати, закинул руки за голову, прикрыл глаза и начал :

«Итак, жил – был дед. Назовем его Иваном Ивановичем. Жил он скромно, но не сказать, чтобы тихо или незаметно,

а скорее наоборот. А скромно я сказал – в смысле, что не богато, а не богато потому, что практически все средства он тратил на свое увлечение. А увлекался он спиртными напитками. Некоторые бы даже применили термин – злоупотреблял. Сам Иван Иванович с этим утверждением был в корне не согласен, но это к нашей сказке не относится.

И вот в одно прекрасное утро Иван Иванович вышел из дома и отправился по делам. Не вполне уверенным, но энергичным шагом он направился напрямик – к помойке, что находилась неподалеку. Ему повезло, вчера у кого-то из соседей было мероприятие, и возле кирпичной стенки, что ограждала помойку, выстроились ряды пустых бутылок. Их было столько, что в два пакета, что предусмотрительно взял с собой Иван Иванович, они никак не могли уместиться. И тогда он вспомнил про детскую коляску, что стояла внизу в парадной. Коляска была вполне рабочая, но старенькая, и ее не привязывали.

– За полчаса обернусь, никто и не заметит – Иван Иванович сбегал за коляской, застелил ее пакетами, а сверху аккуратно разложил бутылки – получилось аж с горкой – и, сгорая от предвкушения, бойко покатил коляску к пункту приема стеклотары. Толкая коляску, он уже прикинул выручку, и сейчас прокручивал в голове ассортимент ближайших магазинов. Он так задумался, что не заметил торчащую из земли проволоку. Зацепившись ногой и падая вперед, он не нашел в себе силы разжать руки, сжимавшие ручку коляски. Так и

рухнул носом в землю, а сверху на него посыпались бутылки из вставшей «на – попа» коляски. Одна попала точно в темечко и вырубил нашего героя.

Неподалеку на скамеечке, с коробочкой Изабеллы и яблоком, расположились еще два деда – Владимир Аркадьевич с Дмитрием Олеговичем. Это были приятели и единомышленники Иван Ивановича, или проще говоря – собутыльники. Прибежав на шум, они сразу опознали – по старым зеленым кедам, торчащим из-под груды битых бутылок – кореша своего золотого, и конечно не могли оставить его в столь бедственном положении. Они аккуратно, чтобы не поранить освободили его от осколков и перевернули на спину. Иван Иванович пребывал в беспамятстве, он что-то бормотал себе под нос, но в себя не приходил. Тогда коллеги решили отвезти пострадавшего домой. Они без труда подняли бедолагу и бережно уложили его в коляску. Старая советская колымага скрипнула, присела, но выдержала – благо был наш герой маленький да плюгавенький. Он весь уместился, только тощие ножки свисали почти до земли...»

– Ну, вот – почти справился, осталось только побудить героя к действию, прописанному (или прокаканному?) в техническом задании – он сделал паузу, обдумывая дальнейший ход – может пусть герою приснится страшный сон? Очень страшный... Или может... – но тут он услышал тихое сопение рядом, и повернувшись обнаружил, что Никита благополучно уснул. Видать его не особо увлекли злоключения ста-

рого алкоголика.

– Вот и правильно, нечего всякую ахинею на ночь глядя
выслушивать.

Он тихонечко закрыл за собой дверь.

САШКИ

Оба Сашки и он жили в одном дворе, ходили в один класс и даже – вот совпадение! – лето проводили на дачах в одном и том же садоводстве. На деле же, никакого совпадения не было – их родители работали на одном, а точнее единственном в их городке комбинате, и им выделили дачные участки в принадлежащем комбинату садоводстве.

Короче, детство они провели втроем. Да и юность тоже. Летом тусили в садоводстве, поочередно то у одних, то – у других, смотря у кого родителей не было, пили дешевое вино, играли на гитарах, клеили девчонок. Когда заканчивался дочный сезон, продолжали делать то же самое, только в городе. Учебой особо себя не утруждали. В общем – все как у всех молодых балбесов.

После школы оба Сашки пошли в техникум, а оттуда – в армию, а он поступил в институт и на пять лет уехал в столицу.

Вернулся уже инженером на комбинат. Сашки работали там же, но до руководящих должностей не добрались.

Встретились. И как будто не было этих пяти лет, будто и не уезжал никуда. Разумеется, все повзрослели, остепенелись, один Сашка даже женился и успел стать отцом, но в целом они остались теми же простыми и славными парнями. Троица воссоединилась. Он работал в другом подразделе

лении, по работе с Сашками никак не пересекался, и его руководящая должность не отражалась на их отношениях.

Но, со временем его студенческое столичное прошлое стало сказываться. Сашки начали казаться ему слишком простыми, их развлечения однообразными, а мечты – приземленными. Он стал все чаще уклоняться от совместных мероприятий, хотя его регулярно и настойчиво приглашали на праздники, семейные торжества и просто в гости на выходные.

А через три года ему предложили хорошую должность в соседнем городе. Уезжая, он обещал писать и звонить и навещать их при любой возможности. Он так и делал первое время, даже позвал их в гости, как устроился. Со временем звонки от него стали реже, а потом и вовсе прекратились. Изредка он приезжал навестить родных и, разумеется, встречался с друзьями. А после смерти родителей его связь с родным городом совсем оборвалась. Сашки старались не терять контакт, но после нескольких его вежливых отказов, попытки бросили. И, в конце – концов, они потерялись.

Прошли годы. Он сделал хорошую карьеру, переехал в Москву, женился, развелся, завел друзей, потерял друзей, завел новых, даже не друзей – так приятелей, собутыльников. Много работал, красиво отдыхал, но все чаще вспоминал юность и друзей, пожалуй единственных, настоящих, что у него были. И несколько раз, сидя в различных нарядных ресторанах, он ловил себя на мысли, что насколько уютней

ему было бы сейчас где-нибудь в скверике в старом микрорайоне с бутылкой портвейна и плавленым сырком. И с Сашками. С которыми можно было говорить обо всем, от политики до личных амурных неурядиц. И спорить, и ругаться и ржать над – частенько глупыми- шутками.

И однажды, волею судеб, ему довелось проезжать через родные места. И когда он проезжал мимо поворота на садоводство, где прошло его детство, он повернул. Было интересно проехать по знакомым линиям, посмотреть на их дачу, которую он давно уже продал.

Садоводство за эти годы изменилось – вместо пыльных ухабистых дорожек, был ровный асфальт, вместо убогих штакетников, почти повсюду высились высокие разноцветные заборы, полностью скрывавшие участки от посторонних глаз, и проезжая мимо своего бывшего дома, он смог разглядеть только часть метало-черепичной крыши над зеленым забором. Он проехал дальше. Вот и Сашкин дом.

И тут он увидел их.

Сашка не стал огораживаться двухметровым забором – обошелся невысоким штакетником, через который просматривался небольшой, аккуратный домик. Чуть в стороне – свежесрубленная банька. Ей недавно пользовались – дверь была открыта, и оттуда еще выползал последний пар. Неподалеку в мангале горели дрова. Сашки сидели рядышком. Перед ними, на маленьком столике – бутылка водки, банка огурцов, краюха черного хлеба и еще какая-то закуска – он

не разглядел.

Сашки почти не изменились, только один поседел, а второй – полысел. Оба с распаренными лицами, в ватниках, они о чем-то беседовали, наклонившись друг к другу, едва не соприкасаясь головами. Они посмотрели на остановившуюся машину, но, не разглядев ничего за тонированными стеклами, продолжили беседу.

Он посидел еще минуту и поехал прочь.

СПАСАТЕЛЬ

Прищурясь от яркого солнца, он всматривался в синюю даль, где среди небольших ленивых волн и голов купающихся, мелькнул черный плавник. Хотя нет, показалось – наверное тень от чайки скользнула по воде. Он перевел взгляд на волейболистов, играющих на песке у самой воды. На стройную девчонку, взметнувшуюся в красивом прыжке. На ее длинные спортивные ноги. Даже разглядел песчинки, прилипшие к загорелой, крепкой, влажной от пота попке. Затем критически оглядел собственные ноги. Вполне себе – мускулистые, ровные, загорелые – как бы славно они смотрелись рядом с ножками юной спортсменки. Особенно, если разместить их симметрично рядышком на песочке....

Он вздохнул и снова принялся созерцать купающихся – молодую пару, резвящуюся на надувном матрасе, парня на доске под парусом, уходящего все дальше от берега, бабушку с внуком на мелководе.

Было жарко, легкий ветерок не освежал, он снял бейсболку и смахнул капли пота со лба – как бы сейчас было здорово, окунуться, но об этом оставалось только мечтать....

Вдалеке, прямо на него, по пляжу двигалась самоходная гусеничная тележка с закрепленным на ней тентом, рядом шел парень в белом халате с пультом управления в руках – это продавали мороженное и охлажденные напитки. Моро-

женное – это то, что как раз сейчас надо! Хотя холодное пиво было бы еще лучше... он отхлебнул теплой безвкусной воды из пластиковой бутылки.

Он перевел взгляд налево, на набережную, где под тенью пальм чернокожие парни в белоснежном кабриолете флиртовали с пышногрудой блондинкой, та опершись о дверцу, всем своим шикарным декольте склонилась над белозубыми черными рожам. Он сплюнул и прикрыл глаза.

– Але, совесть- то есть, читатель? Может, поможешь бабушке? – вернул его на бренную землю мамин голос – Жарища такая, огурцы горят. Тут урожай спасти надо, а он развалился пузом кверху! Ну-ка бери лейку – и марш поливать!

Он отбросил когда-то глянецовый журнал, сунул ноги в шлепки и потрусил к сараю за лейкой.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

После недолгой переписки на сайте знакомств, он пригласил ее на свидание в кафе «на бокал вина».

– Полчаса живого общения дадут больше информации друг о друге, чем длительная переписка.

Она сразу согласилась.

Он уже сидел за столиком, когда она вошла. Выглядела она, точно- как на фотографии, размещенной на сайте. Стройная, волосы зачесаны назад, минимум косметики и украшений, только маленькие сережки, да тоненькая цепочка. Простое темное платье. Сумочка. Он привстал, помахал ей рукой. Она села. Он пододвинул к ней меню. Руку вытянул чуть дальше, чем это было необходимо. Чтобы из-под рукава пиджака показался Rolex. Это был фабричный Китай, не какая- то кустарная подделка. Он заплатил за них 20 тысяч рублей в интернет – магазине и очень гордился ими.

Она внимательно посмотрела на часы, потом – на него, чуть улыбнулась и, раскрыв сумочку, достала маленький розовый конверт и протянула ему.

– Сейчас не открывайте, потом. И она углубилась в меню. Он убрал конверт в карман и тоже раскрыл меню.

– Вот я, например – начал он разговор – приходя в незнакомое заведение, всегда смотрю сперва на цены на спиртное – сразу можно понять адекватные хозяева или нет. Так, так,

ну ка..., ага... Ни фиги себе! 200 руб. за рюмку Столичной! Да они охренели? Да кто к ним пойдет за такие- то деньги?!!!

– Зал вообще то, почти полон – снова улыбнулась она

– Ну не знаю, наверное, второй раз не придут уже. Ладно уж, и мы посидим, коль пришли. Вы что будете?

– Я выпью бокал Хванчкары

– Очень напрасно – ведь оно полусладкое, там сахар, а он вреден, от него и плохой сон и морщины, и лишний вес, возьмите лучше Саперави или Мукузани – они сухие. Что скажете?

– Я все- таки рискну – опять еле заметная улыбка.

– Ну, как знаете, а я возьму 200 грамм водки. Закусить чем желаете?

– Спасибо, закуска не требуется.

– А я без закуси не смогу –улыбнулся он – возьму набор солений. Он позвал официантку и сделал заказ. Официантка ушла и повисла пауза. Она сидела, сложив руки на коленях и спокойно смотрела на него, молчание похоже совсем ее не угнетало. Она ждала, что скажет он. В кафе играло радио, пела Надежда Кадышева и ансамбль «Золотое Кольцо».

– Вот, кстати певица Бабкина – начал он – завела себе мужика на 30 лет младше себя. А зачем, спрашивается, кого она обмануть хочет? Все молодится, операции всякие делает, а по мне так лучше честно, сколько тебе стукнуло – с тем и живи. Вот Вы например, молодец – не стали скрывать возраст, сколько написали – на столько и выглядите, а то неко-

которые напишут 30 лет, и фотку приложат десятилетней давности, а как вживую увидишь – Мама Миа! – он рассмеялся.

Она на этот раз не улыбнулась. Промолчала.

– А вот Вы написали, что работаете HR- менеджером, а что это? – сменил он тему.

– Это менеджер по персоналу.

– А..а...а, в офисе сидите?

– Да, преимущественно.

– А я вот считаю, что сидеть в офисе – это отстой. Превращаешься в планктон. Я тоже раньше работал так, но понял, что надо валить пока совсем не деградировал. Сейчас, вот планирую стать блогером. Работать буду на ноутбуке где угодно, хоть в кафе, хоть – на пляже... В это время у нее зазвонил телефон. Она улыбнулась, извиняясь, и взяла трубку.

– Да... да... Придерживая трубку плечом, она открыла сумочку, достала купюру и сделав ему жест – мол извини- срочные дела должна идти – встала из-за стола и, продолжая разговаривать быстро вышла.

Немного озадаченный столь поспешным бегством собеседницы, он выпил водку, закусил и достал из кармана конверт. Раскрыл его, прочитал и хмыкнул. В записке было всего три слова. Он прожил уже достаточно большую жизнь и подобные слова слышал не раз, но, чтобы в письменном виде...

Он перечитал снова: Ну, ты и мудака.

ПЕРЕГОРЕЛ

Идея родилась не сразу. Сперва появилось ощущение, что можно сделать лучше. Неясно как, но можно. Потом начали проступать детали. Поначалу не связанные, они постепенно – с разных сторон – складывались в целое. Сложились, и ему понравилось. Если проект будет принят и реализован, и жизнь подтвердит верность его расчетов, то прибыль компании может возрасти на существенные 8-10%. И это сулило ему отличные перспективы, как в смысле карьерного роста, так и сугубо материальные. Но одно дело придумать, и совсем другое – убедить руководство. Поэтому он не спешил и тщательно продумывал все нюансы.

Он понимал, что не объективен, что может преувеличивать плюсы и недооценивать минусы своего проекта. И очень важно было доказать Коммерческому Директору, что выгода с лихвой покрывает все издержки. Причем доказывать придется, преодолевая сопротивление практически всех руководителей отделов, потому, что работы прибавится всем: – ай-тишникам нужно будет внести изменения в программу, отделу Учета придется формировать дополнительные отчеты, хлопот добавится и бухгалтерии, и складу, и логистике. И руководители этих подразделений будут всячески вставлять ему палки в колеса на предстоящем совещании, где он будет презентовать свой проект. Единственно кого он не опа-

сался, а даже наоборот-рассчитывал на его поддержку, так это руководитель Закупок. Во-первых – потому, что предлагаемые нововведения не требовали особенных изменений в их работе, а во-вторых, руководитель – склочный мужичонка – перманентно находился в контрах со всеми отделами, и, уже в силу этого, может его поддержать – просто в пику всем остальным.

Но от всех остальных стоило ждать неприятностей. И он готовился к ним. Он сам выступал в роли предвзятого и придирчивого оппонента.

– Нам придется увеличивать количество машин, нанимать новых водителей. Затраты возрастут, а если проект не удастся, куда мне все это девать? – представлял он себе начальника транспортного отдела.

– Безусловно, расходы на транспортную логистику возрастут. Особенно, на первом этапе. Но нам ведь надо смотреть не на затраты конкретного подразделения, а на результаты компании в целом. Неправда ли? – это он уже мысленно обращался к Коммерческому Директору, от решения которого все и зависело.

Такие мысленные диалоги он вел с каждым из руководителей. Он придумывал самые каверзные и агрессивные вопросы, и обстоятельно и аргументированно отвечал, доказывая верность своей идеи. Он видел тонкие моменты, но плюсов было больше, главное правильно провести презентацию: спокойно, солидно, избегая ненужных эмоций. Эмоций он

опасался более всего...

В ночь перед совещанием он не спал, час–за – часом прокручивая в голове свое выступление, и последующее обсуждение, в сотый раз отвечая на вопросы и парируя возражения. Уснул перед рассветом, и встал измотанный, с ватной головой и полным отвращением-и к докладу, и ко всему своему проекту. Он даже не стал принимать заранее приготовленную таблетку успокоительного – настолько ему стало все безразлично.

Он дождался в приемной, пока секретарь пригласит его. Развесил ватман с презентацией и монотонно пробубнил наизусть выученный и отрепетированный текст.

– Идея интересная, но мне не совсем понятен Ваш оптимизм по поводу десятипроцентного роста – подал голос Коммерческий Директор, когда он закончил.

Он сотню раз отвечал сам себе на этот вопрос, отвечал убедительно, аргументированно, с цифрами и наглядными примерами, а сейчас – именно тогда, когда это было необходимо, ради чего все затевалось – уже не смог.

– Да это и ежу понятно – устало бросил он и вышел из кабинета.

СЧАСТЬЕ

Толик уже знал, что внутри. Знал, но все равно не верил. Он аккуратно – слой за слоем, снимал бумажную обертку с небольшой, но увесистой коробки. Вот последний слой пал, и перед ним открылась надпись: «Электроника 302». Магнитофон! Кассетный!! Его собственный!!!

Это был подарок от родителей на его шестнадцатилетие.

Он открыл коробку и бережно вытащил свое сокровище. Кассетник был прекрасен – блестящие серебром пластмассовые клавиши, такие же серебристые ручки-крутилки, коричневые «под дерево» пластмассовые реечки, прикрывавшие динамик, и ни с чем несравнимый запах новой вещи. Его собственной вещи. С застывшей на лице глуповатой улыбкой, он тихонько погладил магнитофон – как мог бы погладить кошку – и такой у него был счастливый вид, что стоящая позади мама прослезилась, да и отец пару раз сморгнул.

В те времена у нас была очень популярна английская группа «Smokie» и особенно ее хит «What can I do?». Прослушав ее раза три подряд, Толик решил, что наслаждаться этим шедевром единолично – это форменный эгоизм. Он распахнул окно и поставил магнитофон на подоконник. На первых же аккордах, вороны, сидевшие на березе напротив его окна, поспешили удалиться, дабы не портить концерт своим карканьем. Включенный на – полную, динамик «не тянул» – на

басах он шипел и похрюкивал, но Толика это нисколько не смущало.

– Что я могу сделать?! – хрипло вопрошал на всю округу Крис Норман. Прохожие задирали головы, ярко светило июльское солнце, и это было счастье.

Самое настоящее, безоблачное и безоговорочное.

—

– Поздравляю с приобретением. Тачка классная, проблем не будет – продавец пожал Анатолию руку. Вот она – «восьмерка»: «мокрый асфальт, длинное крыло, высокая торпеда». Да еще и с люком! Не тачка – мечта! И всего за четыре тысячи баксов! Он сел за руль. В машине было тепло, вкусно пахло ванильным ароматизатором-елочкой. Мотора почти не слышно, стекла – не запотевали, и это было так не привычно после старенького дедова «Москвича». Он удобно устроился в кресле. Поехали! Как легко и плавно переключались передачи! Как чутко машина слушалась руля. Он быстро лавировал в потоке, обгоняя другие машины. Это был кайф! Но вот на красном светофоре с ним поравнялась «Трешка» БМВ. Сидящий за рулем кавказец пренебрежительно скользнул взглядом, и на зеленый, рыкнув спортивным выхлопом, умчался от Анатолия, «как от стоячего», обдав к тому же тучей брызг.

Эта туча попыталась было набросить тень на его счастье, но он быстро отогнал ее взмахом дворников.

– Ничего-ничего, подумаешь! Мы с тобой не гонщики, мы

и так – без понтов – прекрасно поедем – приободрил он машину, похлопав по торпеде.

—

– Поехали в гавань, Алеша – Анатолий Петрович откинулся на заднем сиденье своего лимузина.

ОК! – бодро отозвался водитель Алеша – Кстати, как Вам ?

– Что как? – не понял Анатолий Петрович.

– Ну, запах новый, не чувствуете? Я новый парфюм залил в арома-машину. Самый модный сейчас – Королевская Амбра называется.

– Да? Не обратил внимания. А, действительно, что-то такое восточное чувствуется, неплохо.

Вскоре они въехали в гавань и остановились у одного из причалов, где была пришвартована новенькая белоснежная яхта.

– Поздравляю с покупкой, Анатолий Петрович! Какая красавица!

– Спасибо, Алеша, хочешь, пошли вместе, посмотришь.

Они взошли на борт. Обошли палубу. Алеша восхищенно цокал языком. Затем поднялись в рубку, Анатолий Петрович, облокотившись на инкрустированную шпоном из красного дерева рулевую колонку, осмотрелся, и пощелкал тумблерами из полированного алюминия.

– Ой, смотрите, такая же яхта как у нас – вывел его из приятного созерцания Алеша. И точно, метрах в тридцати слева

проходила яхта, похожая, как две капли воды. Неспециалист не смог бы найти отличия. Но за эти два года, пока шло согласование проекта и само строительство, Анатолий Петрович уже вполне мог считать себя специалистом в этих вопросах, и он сразу определил и тип яхты и даже верфь в Голландии, где она была изготовлена. На этой же верфи была построена и его «Ласточка». На пару метров длиннее, на метр шире, с более мощными двигателями, с более роскошной внутренней отделкой и значительно более дорогая. Он сам изначально хотел именно такую, но после долгих расчетов и прикидок, вынужден был остановиться на более бюджетном варианте (насколько само понятие «бюджетный» можно применить к яхтам класса «люкс»).

И вот его несбывшаяся мечта нагло проплывала у него под носом.

Он разглядел флаг на корме – не наш, араб какой-то. Слава Богу, что не наш, но неприятный осадок остался.

– Ладно, поехали! – резко прервал он экскурсию – еще в офисе дел – по горло.

И потом, уже сидя в машине – А парфюм этот, все же замени, воняет, как в арабском бардаке.

О ПОЛЬЗЕ ФИТНЕСА

Он поздно заметил гаишника и не успел отложить мобильник. Да и как бы он его отложил, если обе руки были заняты – в левой, высунутой в окно – дымилась сигарета, правая – лежала на руле, а трубку он держал плечом, подтянув его к уху. Так скособоченный и подрулил к обочине повинувшись сержантскому жезлу.

– Я перезвоню, дорогая – он закончил разговор, убрал трубку в карман и широко улыбаясь, вышел из своей выдавшей виды Октавии навстречу подходившему менту.

– Нарушаем, Вы разве не знаете, что разговаривать по телефону за рулем нельзя?

– Да знаю, прости, командир – срочный звонок, не мог не ответить, жена из роддома позвонила, а я как раз к ней еду. Как тут не ответить, вдруг что случилось...

– Ага – саркастически улыбнулся сержант – у вас тут каждый первый, то в роддом, то – из роддома. Я -то, конечно всем верю – тут он еще больше осклабился – но правила едины для всех.

– Да, ладно – для всех! Небошь дорогие тачки, да с блатными номерами и не тормозишь. Связываться не охота. То ли дело простых работяг нагнуть, одно удовольствие.

Гаишник нахмурился и казенным тоном отчеканил – За разговор по телефону во время движения, предусмотрен

штраф 1500 рублей.

Потом окинул нарушителя взглядом – Что-то не особо ты на работягу смахиваешь, скорее, на менеджера какого, вон костюмчик цивильный. Он опять ехидно улыбнулся.

– Да слесарь я, хоть на руки мои посмотри – он протянул мозолистые ладони – где ты такие у менеджера видел?

– Ха-ха-ха – весело заржал сержант – я такие и у себя видел – вот, глянь. Но только мозоли эти – от штанги да гантелей. Что, раскусил я тебя, «слесарь»?

– Сдаюсь, раскусил – виновато улыбнулся нарушитель.

– То-то, у меня глаз – алмаз! – довольный собой, ощерился сержант – Я в клуб, что на Пулковском хожу. А ты, не туда же, часом?

– А...не, я – в другой...

– На Софийскую, что ли?

– Да, на нее...на Софийскую.

– Знаю, был там, мне не понравилось, раздевалки тесные и сауна – говно. Я еще год назад перешел. А Саня как, еще тренирует?

– Ну да, неудобная раздевалка... А про Саню я не знаю, там есть несколько тренеров, но я с ними особо не общаюсь, сам по себе занимаюсь.

– А, ну ладно. Так и быть – ограничимся предупреждением, коллега. Смотри, больше по телефону за рулем не болтай. Физкульт-привет! – и сержант отошел, уже выискивая в потоке очередную жертву.

Он сел в машину, достал телефон.

– Извини, родная – нас прервали... Так, что говоришь, нужно еще привезти? Так... так.. ага, понял... – Ну, как ты, как себя чувствуешь? Что врачи говорят, скоро начнется? Сегодня – завтра? ... Вот и славно, ну все жди, через часик уже примчусь, все привезу..... Ну не в робе же! Конечно, заехал домой переоделся, ты что! Свадебный пиджак даже нацепил, еле в шкафу нашел.... Нет, отгул не брал, так у Михалыча отпросился с обеда ... Ну все, целую, до встречи!

ФАРТ. НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Из интервью одного известного и очень успешного бизнесмена Коля узнал, что этот самый успех зависит от нескольких факторов. И все они вносят свой вклад в общий успех, но не в равных долях, а по-разному. Например, наименьший вклад – по мнению бизнесмена – вносит образование, всего 5%. Затем следуют врожденные и приобретенные качества – такие, как умственные способности, трудолюбие, настойчивость и т.д. – на них приходится 15%. 30% успеха дают нужные знакомства. А оставшиеся 50% – это просто везение.

Коля очень хотел стать успешным, особенно после знакомства с Ритой. Рита была эффектной блондинкой с ярко-красными губами и умопомрачительным декольте. Она работала продавщицей в магазине, который он обслуживал, и когда она наклонилась к нему, чтобы подписать накладную, Коля понял, что пропал. Окончательно и безвозвратно. И сразу пригласил Риту на свидание, на что красавица заявила, что готова общаться только с успешным мужчиной. Уточнять о какой сумме идет речь Коля не стал, но интуитивно догадался, что по Ритиной классификации он в категорию успешных не входит. Пока – не входит.

Поэтому, обзаведясь такой компетентной статистикой,

Коля решил обстоятельно проанализировать свои активы и выбрать оптимальную стратегию на пути к успеху.

Начнем с образования. Даже хорошо, что на него приходится всего 5%, можно и не заморачиваться, обойдемся уже законченными – средней школой и техникумом.

Теперь – личные качества. Особых талантов он за собой не замечал, а что касается трудолюбия и усидчивости, то если и были какие-то надежды и иллюзии (в основном – у мамы), то они полностью развеялись уже к четвертому классу. Но это же – жалкие 15%, так что игнорируем и смело идем дальше.

Затем он начал вспоминать знакомых и приятелей, которые добились успеха и могли бы и его прихватить с собой в красивую жизнь. Но сколько он не перебирал, никого кто мог бы привести его в Думу или на Французскую Ривьеру не нашел. Гораздо реалистичней выглядели следственный изолятор и нарко-диспансер. Жаль, 30% – это конечно не мало, но ведь остается целых 50%...

Итак – ему нужна удача! Решено. Теперь оставалось найти область, где ее нужно будет ловить.

Противозаконные методы он отмел сразу – рисковать свободой был не готов. Из законных оставалась лотерея, но, как и Остап Бендер, он не играл в азартные игры с государством.

А если не с государством? Его мысли обратились к игровым автоматам, которых в то время (а дело происходило в середине двухтысячных) было великое множество. Он стал

наводит справки, общался с людьми и в результате пришел к выводу, что при наличии определенной суммы и грамотной тактике, можно выиграть много-много денег. Вывод этот основывался на теории вероятности – если автомат не дает выигрыша какое-то время, то потом обязательно даст, и чем больше денег было в него вложено, тем больше он потом вернет. Тут главное – никуда не уходить от этого автомата, продолжать играть, и удача обязательно придет. Ни одного такого везунчика он лично не встречал, но знал многих, у кого были знакомые, которые выигрывали за вечер целые состояния.

Итак, решено – автоматы. Но тут возник вопрос – где взять первоначальный капитал? Сумма требовалась не маленькая, ведь, чтобы выиграть много, надо сперва и вложить изрядно. Коля работал торговым представителем в небольшой торговой компании и его скромной зарплаты было явно недостаточно для такого амбициозного мероприятия. Но решение нашлось сразу.

В Колины обязанности, помимо доставки товаров по торговым точкам, входила и инкассация. Он забирал деньги за поставленный ранее товар и отвозил в офис. Сегодня утром он получил деньги от ИП Мамедова и ИП Исмаилова, но в офис их не повез, а позвонил и сказал, что привезет завтра, сославшись на какие-то срочные семейно-бытовые дела.

И вот уже пятый час он дергал за ручку «однорукого грабителя». Деньги Мамедова уже кончились, а выигрыша все

не было. Автомат упорно жрал жетон за жетоном, и почти ничего не отдавал обратно. Но Коля был спокоен – главное проявить упорство, автомат не может все время только брать, должен начать и отдавать, и – с процентами! И вот тогда нужно забирать деньги и сразу уходить, потому, что потом уже долго никакого выигрыша не будет. А пока просто нужно дать автомату еще немного времени. И еще денег.

Через час техник объявил перерыв. Игральный зал работал круглосуточно, делая изредка часовые технические перерывы. Им нужно было прибраться и сдать выручку.

– Никуда не уходи – Коля похлопал автомат по боку и поставил на него табличку «занято», чтобы никто его не занял после перерыва – я скоро вернусь, и мы закончим – и с другими посетителями направился на выход.

Техник Олег тоже жаждал денег. Но в отличие от Николая, он рассчитывал не только на удачу. Он внимательно наблюдал за игроками, и от него не укрылось, сколько жетонов наш герой час за часом отправлял в бездонное чрево автомата. И поэтому, заперев дверь за последним игроком, он направился к Колиному автомату, открыл специальным ключом заднюю крышку, и что-то там подкрутил. Потом сел за автомат, ласково стер несуществующую пыль с таблички «занято» и потянул за рычаг.

И пока Коля, в соседней пирожковой, с аппетитом поглощал беляши, автомат не только вернул все вложенные в него тысячи, но и удвоил эту сумму. Колин план сработал!

Через час Коля, вместе с другими оптимистами, вернулся в зал и занял свое место за автоматом. Он был собран и готов к продолжению битвы. Тугая пачка еще не тронутых Исмаиловских денег приятно оттягивала карман и вселяла спокойствие и уверенность.

Под утро, все такой же собранный и сосредоточенный, только немного осунувшийся и без денег, Николай покинул игровой зал. Немного мелочи, впрочем, оставалось – как раз хватило на кофе с парой беляшей. Неторопливо пережевывая, запивая маленькими глотками горячего и противного кофе, Коля столь же неторопливо обдумывал сложившуюся ситуацию. Она была не простой, а если совсем честно, то – катастрофической. Более полумиллиона казенных денег было утеряно безвозвратно. А сегодня он должен сдать их в кассу. Иначе – перед мысленным взором предстала свирепая физиономия начальника службы безопасности Рината – быть беде.

Идею обратиться в полицию и заявить, что на него напали и ограбили, он отмел сразу – менты то может и поверят, а вот Ринат – едва ли. Коля прекрасно понимал, что при беседе с Ринатом и его подручными – в подвале, в камерке под офисом – он недолго сможет придерживаться этой версии. Нужно искать деньги. И он придумал. Сегодня он должен был получить деньги еще от двух магазинов – ООО «Орбита» и ИП Цукерман. Он отвезет их в офис и сдаст в кассу. Но сдаст – как деньги от Мамедова с Исмаиловым. А когда,

потом получит от других магазинов, перекроет Орбиту с Цукерманом. И так далее. Надо только не запутаться, ведь суммы у всех разные, но если аккуратно все делать, то можно скрывать недостачу сколь угодно долго. А за это время придумать еще какой-нибудь способ быстро заработать.

Так он и поступил. Все прошло как по маслу. После закрытия азербайджанских долгов у него от денег Цукермана осталась на руках приличная сумма. Можно было на какое-то время расслабиться. После стресса последних дней, душа хотела праздника. И он вспомнил о Рите.

Он одел свой лучший костюм, встретил ее после смены и, чтобы сходу продемонстрировать свою успешность, пригласил в лучший ресторан. Упоминание о пафосном и дорогом заведении подействовало на красавицу наилучшим образом.

– Все меню два раза! – солидно и весело бросил Коля подошедшему официанту. Непривычный к подобным шуткам гарсон натянуто улыбнулся и раскрыл перед Ритой тяжелый, обтянутый черной кожей фолиант. Потом предложил такой же Николаю и чинно удалился.

В остальном, все прошло замечательно – шикарные интерьеры, чарующие мелодии струнного квартета, изысканная еда и разнообразные напитки, непринужденная светская беседа. На вопрос об источнике благосостояния, Коля, загадочно улыбаясь, поведал, что уже давно и успешно играет в казино, а торговым агентом работает исключительно ради записи в трудовой книжке.

Рита была девушка ответственная, не «динамо» какая-нибудь. К тому же она была не прочь продолжить знакомство с таким щедрым и состоятельным кавалером, а потому, по окончании ужина, без лишних слов, пригласила Колю на чашечку чая.

Коля, конечно, знал, что макияж, прическа и накладные ресницы могут преобразить женский лик, но с такими условиями, как пуш-ап и утягивающее белье раньше не сталкивался и был поражен, когда из душа к нему вместо Риты выплыла Маргарита Яковлевна.

Уж не знаем, что оказало решающее влияние – то-ли метаморфоза, произошедшая с Ритой, то-ли стресс последних дней, а может, сказались 400 граммов Курвуазье, но только через полчаса грустный и задумчивый Николай уже ехал на такси (и на последние деньги) домой.

Он смотрел на ночной город сквозь капли дождя на ветровом стекле, и с каждым взмахом дворников впереди все отчетливей проступали серые будни.

– Пятьсот шестьдесят семь – медленно произнес Николай.

– Чего? – не понял таксист

– А, ничего, это я так – спохватился Коля – вот здесь высади, я дворами пройду, тут уже рядом.

Дождь закончился, коньяк выветрился, в голове было пусто. 567 тысяч... Именно столько он теперь был должен. Он медленно шел знакомыми дорожками. Проходя мимо арки, он увидел припаркованную новенькую БМВ, а возле нее де-

вушку. Она бестолково ходила вокруг и явно что-то искала.

– Потеряли чего?

– Да, вот когда выходила, ключи выпали и куда-то отско-
чили, найти не могу. Все вокруг просмотрела, хоть под ма-
шину полезай – она сокрушенно развела руки.

Девушка была в белом костюме и в босоножках на высо-
ких каблуках. И очень даже симпатичная – разглядел Коля.

– Давайте я посмотрю – наплевав на свой лучший костюм,
он встал на четвереньки и заглянул под машину.

– Вот! Нашел! – держа ключи над головой, он поднялся –
под самым колесом лежа.....

Договорить он не успел – огромный черный джип выныр-
нул из-под арки, сбил его с ног, переехал передними колеса-
ми и только потом остановился.

Отделался он сравнительно легко – переломом ноги и со-
трясением мозга.

На четвертый день к нему в палату вошел хорошо одетый
мужчина средних лет – владелец джипа. И после извинений
и расспросов о здоровье, перешел к делу – ему было нужно,
чтобы Коля написал расписку об отсутствии претензий, ина-
че его могут лишить прав, тат как он наехал на Колю на пе-
шеходной зоне.

– Разумеется, я готов компенсировать все причиненные
мною неприятности. Может Вы назовете сумму?

– 567 тыщ! – выпалил Коля, а потом добавил – и плюс
моральный ущерб.

– Не понял? – не понял оппонент.

– Ну, короче 600 тысяч – и все подпишу.

– Хм, однако и аппетиты у Вас – крикнул мужик – ну да ладно, что ж делать, прав мне никак нельзя лишаться.

В тот же день все формальности были улажены, деньги выплачены. Он ничего никому не должен!

Коля не знал, как себя чувствует женщина после родов, но ему казалось, что в данный момент он испытывал нечто подобное. Ощущение опустошенности и умиротворения и вместе с тем уверенности, что дальше все и всегда будет хорошо.

– Кормилица, ты моя – он ласково похлопал по гипсу. Нога отозвалась тихой ноющей болью.

– А ты...он задумался и перевел взгляд на здоровую ногу – та в ужасе забилась под одеяло. Он рассмеялся. И в этот момент, дверь в палату открылась и вошла девушка. Та самая, с БМВ. При свете дня, без вечернего макияжа и в обычной одежде она показалась Коле еще привлекательнее.

– Ну, как Вы, мой рыцарь? Пострадали из-за меня, ключи эти дурацкие...Я Вам тут пирожных принесла, подсластить, так сказать Ваши мучения.

– Да, ладно –какой там рыцарь, и Вы тут совершенно ни причем. А за пирожные спасибо, давайте-ка их сейчас и съедим на-пару, у меня и чай есть.

– А, давайте!

P.S. Вообще-то у меня на Колю имелись несколько другие планы – сперва он должен был недельку – другую побегать от

Рината сотоварищи, потом удрать во Францию, записаться в Иностраный Легион, повоевать годик где-нибудь в Чаде или Нигерии, попасть в плен к повстанцам, на стороне которых воевали наемники из России, и на первом же допросе столкнуться с Ринатом.

–Комон сова, гнида – так бы начал Ринат....

Но благодаря моим добросердечным читателям, требующих хэппи-энда, наш герой сейчас не в африканской яме, испуганный и избитый, а вполне себе довольный (хоть и не совсем невредимый) машет нам липкой от бисквита ладошкой.

Прошло немного времени, и Колю выписали из больницы. Потом прошло еще немного, и сняли гипс, и он вернулся в обычное жизненное русло. Он несколько раз встречался с Иррой – так звали девушку, что навещала его в больнице. Помимо внешней привлекательности, она была общительна, умна, весела и свободна. Недавно она рассталась с очередным кавалером и с заметной симпатией общалась с нашим героем. Но было одно большое НО. Большущее. Она была значительно богаче Коли. У нее была небольшая студия красоты, которая приносила ей стабильный доход. Не сказать, чтобы очень большой, но не сравнимый с Колиной зарплатой. Коля не был альфонсом, отчего иногда страдал. Он не стал на этот раз врать про заработки на ниве азартных игр, а честно признался, что работает наемным сотрудником в торговой организации. Только повысил себя до начальника отдела.

Ира в тонкостях дистрибьюции продуктов питания не разбиралась и чужими заработками не интересовалась. И вообще она не придавала особого значения деньгам и была скромна в запросах. Но, как известно не придавать значения деньгам можно только когда они есть. А вот перед Николаем денежный вопрос по-прежнему стоял в полный рост и во всей красе. Он мечтал проводить с Ирой все свое свободное время, но его доходов было явно недостаточно на регулярное посещение ресторанов, театров и прочих приятных мест. И хоть Ира ничего не имела против шавермы с пивом, для нее это было своего рода экзотикой, интересным экспериментом.

Так, что о деньгах и о способах заработка он думал постоянно – днем и ночью.

И он был услышан.

И приснился ему сон.

Поле, все поросшее бурьяном. И хотя Коля ни разу не был в этом месте, он знал, что это рядом с железнодорожной станцией Красный Бор. Только никакой станции еще нет, потому что на дворе 1610 год. Июль. На опушке леса несколько человек. Все бородатые, лохматые, одетые в грязные, рваные кафтаны. Некоторые – в кольчугах. Все вооружены – кто с саблей, кто с топором на длинной рукояти. Негромко переговариваются на иностранном языке. Коля не понял ни слова, но точно знал, что говорят по-шведски. Просто знал и все. Не спрашивайте – откуда? Оттуда.

Шведы копают яму и опускают в нее тяжелый с виду, деревянный ящик. Клад – подсказали Коле.

Едва они успели присыпать клад землей и замаскировать ветками, как послышался шум, и из леса выскочила толпа таких же лохматых и грязных мужиков, только одетых по-другому, и с криками бросилась на шведов. В короткой схватке последние были перебиты. Их обыскали, забрали оружие и более-менее целые шмотки, после чего шайка победителей скрылась обратно в лесу, так и не обнаружив тайник с сокровищами.

Он сел на кровати, приснится же такое! Причем здесь шведы?

Коля историей не интересовался и о Смутном Времени имел самое смутное представление, но Яндекс подсказал, что действительно царь Василий Шуйский пригласил наемников-шведов для защиты от поляков. А потом, когда казна не смогла оплатить их ратный труд, они раздосадованные, отправились домой, занимаясь по пути разбоем и грабежами.

Обычно сны базируются на впечатлениях, переживаниях и информации, полученных ранее.

Но ни о каких шведах и 1610 годе Коля и слыхом не слышал. Эту информацию ему подкинули прямо во сне. И ведь как точно подкинули!

Это явно был знак свыше! Его мольбы были услышаны. Может, я – избранный? – задумался Николай.

На следующий день, он уже стоял на платформе Красный Бор и обозревал окрестности. И хотя на дворе была поздняя осень, и лес стоял голый, а во сне был в летнем убранстве, он сразу и безошибочно узнал то самое место. Чудесным образом, оно не изменилось за пять веков. Ошибки быть не могло. На ближайшей электричке он вернулся в город, а через день, вооружившись лопатой, приступил.

Всю неделю шли дожди, и земля превратилась бурую кашу, жирно чавкающую под сапогами. Копать было тяжело, яма быстро наполнялась водой, но Коля был неумолим.

Через несколько часов пассажиры с платформы могли наблюдать странную фигуру, уже почти по грудь скрытую в яме на краю поля, но продолжающую неумолимо выбрасывать лопату за лопатой.

А еще через час Николай увяз.

Он так увлекся, что не заметил, как ноги – сперва по колени, а затем и по пах – ушли в густую жижу. Когда лопата стукнула по чему-то твердому, и он захотел развернуться в яме, чтобы подкопать с другой стороны, то понял, что не может этого сделать. Попытки вытащить ноги так же ни к чему не привели. Еще полчаса он безуспешно старался выволить, пока пассажиры с очередной электрички не заметили беднягу и не пришли ему на помощь. Но и у них ничего не получилось и пришлось вызывать МЧС. Те приехали, поржали и вызвали трактор, а заодно – и скорую. Потом надели на Колю что-то вроде сбруи и аккуратно выдернули

трактором.

Обессилившего и грязного Колю осмотрел врач, но ничего критического не нашел и забирать пациента в больницу не стал. Скорее всего, не захотел марать автомобиль, потому, что чувствовал себя Коля неважнецки – он совсем ооченел, и жутко ныла недавно сломанная нога.

На вопросы, что он тут делал, он упорно молчал и даже не смотрел в сторону ямы, чтобы и взглядом не выдать свою тайну.

– Шизофрения, походу ... – успел услышать Коля голос врача, прежде, чем тот захлопнул за собой дверь машины.

Когда расстроенный и измученный Николай добрался до дому, он первым делом отправил в стирку грязную одежду и залег отмокать в горячую ванну. И по мере того, как он отогревался в горячей пене, к нему возвращалось его всегдашнее спокойствие и оптимизм. Ничего страшного – он вернется через несколько дней, когда земля немного подмерзнет, и закончит начатое. С этими мыслями он и отправился на боковую.

Видать над ним сжалились, потому что, проснувшись утром, он точно знал, что клада уже никакого нет, его благополучно выкопали двести лет назад. Сперва, он даже почувствовал облегчение, что не придется возвращаться в эту склизкую и холодную яму, но затем, устыдясь собственной лени и малодушия, заставил себя огорчиться, что такое верное дело сорвалось.

– Но ведь мне кто-то помогает во сне, подсказывает – задумался Коля – значит нужно больше спать, а по пробуждении, сразу записывать то, что приснится, глядишь – еще идейки подкинут.

С этими мыслями он снова улегся – благо был выходной, и можно было никуда не торопиться – и снова уснул. Проснулся он через час сильно озадаченным – ему снилась Ира, причем в разных пикантных проекциях (от этого собственно он и проснулся). Получается ключ от благосостояния – в Ирине? Ему предлагается стать альфонсом и жить за счет дамы?!!!

– Нафиг вас с такими советами! – рассердился Николай.

Он попытался снова уснуть, но мысли об Ире не позволили, и пришлось ждать следующей ночи.

А на следующую ночь ему приснилась Рита. Причем не в эротическом, а в самом, что ни на есть рабочем плане – будто он привез товар, и обнаружилась недостача и они весь сон составляли акт приемки.

–Значит, успех его ждет на работе – сделал он наутро вывод.

Как мы уже знаем, Николай был человек целеустремленный и настойчивый и, поверив в подсказанную во сне идею, он энергично принялся воплощать ее в жизнь. Он перестал относиться к работе, как к досадной необходимости. Если раньше он выполнял ее чисто механически – просто выполняя заказы от торговых точек, то теперь стал подходить твор-

чески: рассказывал о новинках, предлагал расширить ассортимент, в общем, делал все, чтобы продать как можно больше. И это, разумеется, начало приносить плоды. И видя эти плоды, он почувствовал интерес к работе и даже стал получать удовольствие от процесса. Увлечшись, он начал читать тематическую литературу и даже закончил специальные курсы. Формат нашего повествования не позволяет подробно описать медленный, но уверенный путь нашего героя по карьерной лестнице, но сперва -он несколько раз признавался лучшим работником месяца, потом, когда освободилось вакансия, уже по- настоящему стал начальником отдела, а еще через год, когда владелец компании решил продать бизнес он, взяв кредит (и Ирину в компаньоны), сделался владельцем компании, где начинал с самых низов.

И когда он вместе с Ириной посетил тот самый шикарный ресторан, он уже не был гопником с шальными деньгами, нелепо и чужеродно смотрящимся в общей атмосфере заведения. Несмотря на неброскую одежду, официант сразу угадал в нем «своего» клиента.

Официанты это определяют безошибочно.

ЦАРЬ ЗВЕРЕЙ

Жил в нашем зоопарке тапир. Это такой дальний южно-американский родственник осла, только побольше, потолще и с маленьким хоботком в придачу. Этаким гибрид слона, свиньи и осла. Живет он в жарких тропических лесах и в нашем климате ему, разумеется, не хватает тепла и солнца, и поэтому, как только выпадает редкий теплый и солнечный денек, он все время проводит на воздухе, принимая солнечные ванны.

Был как раз такой погожий день и тапир стоял на пригорке посреди вольера, подставив солнцу свои круглые бока. Он прикрыл глаза и задремал. Дул теплый ветерок, пели птички, монотонно звучали голоса посетителей. И незаметно наш тапир уснул. Они, как слоны и лошади могут спать стоя.

И вот стоит этот тапир в своем вольере на пригорке и спит.

И вдруг всем посетителям становится очевидно, что тапиру снится сон. Причем явно эротического содержания. Мы не можем влезть в голову американского осла, но хочется верить, что ему снилась очаровательная круглозадая тапириша в тени лиан, а не страус из вольера напротив или пожилой уборщик, упаси Боже. Хотя, при нынешних новомодных тенденциях..... Впрочем, мы отвлеклись.

Тем временем доказательство эротической направленности тапировых грез достигло пригорка и уперлось в него.

Причем с такой силой, что задние копыта спящего оторвались от земли и закачались в воздухе.

– Вот это домкрат! – завистливо выдохнул пузатый мужик.

– И кто назвал царем зверей льва? – вторил ему веселый женский голос – вот он – Царь!

Народ одобрительно зашумел, кто-то даже заплодировал, и этот шум разбудил тапира и вернул его на землю. Причем во всех смыслах.

Он открыл глаза и укоризненно посмотрел на посетителей, как бы говоря:

– Что же вы за люди такие? Ну, ни какой деликатности, из такого сна выдернули. Эх вы.....

И повернувшись к публике спиной, поплелся к кормушке.

ЧУТЬ-ЧУТЬ ПРО ИТАЛЬЯНЦЕВ

Я влюбился в Италию через полчаса после прилета, не видя еще ни одной достопримечательности, да что там достопримечательности – даже моря еще не видя, а просто тупо сидя в автобусе, что вез нас из аэропорта в отель. Хотя правильнее будет сказать – влюбился не в Италию, как таковую, а в итальянцев.

Дороги в Римини узкие, а машин много, так, что движение здесь плотное. Особенно в час пик, и особенно на улице вдоль моря, где расположено большинство отелей. И вот ползем мы по этой улице, как вдруг водитель легковушки перед нами, завидя какого-то знакомого на другой стороне останавливается и начинает оживленно с ним переговариваться. Так они и беседуют – один что-то орет, высунувшись почти по пояс из автомобиля и энергично размахивая руками, а другой, также отчаянно жестикулируя, на противоположном тротуаре. Так продолжается с полминуты. Вся улица встала, но никто не сигналист, не ругается, не выскакивает с бейсбольной битой, дабы проучить хама. Наш водитель с безмятежным видом сидит и ждет, пока ребята наговорятся, и можно будет ехать дальше. Ну, подумаешь, пробку устроил, может давно не виделись, поболтать надо, а по телефону – совсем не то – надо же обязательно жестикулировать, чтобы наиболее полно донести собеседнику свои мысли и эмо-

ции. Недаром же говорят, что свяжи итальянцу руки, и он потеряет способность к общению.

Еще зарисовка – сидим в кафешке, столики на улице, уборная – в основном помещении, и чтобы туда попасть, нужно пройти мимо двери, ведущей на кухню. И вот иду я мимо кухни и слышу песню. «О Соле Мио», как не банально это звучит. Звучит кстати очень здорово. Красивый молодой тенор. Заглядываю на кухню – парень в белой робе и в белом же поварском колпаке, вынимает лопатой на длинной ручке из печи пиццу и распевает себе во весь голос. Подчеркиваю, что он не перед зрителями или туристами, а на кухне за закрытой дверью. Он поет не на публику – для себя. Потому, что молод, весел, красив, наверняка влюблен и любим.

И потому, что итальянец.

Заметив меня, он широко улыбается, не переставая петь. Жестом спрашиваю разрешения сфотографировать. Он улыбается еще шире, принимает картинную позу с лопатой с пиццей наперевес и запекает еще громче.

– О солееее, о сооооле мио!! Станфонте тееееее , станфроооооонте те... – и уносится вместе с пиццей .

Вот же понтыра!

Или еще характерный эпизод.

Пляж в Римини длинный, почти десять километров. Вдоль кромки воды туда-сюда фланируют отдыхающие – приятно пройти жарким днем по прохладному от воды песочку. То тут, то там стоят палатки, торгующие текстилем,

сувенирами и прочей мелочью. Там же, прямо на песке разложили свои товары негры. Все похожи как братья и сестры. Высокие, красивые, великолепно сложенные. Может беженцы, может нелегалы. Между собой говорят не по-итальянски, на каком-то своем наречии. Те же сувениры, сумки, часы, браслетики, шлепанцы.

Но вот они засуетились, и все дружно начали складывать свои товары в большущие сумки – вдали показались полицейские. Двое – мужчина и женщина – в форме, с дубинками и рациями, неторопливо бредут среди отдыхающих. Они прекрасно видят суесящихся негров, но и не думают ускорять шаг.

Когда они подходят к месту, где только, что кипела незаконная торговля, там уже никого нет. Негры вместе со своими сумками отошли метров на двадцать вглубь пляжа и терпеливо ждут, сидя на корточках, когда полисмены пройдут и можно будет вернуться к своим занятиям. Все прекрасно видят друг друга. Полисмены делают вид, что блюдут закон, негры – что его соблюдают.

Я несколько раз бывал в Италии и у меня сложилось впечатление – может и ошибочное – что итальянцы весьма похожи на нас (особенно по части разгильдяйства), только значительно терпимее, добродушнее и веселее. Уж не знаю, с чем это связано – с благодатным климатом, или с пресловутой средиземноморской диетой, или может просто досталось в наследство от древних римлян. А скорее всего от совокуп-

ности всех этих факторов.

Короче – ТИ АМО !

ИЮЛЬСКИЙ ВЕЧЕР В РИМИНИ

Июльский вечер в Римини. В ресторане «Баунти» на набережной многолюдно. Все места на открытой террасе заняты, свободны только столики в основном зале – в тихий, теплый вечер никому не охота сидеть в помещении – к тому же здесь играет струнный квартет. Популярные роковые мелодии в джазовой обработке уютно обтекают гостей, смешиваясь со сладким ароматом цветов и чудесными разнообразными запахами итальянской кухни. Вот пронесли пиццу – прямо из печи, и запах горячего пармезана, приправленный свежеснарубленным базиликом, заставляет трепетать ваши ноздри. А вот густой сладко-рыбный теплый пар от ведерка мидий, что подали за соседний столик. Но все остальные ароматы перестают существовать, когда миленькая девушка-официант в озорном пиратском наряде ставит перед тобой тарелку тольятелли со сливочно-трюфельным соусом.

Вот музыканты уходят на перерыв, и становится тише, слышны приглушенные голоса посетителей, да шелест волн через дорогу. Говорят, в основном по-немецки, изредка долетают английские фразы. За одним из столиков негромко переговаривается пара средних лет, слов не разобрать, но пронизательный наблюдатель опознал бы русских. Перед ними кувшин с белым вином, по некоторым косвенным признакам тот же внимательный наблюдатель мог бы предполо-

жить, что кувшин этот – не первый. Впрочем, он может и ошибаться.

И тут из сгущающихся сумерек, на террасу залетает огромный шершень. Видимо, какофония ароматов сбивает его с толку и он, чтобы разобраться, начинает методично облетать столик за столиком. Его появление вызывает у гостей панику. Они вскакивают со своих мест и, прихватив тарелки с едой, устремляются в основной зал, подальше от ужасного монстра. Только русская пара, проводив насмешливым взором пугливых посетителей, как ни в чем не бывало, продолжала трапезу. Когда любознательный шершень подлетел к ним, мужчина в очередной раз налил из кувшина. Он сунул шершню под нос свой бокал. Тот, как истинный итальянец, справедливо посчитав, что фризанте в это время суток могут пить только дикари, с недоуменным жужжанием удалился.

Убедившись через стекло, что опасность миновала, осмелевшие европейцы потянулись обратно на свои места, музыканты также вернулись и вечер потек своим чередом.

– Да уж, никогда им войну не выиграть – подмигнула русская барышня своему спутнику.

КОНТРОЛЬ КАЧЕСТВА

В июле в Одессе жарко. В общежитии, где мы жили во время летней практики, не было не то, что кондиционера, а даже – холодильника. Точнее, был один – на этаж, на общей кухне, но в нем немногие отваживались хранить продукты – воровали безбожно. Общежитие находилось на знаменитой Молдаванке и принадлежало Одесскому Инженерно–Будивельному (Строительному – по-русски) Институту. Сокращенно – ОИБИ. И вполне соответствовало этой аббревиатуре.

Обшарпанное, давно не отремонтированное, с жуткими туалетами, со стадами тараканов, бродивших по комнатам и коридорам. Нам приходилось отодвигать кровати от стен, чтобы тараканы не сыпались со стен во время своих ночных шабашей. Один из моих соседей по комнате, даже поставил под каждую ножку кровати по консервной банке с водой, чтобы тараканы не смогли залезть на кровать с пола. Если дверь в комнату открыта внезапно, то с косяка запросто мог свалиться «стасик» прямо на голову. Поэтому открыв дверь, мы выжидали пару секунд, потом пинали косяк, для верности, и только потом проходили.

Помимо тараканов в общежитии жила целая толпа негров. Из какой-то братской африканской дыры. Вели они себя довольно нагло, громко орали в любое время суток и мусорили где ни попадя. Рассказывали, что незадолго до нас, какой-то

перепившийся негр выбросил из окна девушку. Нашу. Русскую или украинку. Насмерть. И, что особенно возмутило всех, так это то, что охреневшего негритоса не отправили куда-нибудь в Воркуту на перевоспитание, где ему самое место, а просто выслали из страны обратно на родину. Такая, блин, дружба народов!

Окна выходили на узкую улицу мощеную брусчаткой, по которой ходили трамваи. Грохотало с 05 утра и за полночь.

Короче – не Хилтон ни разу. А воспоминания все равно остались – самые хорошие! Как о самой Одессе, так и о людях, с которыми я общался за все сорок дней моей практики.

Наша комфортабельная комната была рассчитана на восемь человек, где помимо меня, на тот момент, проживало еще четыре жильца – абитуриенты, приехавшие поступать в институт из окрестных сел и городков. С одним из них – Сашей мы сдружились. Он жил в селе неподалеку, на выходные ездил домой и привозил оттуда продукты: яйца и прочую домашнюю снедь, которой щедро делился со мной – голдранцем.

Однажды Сашка пригласил меня в гости. Он был этнический болгарин и жил в селе Виноградовка (если мне не изменяет память) где проживали в основном болгары. И повел меня вечером на танцы в сельский клуб. У входа – толпа парней. Оживленно встречают Сашку и начинают наперебой, что-то говорить. По-болгарски. Тут Сашка представляет меня и говорит, что я из Ленинграда. И меня поразило,

что вся компания тут же переходит на русский, чтобы мне была понятна их беседа. Они вполне могли бы продолжать и по-болгарски, поскольку я все равно был не в курсе местной жизни и новостей, но такая деликатность меня тронула.

Но это, так отступление, рассказ – о другом.

Собрались мы как – то поужинать и отправились на кухню пожарить яичницу с помидорами. Яйца он привез неделю назад .

– Слушай, надо бы проверить, не испортились ли – все-таки неделю в тумбочке пролежали – сказал мне Саня, ставя сковородку на плиту – ты аккуратненько разбей и понюхай, если нормально – отправляй жариться, а я пока за хлебом в комнату сгоняю.

Я осторожно разбил яйцо в руке, принялся и уловил какой- то неприятный, тухловатый запах. Я отправил яйцо в мусорное ведро и взялся за следующее. Запах был тот же. Когда Сашка вернулся с хлебом, я приступил к третьему яйцу.

– Походу, испортились – повернулся я к нему.

– Жалко, их еще много осталось, придется выбросить. Дай понюхаю.

Я протянул ему разбитое яйцо, он принялся – Да вроде свежее, без запаха. Я подошел, тоже понюхал. Яйцо было абсолютно нормальное.

– Странно, одни тухлые, а другие – нет.

Сашка посмотрел на меня и вдруг расхохотался

– Так ты, умник, яйца над мусорным ведром нюхал! Что ты ожидал учуять из помойки? Хорошо, я быстро вернулся, без ужина бы остались!

В ЧУЖИЕ САНИ

НСлучайно столкнувшись в торговой галерее, Сашка не сразу признал в стильно и дорого одетом мужчине своего школьного друга. Тонкое коричневое пальто из альпаки тщетно пыталось скрыть мощные плечи, еле заметный шлейф дорогого парфюма... Куда делся гопник Юрка из 10-ого «б»? Хотя физиономия была вполне себе Юркина – слегка помятая, украшенная шрамами различной давности, та же белозубо-беззубая улыбка...

– Здорово! Как житуха? Шайбу – то все еще гоняешь?

– Гоняю-гоняю, а что мне еще остается!?!– заржал Юрка – и вроде неплохо получаться стало.

– Вижу, что неплохо! Никак в профи перешел?

– Ну да, СКА подписал, пока не в основу, ну а там уж как пойдет... Сам то-то как?

– Да все нормуль. На кашемировое пальто конечно, пока не наработал, но Каламбию могу себе позволить – засмеялся Сашка – работаю в одной частной фирме, занимаемся торговлей, на жизнь хватает, не жалуясь...

– Слушай, мы тут с ребятами из команды собрались оттянуться маленько, айда с нами – посидим поговорим, юные годы вспомним, я тебя с парнями познакомлю, увидишь, они все классные.

– Ну, в принципе можно, я как раз свободен сегодня, а где

собираетесь?

– Вот и здорово! Ща таксишку вызовем и помчим! В Комарово махнем – в «Русскую Рыбалку»

В этом заведении Сашка никогда не был, хотя много слышал о нем, как о пафосном и очень дорогом. Он немного приукрасил свое нынешнее финансовое состояние... Да, что там немного – сильно приукрасил, но деваться было уже некуда. Ладно, разберемся, прикинусь сытым, какой-нибудь салатик закажу, прорвемся – решил он про себя.

Когда через сорок минут, они зашли в ресторан, команда уже была в сборе, это было понятно по громкому ржанию с одной из закрытых террас. Вошли, Юра представил Сашку команде, и после недолгого обмена репликами компания приступила к изучению меню.

Цены на салаты начинались от пятисот рублей – за винегрет с килькой, и заканчивались «Цезарем» с тигровыми креветками за полторы штуки. Рассудив, что выбирать самый дешевый вариант – не вариант, он скрепя сердце заказал «Мимозу» за 850 руб. – «Это четыре полноценных обеда в кафешке рядом с работой» – промелькнуло в голове. А едва заглянув в барную карту, он тут же вспомнил, что спиртное ему нельзя, т.к. он только закончил прием антибиотиков – Ухо болело – пояснил он озадаченному Юрке – Атит. Уже все прошло, но пить пока нельзя – виновато улыбнулся он.

Остальные участники банкета, судя по всему, были зверски голодны, ничем не болели, антибиотики не принимали,

а на правую сторону меню вообще не смотрели. И вскоре весь стол оказался уставлен разнообразными закусками, салатами и бутылками. С одной стороны, перед Сашкой оказался горшок с пельменями с начинкой из судака с лососем в сметанно-луковом соусе, а с другой – стерлядь, запеченная в фольге. Запах кружил голову, но он мужественно сосредоточился на Мимозе, аккуратно подцепляя вилкой маленькие кусочки, максимально растягивая удовольствие.

– А ты что не ешь-то? – поинтересовался сосед напротив, имени которого Сашка, разумеется не запомнил.

– Да, как-то не проголодался еще.

Парень недоуменно пожал плечами, но тут его окликнули, и он потерял к Сашке интерес.

Разговор за столом вертелся вокруг хоккея. Обсуждали последнюю тренировку, чрезмерно сурового тренера, и, наоборот недостаточно сурового массажиста, турнирную таблицу и прочие около-хоккейные вещи, короче Сашка оказался статистом, и в беседе почти не принимал участия. Он ковырял вилкой в салате и вспоминал Мимозу, что готовила мама из консервированной горбуши. Как было вкусно. И всегда была добавка...

Прошло несколько часов, голодный, скучающий Сашка уже несколько раз отругал себя за опрометчивое согласие и уже собирался позвать официанта, рассчитаться за салат и улизнуть, но не успел.

– Эй, красавица! Неси приговор! – окликнул Юрка офи-

циантку. Получив счет, Юрка пересчитал по головам всех сидящих, потом прикинул в уме, и огласил :

– Итак, братва – по пятнашке с рыла, сильвупле.

Сашка остолбенел – оказывается, они все заказанное посчитали вместе, а потом просто раскидали на всех. На всех! И на него – идиота тоже! Но заявлять, что он ничего не ел, кроме той злосчастной Мимозы, было невысказано.

Парни полезли в бумажники и стали передавать Юрке купюры. У Сашки в бумажнике тоже были деньги – отложенные двадцать тысяч – завтра нужно было закрывать кредит.

– Это, наверняка, самая дорогая Мимоза в мире – подумал Сашка, передавая деньги. При этом он заставил себя улыбнуться и небрежно спросить Юрку :

– Чаевые, надеюсь, нормальные оставил ?

БУКЕТ

Автомобиль этот Гена купил по случаю, по знакомству и сдуру. Машина была французской, марки Talbot, сейчас такие уже не производятся. Она чем-то напоминала нашу Волгу, но была намного больше и уродливей. И была огненно – красной. Короче, раз увидишь – не забудешь. Это, пожалуй, все что нам надо знать о Генином транспорте, рассказ – о другом.

Подрабатывал Гена на молокозаводе и, как то, в день полочки поддался на уговоры коллег и остался на банкет, организованный прямо в бытовке. Подавали на банкете, преимущественно молдавский портвейн. Гена спиртным не увлекался, опыта не имел и силы не рассчитал. Спать его оставили прямо в бытовке. Под утро ему стало плохо и пришедшие на работу коллеги нашли его в обнимку с унитазом.

– Отравление винной краской – решил консилиум. Гену пытались отпаивать кефиром, благо его было без счета, но он не задерживался в Гене более 15 минут. В обед Гена с трудом добрался до заводской столовой, где с трудом запихал в себя комплексный обед, половина которого также попросилась на выход. И только к концу рабочего дня он немного оклемался. Голова, конечно, побаливала, подташнивало, во рту была форменная помойка, но перегар уже должен был выветриться, и он решил ехать домой на машине, потому,

что жил за городом и два часа на общественном транспорте с тремя пересадками попросту не выдержал бы.

Путь его пролегал через небольшой переезд, возле которого находился пост ДПС. Ярко-красный драндулет привлек внимание толстого усатого инспектора. Еще больше его заинтересовала столь же красная и опухшая рожа водителя. Он остановил машину и представившись, попросил водителя дыхнуть.

Вы, наверное читали древнегреческие поэмы, где прекрасные юноши вдыхают аромат дыхания златокудых возлюбленных, как волшебную амбру, неземной эфир и еще что то в этом духе.

Толстый инспектор не сильно походил на прекрасного юношу, и еще меньше смахивал на златовласую прелестницу Гена, но в целом, такая аналогия вполне уместна, ибо водители часто оказываются в положении, когда ими пытаются обладать.

Лучезарно улыбнувшись, Гена с наслаждением, вложив в этот выдох всю свою любовь и нежность к ментам, обдал инспектора, опрометчиво засунувшего голову в салон, всем собранным за сутки букетом.

Верхние ноты, причудливо сочетающие аромат нечищенных зубов с тонкими нотками редьки из комплексного обеда, гармонично переходили в дуэт вчерашних беляшей и плавленого сырка, а затем, следовал мощный финальный аккорд, так сказать – тело аромата, как говорят парфюмеры – из про-

кисшего молока и желчи. Поистине, в рейтинге адских ароматов, этот вполне мог претендовать на попадание в ТОП 10!

Мы можем только предположить, как отреагировали бы изнеженные инспекторы в Брюсселе или, скажем в Санта – Барбаре. Но наш суровый полисмен с честью выдержал испытание. Подавив рвотный позыв, он даже нашел в себе силы пожелать Геннадию счастливого пути.

Когда, через несколько дней, Гена, с уже начищенными зубами, свежий и зарекшийся пить портвейн опять подкатил к поезду, там дежурил молоденький сержант, а наш знакомый толстяк сидел в будке у открытого окна. Увидев диковинную колымагу, сержантик махнул жезлом, призывая Геннадия остановиться. Заметив это инспектор высунулся из будки и закричал, подкрепляя свои слова красноречивыми жестами. Дословно передать речь инспектора я не могу, но смысл был примерно следующий:

– Пусть этот водитель едет по своим делам, и желательно как можно скорее и дальше и останавливать его в дальнейшем совершенно не обязательно.

КИНО

НМы, студенты – дипломники, уже почти сорок дней провели на военных сборах под Выборгом, когда на вечернем построении наш майор объявил, что завтра мы всем взводом отправляемся сниматься в кино.

Неподалеку проходили съемки фильма «Следопыт» по одноименному роману Фенимора Купера и киношники договорились с командованием части, чтобы им выделили солдатиков для массовки. Решили отправить нас – студентов, как наименее ценный боевой актив.

Наутро нас на автобусе привезли на берег залива, где проходили съемки и где были построены деревянные декорации, изображающие форт. В фильме играли легендарные и любимые актеры: Евгений Евстигнеев, Георгий Юматов, Андрей Миронов. Миронова в тот день на площадке не было, а вот Евстигнеева с Юматовым мы видели. Правда, издалека. Евстигнеев, который играл вождя индейцев, сидел вдалеке на стульчике, весь увешанный перьями и окруженный стайкой ассистентов и гримеров, а Юматов ушел на рыбалку и пропал. Помощник режиссера бегал по берегу с мегафоном и орал – « Жора!.. Жора! «

Жора появился минут через двадцать с удочкой и ведерком и с недовольным видом прошел в палатку и больше мы его не видели.

Главного героя – Следопыта играл какой –то молодой, мордастый и патлатый прибалт, притом, что в книге Следопыт – худощавый мужик средних лет. И было забавно смотреть, как двухметровый амбал, с грацией лося, носится среди кустов, репетируя какую- то сцену.

А с Эммануилом Виторганом, который, по обыкновению, играл негодяя и предателя, мы даже смогли пообщаться. Он подошел к нам, пока мы кучкой курили в ожидании распоряжений.

Никогда не замечали, когда отличник попадает в компанию гопников он, чтобы не казаться чужеродным телом, старается общаться на языке и в манерах компании? Он, разумеется, знает матерные слова, но поскольку не пользуется ими в повседневной жизни, у него отсутствует, так сказать, культура употребления таких слов и выражений. И слова, употребленные не к месту, без правильного акцентирования, звучат нелепо и чужеродно.

Вероятно, Виторгана ввела в заблуждение наша солдатская форма и он не распознал в нас лиц с высшим, без пяти минут образованием, но подойдя и угостясь сигареткой, он, заведя беседу ни о чем, вывалил на нас такое количество бессвязных матюгов, что мы недоуменно переглядывались. Наверное, он решил, что солдафоны только такой язык воспринимают. Мне даже стало немного неловко за него – как актер он мне нравился. Его Никитский из «Кортика» – вообще лучший злодей советского кино, на мой взгляд.

Потом пришла ассистент режиссера, построила нас в шеренгу и раздела. До пояса. Затем прошла вдоль строя, тыча пальцем в выбранного кандидата. Напоминало какой-то фильм про концлагерь.

Отбирались ребята с минимумом растительности на теле – им предстояло играть индейцев. Бедняг разделали до трусов, намазали какой-то коричневой дрянью, натянули черные парики с перьями и разноцветные юбочки и усадили греться у костра в ожидании съемок. Дело происходило в конце сентября, а в это время на Балтике – тот еще курорт. Я, слава Богу, для индейца не годился, и меня вместе с другими «волосатиками» нарядили в солдата. Выдали теплый кафтан на пуговицах, белый парик, треугольную шляпу и бутафорское ружье.

Сперва мы побегали по пляжу туда-сюда с ружьями наперевес, изображая атаку. Потом нас посадили на деревянную яхточку и мы стояли по бортам и всматривались вдаль, пока яхточка плавала взад-вперед вдоль берега. Затем нас высадили на берег, где мы были должны пересесть в лодки и изображать высадку на берег. По гениальному замыслу режиссера нам следовало выпрыгивать из лодок еще до того, как они причалят и добираться до берега по пояс в холодной воде. Когда я спросил режиссера, почему нельзя выпрыгнуть из лодки, когда она приткнется к берегу, чтобы не намочить, он не удостоил меня ответом. Тогда я заявил, что прыгать в воду не собираюсь – искусство, может и требует жертв,

но не от меня. Он и тут не удостоил ничтожного солдатака вниманием, а направился напрямую к нашему майору и тоном фельдмаршала потребовал, чтобы тот немедленно обуздал строптивца. На что майор почтительно ответил, что он мой командир – за пределами съемочной площадки, а здесь командовать мной никак не может.

В итоге я остался сидеть на берегу, покуривая и наблюдая, как мои менее капризные и изнеженные товарищи барахтаются в холодной воде.

Но больше всех повезло Генке. Его, как и меня переодели в солдаты, но бегать по пляжу не послали, а вместе с еще одним парнем забрали на другую роль. Снималась сцена какого – то диалога, а на заднем плане солдаты, сидя на террасе форта и усадив разряженных девиц себе на колени, приятно проводят время. Вероятно, так режиссеру представлялись будни маленького военного гарнизона в глуши канадских лесов и окруженного со всех сторон индейцами.

Короче, усадили Генке на колени девицу и поручили непринужденно изображать беседу. Девица оказалась прехорошенькой, и как только прозвучала команда «мотор», Геннадий незамедлительно переместил свою руку в наиболее естественное и приятное, для нее, положение.

– Убери лапу, скотина – очаровательно улыбаясь, проворковала прелестница.

– Ты же слышала, нам сказали вести себя естественно – заулыбался в ответ Генка, обняв девушку за шею и притяги-

вая к себе для поцелуя – ты же не хочешь запороть кадр. Девушка, разумеется, портить кадр не захотела, тем более, что и без нее это было кому сделать. Диалог у актеров не ладился, и сцену пришлось переснимать несколько раз.

– Еще бы пару дублей – и я бы был вынужден жениться – вещал потом Генка. Даже, если он и приврал вполтину, все равно ведь везунчик!

Потом, когда фильм вышел на экраны, я даже потратился на билет, в надежде увидеть свою физиономию на большом экране. Но, увы – среди мелькающих на экране лиц массовки, я не смог опознать ни себя, ни – кого–нибудь из товарищей.

Вам же рекомендую посмотреть этот фильм только ради замечательных и ушедших актеров. Андрей Миронов даже не успел закончить этот фильм, его озвучивал уже другой актер.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Мечты сбываются! Его пригласили в основу!!! Петя Федотов, семнадцатилетний футболист юношеской команды «Заря» был на седьмом небе от счастья – только что звонил его тренер, и сообщил, что из-за внезапной травмы полузащитника Игнатьева, принято решение на предстоящий матч с «Вымпелом» попробовать его, Петьку! Это был реальный шанс. Настоящий. Какие не часто выпадают молодым футболистам, многим ни разу в жизни не удается выйти на поле в составе взрослой команды. Теперь, дело за малым – показать, на что он способен, чему научился за эти годы упорных тренировок. Доказать, что он быстрее, техничнее, выносливее, чем многие из тех, что играют сейчас за основу. Уж он-то не упустит эту возможность!

Петя отчетливо представил, как после завтрашней игры его приглашает президент клуба и предлагает контракт... Ослепительные перспективы засияли в юной голове. Все шаблоны, которые были созданы общественным мнением и масс-медиа выстроились перед ним сверкающей шеренгой: тут были и многомиллионные гонорары и самые красивые и знаменитые женщины, роскошные автомобили и яхты. Даже шампанское в Монте-Карло успело ударить ему в голову за эти мгновение!

– Стоп, стоп – пытался вмешался Здравый Смысл, но ку-

да там – и вот его уже узнают на улицах, появляются свои фанаты, его приглашают в сборную...

– Да до этого еще – как до Луны... – попытался опять было Здравый Смысл, но был тут же отправлен в нокаут селекционерами из Барселоны и затоптан трехлетним контрактом от «Рибок».

В голове гудело. Вот теперь то он отомстит всем за свое украденное детство, когда вместо обычных и таких замечательных обычных мальчишеских занятий, он, как проклятый безвылазно сидел в спорт-интернате и кроме ежедневных тренировок и уроков вообще ничего не видел. Он даже ни разу в жизни не поцеловал ни одну девушку! (но это тайна, и вообще он скоро так наверстает...).

Вот в таком состоянии начинающая звезда шел по улице, когда его окликнули

– Ты, Федотов? – из остановившегося огромного черного джипа огромная рука с такой же огромной золотой печаткой, поманила его пальцем

– Ну вот, уже на улицах узнавать начали – ехидно пропел недобитый Здравый Смысл.

– Я – Петя подошел к машине. Дверь открылась – Садись. Петя залез в машину

Если вы помните мафиозо из фильма «Крестный Отец 1», того, что задушили в баре проволокой, так вот в машине сидел его старший брат.

– У меня к тебе небольшая просьба, которая будет хоро-

шо оплачена – начал мафиозо – Завтра ты выходишь в полузащите против «Вымпела». Так вот мне надо, чтобы «Вымпел» выиграл. Поэтому ты не должен забивать или отдавать голевую передачу. За это получишь 50 тысяч. Что скажешь?

Сияющие вершины начали стремительно тускнеть.

– Где они твои будущие контракты, бабы и феррари? – солидно вопрошал окончательно оправившийся Здравый Смысл – А за 50 штук купишь Айфон, пацаны от зависти сдохнут!

А на поле можно блеснуть мастерством и без забитых голов

– Хорошо, я постараюсь.

– ОК, ты уж постарайся, не расстраивай меня. С этими словами мафиозо кинул Пете конверт и жестом велел ему выметаться.

Магазин по продаже сотовых телефонов оказался как раз напротив....

На следующий день, впервые в жизни выходя на поле в составе взрослой команды, Петя уже имел план на игру. План заключался в следующем: активно нападать на соперника, стараться отобрать мяч, а как только мяч окажется у него – как можно быстрее от него избавиться, избегая обостряющих передач вперед. План показался Пете удачным: позволял убить двух зайцев – отработать денежку и не испортить впечатление о себе у тренерского штаба. К тому же 2-3 красивых финта он наверняка сумеет продемонстрировать для

публики.

Игра протекала спокойно, без опасных моментов у тех и других ворот. Петя успешно реализовывал свой план:

Даже пару раз эффектно обыграл соперников, заработав оваации трибун.

До конца основного времени оставалось несколько минут, когда во время очередной атаки «Вымпела» вратарь «Зари» сильно выбил мяч от ворот и он прилетел точно в ноги Пети, который в это время стоял в середине поля. Ситуация получилась отличная для атаки, т.к. основные силы «Вымпела» еще не успели вернуться назад и перед Петей был всего один защитник, а сбоку от него уже набегал нападающий «Зари». В этой ситуации был только один вариант – через голову защитника делать передачу своему нападающему, выводя его один- на – один с вратарем. Это было совершенно очевидно. Выбери Петя любой другой вариант, это сразу бы дискредитировало его в глазах тренера и публики как состоявшегося футболиста!

План родился мгновенно – он выполнит единственно правильный удар, но немного недокрутит мяч, чтобы защитник смог его перехватить, а для того, чтобы его не потом не обвинили в нехватке техники, он подвернет ногу, якобы на кочке, и упадет.

Нанеся удар, и не следя больше за мячом, Петя при приземлении, изогнул голеностоп и с громким криком рухнул на землю. Крик оказался громче, чем планировал Петя, по-

тому, что боль оказалась не выдуманной, а самой, что ни на есть настоящей и такой свирепой, какую Петя еще не испытывал. В погоне за достоверностью он перестарался и сейчас катался по земле корчась от жуткой боли.

А стадион в это время восторженно ревел...

Петя был хорошим футболистом. Этот удар он тренировал тысячи раз. Сигнал, посланный мозгом недокрутить, нога проигнорировала- мышечная память оказалась сильнее и мяч, по красивой траектории, не оставив защитнику ни единого шанса, приземлился точно на ногу нападающего, и тому не составило труда пробить мимо вратаря. ГОЛ!!! Победа «Зари» 1-0 !

Позднее удар Пети войдет в тройку самых красивых голевых передач сезона.

Но это будет много позже, а сейчас Петю с заплаканным не только от боли лицом, на носилках везли к дежурившей у стадиона машине Скорой Помощи. Беглый осмотр клубного врача показал разрыв связок, что означало операцию, несколько месяцев в гипсе и очень сомнительные футбольные перспективы.

Когда санитары загрузили носилки с Петей в машину, прежде, чем дверь закрылась, он успел заметить огромный черный джип, медленно отъезжающий от парковки.

ОХОТА

Н- Вы, городские фраера, для настоящей охоты не пригодны – заявил Юра – одно дело по банкам стрелять, и совсем другое в лесу или болоте – по животинке, которая совсем не хочет быть подстреленной. А чтобы эту животинку даже увидеть- не то, чтобы подстрелить- надо столько по лесу походить, да по болоту поползать, что вы потом и ружье то поднять не сможете...

Происходил этот разговор в глухом лесу, за 40 км. до ближайшего поселка и в 300 км. от Питера в Лодейнопольском районе, куда Мишка вместе с коллегами приехал на рыбалку. Приехали они к Палычу – то ли леснику, то ли бывшему леснику, жившему в глуши в ветхом, но довольно просторном доме. Как уже говорилось, дом этот располагался в девственном лесу, да и еще недалеко от реки и был излюбленным местом для рыбаков, которых с удовольствием принимал Палыч за символическую плату да выпивку. Когда Мишка с тремя приятелями приехали, у Палыча уже гостил Юра- профессиональный охотник, восемь месяцев в году проводивший в лесах Ленинградской области и Карелии. Зимой он проводил в Питере с женой, а как сходил снег – в лесах. А жена (по разумению Юры) по 8 месяцев в году сидела у окошка и ждала любимого. Жил он то в землянках, то – по хуторам, наподобие этого. Добывал разного пушного зверя, сам вы-

дельвал шкуры и сдавал скорнякам. Такой вот Следопыт – Зоркий Глаз. Было ему хорошо за 40, по виду – сильно пьющий, так что у Мишки сразу возникли сомнения по поводу зоркого глаза и твердой руки. Основания подозревать Юру в пристрастии к спиртному подкреплялись и тем, что к их приезду Юра с Палычем были уже сильно навеселе и радостно встретили новых потенциальных спонсоров и собутыльников. Мишка сотоварищи после дальней дороги немедленно присоединились, и пьянка получила новый мощный импульс.

Как известно, пьянка на природе заканчивается только вместе с водкой. Возможны лишь перерывы. И в один такой перерыв веселая компания решила пострелять по пустым бутылкам, которых к тому моменту уже накопилось достаточно. Мишка неплохо стрелял в тире, даже выступал за свой факультет на институтских соревнованиях, да и был потрезвее остальных, и оказался самым метким стрелком, включая и Следопыта. Тогда и затеялся этот разговор про тир да охоту. И Мишка вместе с приятелем Димой Семеновым напросился сходить наутро на охоту вместе с Юрой. У Семенова и ружье с собой было. У Мишки ружья не было, да и на охоте он не был ни разу и ему это было интересно. Он был готов был сходить простым наблюдателем.

– Хорошо, пойдем. Но только, чур – не ныть, а то знаю я вас городских .

– Не бойся, не заноем – сказал Мишка. Он был в хорошей

физической форме, спиртным не злоупотреблял, не курил и был к тому же на добрый десяток моложе Следопыта и его задело пренебрежение, с которым тот отзывался о нем и его приятелях.

– Смотри, сам первый заноешь – пробурчал про себя Мишка.

Итак, на следующее утро, три охотника, невзирая на сильные остаточные явления после вчерашнего, оставив дрыхнуть собутыльников, сели на семеновскую шестерку и отправились за несколько километров до ближайшего болота, где Юра планировал найти уток.

– Идите за мной, след – в – след, по сторонам не шарайтесь, болото, как- никак – сказал Юра и медленно пошел вперед, тыкая время от времени перед собой шестом. Семенов с Мишкой гуськом двинулись следом. Идти было тяжело, ноги увязали в тине, бурая жижа доходила до колен, то и дело нога наступала на склизкие коряги, невидимые под водой. Так прошли около километра. Из живности встречалась лишь мошка, зато в избытке. Видя перед собой только широкую спину Семенова и внимательно глядя под ноги, Мишка скоро потерял представление куда они идут и в какой стороне осталась машина. Но Юра видать хорошо знал эти места и, вскоре, изрядно запыхавшись, они, сделав круг, вернулись точно к машине.

– Ну, что охотнички, продолжим? – ехидно спросил Юра, когда они немного передохнули у машины.

– Я что-то ногу натер, больше не могу ходить – малодушно ухмыльнулся Семенов, скосив глаз на упаковку пива на заднем сидении – а вы – пожалуйста, охотьтесь дальше, я вас тут подожду.

– Что и требовалось доказать – саркастически процедил Юра. Мишка тоже порядком устал, но сдаваться решительно не собирался.

– Ну, раз натер, то отдыхай, а мы еще походим – сказал он Семенову и забрал у него ружье – Заряжено, хоть?

– Обижает! Вот еще на – патронов возьми.

Юра только хмыкнул и два оставшихся охотника вернулись в болото. Теперь Юра повел в другую сторону. Идти стало тяжелее. Пройдя несколько сот метров сперва Юра, а потом и Мишка провалились почти по пояс в какие-то ямы.

– Бобровые норы – сказал Юра.

Сапоги сразу набрали воды, и идти стало еще труднее. Теперь тяжелое ружье приходилось нести на поднятых руках над головой, чтобы не замочить при очередном падении. Таких нор им встретилось потом не мало. А уток – не встретилось. Вообще нихрена не встретилось! Ни-лягушки ни ужа, ни ежа. Ни-че-го!

Так они и брели, тяжело дыша, с трудом переставляя ноги, то и дело теряя равновесие. Мошкара лезла в глаза, рот и уши, вода хлюпала в сапогах, липкий похмельный пот стекал по лицу и спине, жутко хотелось пить. Мишке было уже наплевать на дичь, он брел, тупо глядя под ноги. Через час

Юра обернулся:

– Ну, что наохотился? Похоже не найдем мы сегодня уток. Закругляемся?

– Ой, как наохотился, пошли уже, нахрен, обратно – может, на пиво еще успеем – хотелось сказать Мишке, но это значило сдать.

– Сам решай – ты у нас тут охотник – с деланым равнодушием проговорил он – можем еще поискать.

– Хм, ну давай еще поищем – с оттенком уважения проговорил сам уже порядком уставший Юра.

Когда еще через час, еле волоча ноги, отдуваясь и отплевываясь, все измазанные в тине, так и не встретив ни одной твари, они добрались до машины, Семенов раскинув руки-ноги, безмятежно спал прямо на земле, оглашая округу могучим храпом. Вокруг валялись пустые пивные банки.

– Вот поросенок! – несмотря на отсутствие добычи, настроение у Мишки было превосходное – он не сдался, не ударил в грязь лицом. Не ударил – в переносном смысле, потому, что в прямом – еще как ударил, и- не раз!

– Ща, мы тебя разбудим – прошептал Мишка и тихонько подойдя вплотную к храпящему Семенову поднял вверх ружье прямо у того над ухом и нажал на курок.

– Щелк – раздался звук. Ружье не выстрелило. Он снова взвел курок – результат был тот же.

То–ли патроны оказались старыми, то–ли ружье с дефектом.

Может, оно и к лучшему оказалось, что никакая дичь не повстречалась.

УЛОВ

Раннее утро. Посередине неширокой речки тихо плывет лодка. Я – на веслах, Димка, стоя на носу со спиннингом, забрасывает блесну. Целится поближе к берегу, перед камышами, где по его разумению должна стоять щука. Очередной заброс и блесна, пролетая дальше, застревает в прибрежном кустарнике, еще скрытом утренним туманом. Димка короткими резкими движениями, поддергивая удилице на себя, пытается ее вызволить. Спиннинг изгибается, блесна зацепилась прочно. Я притормаживаю и начинаю отгрести назад, чтобы не порвать леску. Димка, начинает действовать энергичней, но все безрезультатно.

– Эх! Прощай блесна – восклицает он и дергает изо всех сил.

Что-то мокрое и тяжелое шлепает меня по щеке и повисает, оттягивая нижнее веко. Я вижу округлившиеся Димкины глаза. Блесна, вырванная из кустарника последним мощным рывком, бьет мне в лицо и повисает прямо под глазом, пробив нижнее веко. На сантиметр выше, и прощай глазик. Но глазик, слава Богу, уцелел, никакой боли я не почувствовал и даже не испугался.

Зато испугался Димка. Вытаскивать тройник предстояло именно ему. Прямо здесь в качающейся лодке. Если кто не знает, рыболовный крючок просто так не выгатишь, он име-

ет зазубрину на конце, и если просто потянуть, то вырвется вместе с мясом (в моем случае – с глазом). Из хирургических инструментов под рукой – только складной ножик. Слава Богу, с дезинфицирующими средствами проблем не было – почти целая фляжка водки. Руки у него дрожали, но он справился, аккуратно вытащил блесну и прижег ранку водкой. Осталась только маленькая царапинка, которая полностью зажила через месяц. Чтобы по достоинству оценить Димкин хирургический подвиг, надо указать, что обручальное кольцо у него 24 размера. Представляете, такими сардельками делать пластические операции?

Этот случай дал потом повод для многочисленных шуток. Когда в компании рыбаков, кто-то начинал, как это обычно и бывает, хвастаться своими рыбацкими навыками и подвигами, ему отвечали:

– Ха! Это все ерунда, у нас вот один чувак блесны глазом ловит!

И в тот же день, только уже к вечеру, с другим нашим товарищем – а мы ездили большим коллективом – тоже случился казус. Будучи рыбаком не опытным, да еще и пьяным, он ухитрился схватить тройник двумя руками, да так, что ладони его пришились друг к дружке, словно степлером. И сидел он так в кустах с руками, сложенными как при молитве, и жалобно звал на помощь. Ни дать – ни взять – кающийся грешник. Помощь пришла не сразу, так как народ разбрелся по берегу и рыбачил в отдалении друг от друга. Оперировал,

разумеется – Димка, уже вполне ощущавший себя хирургом. Прошло не так гладко, как со мной – крючки глубоко впились в мясо и пришлось даже немного повырезать их ножом под горестные вопли потерпевшего – но он и тут справился. У кого –то еще – о чудо! – оставалось немного водки, ранки прижгли и забинтовали.

В итоге, и тут все закончилось благополучно, ладони не загноились и потом благополучно зажили, но шуток по этому поводу было гораздо больше, чем в случае с моим глазом. Правда, ни одну из них я здесь привести не могу.

РИСКОВОЕ ДЕЛО

Матвей был человеком конкретным и обстоятельным, и не начинал никакого дела, не обдумав его всесторонне и неторопливо. Вот и сейчас, он потратил три дня на сбор информации и план был уже почти готов. Оставалась одна дилемма – идти одному или взять напарника. Дело было рискованным, и напарник был нужен, чтобы было на кого свалить вину в случае провала. Кандидатура уже была найдена – Ринат. Матвей не сомневался, что тот впишется, не задумываясь, Ринат был, как говорится в поговорке- «Герасим- на всю фигну согласен». И если дело пойдет не так как планировалось, можно будет назначить его зачинщиком, и, учитывая репутацию и послужной список последнего, не приходилось сомневаться, что поверят именно ему, Матвею. Он надеялся, что до очной ставки не дойдет. Но с другой стороны, придется делиться, а этого Матвею ой как не хотелось. Но, поразмыслив еще денек, и решив все-таки подстраховаться, Матвей предложил Ринату дело. Как и ожидалось, тот согласился без долгих раздумий.

Итак, в назначенный день, в точно выверенное время, подождав, когда затихнут шаги и голоса, подельники, тихонько отворив окно, выбрались наружу. Ринат спрыгнул легко и бесшумно, Матвей спускался долго, спиной вперед, кряхтя и сопя по – стариковски. Огляделись. Вокруг было тихо. Осто-

рожно, перебежками, лавируя среди кустов, они двигались в нужном направлении. Впереди им предстояло пересечь широкое открытое пространство, и они залегли в кустах, прислушиваясь и осматриваясь. Вокруг было по –прежнему тихо и безлюдно. И тогда они рванули. Ринат, естественно преодолел расстояние за считанные секунды, Матвей – значительно медленнее, но все прошло гладко и их не заметили. Теперь они были уже у цели. Оставалось только перепрыгнуть неширокую канаву, по которой стекала вода из душевой. Ринат перепрыгнул легко, а Матвей хоть и сумел преодолеть препятствие, но не удержался на ногах и с шумом упал, едва не скатившись в воду. Оставалось только надеяться, что из-за журчания льющейся воды их не услышали. Но их услышали...

Вера Некрасова наслаждалась жизнью, летом и молодостью. Студентка четвертого курса педагогического института она уже вторую смену работала вожатой в пионерском лагере им. Макаренко и была вполне счастлива. Необременительная возня с мелюзгой ей даже нравилась. А еще больше ей нравился столь же необременительный и легкий роман с красавцем – физруком. Жизнь текла по расписанию – до обеда пионерские мероприятия, после обеда, во время тихого часа – скорые любовные утехы в каморке физрука, а затем купание в пустом и свободном от орущей детворы, бассейне. Вот и сейчас, выйдя из бассейна, она отправилась в душевую и стояла обнаженная под теплыми лучами солнца

и прохладными струями, ощущая приятную усталость после разнообразных физических нагрузок.

Услышав шум, она обернулась, и в вырезе у самого пола, где мыльная вода стекала в канаву, увидела две пары жадных мальчишечьих глаз.

– А ну пошли вон отсюда! – насмешливо крикнула она и швырнула в них мочалку.

ЧЕМПИОН

НКубок Мира по биатлону традиционно завершался этапом в Ханты-Мансийске. В этом году в соревнованиях мужчин интриги не случилось и к последнему этапу победитель и призеры были уже известны, так, что заключительные гонки могли повлиять только на распределение мест внутри второй пятерки. Однако, несмотря на относительно формальный статус этих соревнований, приехали все сильнейшие. В том числе и без пяти минут обладатель Кубка Мира, легендарный немец Свен (а фамилия его слишком известна, чтобы ее называть). Он вообще мог не приезжать – никто из ближайших преследователей уже не мог до него дотянуться – но он был Спортсмен с большой буквы и не мог позволить себе пропустить состязания. Учитесь, молодежь!

Но если для Свена, предстоящая гонка уже не имела турнирного значения, то для нескольких наших спортсменов (чьи фамилии называть также не будем), она была крайне важна для финального распределения кубковых очков, а соответственно и премиальных.

И тут одному околوبيатлонному и авторитетному (в самом широком смысле этого слова) господину – будем звать его Инициатор – пришла в голову идея, как помочь нашим парням. Он пригласил известную в определенных кругах, красавицу Марину и поставил задачу. Если с нормами мора-

ли у Марины, возможно и были какие-то разногласия, то по части патриотизма она могла заткнуть за пояс добрую половину Государственной Думы.

– Яволь! – отрапортовала Марина, внимательно выслушав инструкции, и отправилась выполнять ответственное задание Родины.

Спортсмены разных национальностей, мотаясь из страны в страну по этапам Кубка Мира, прекрасно знают друг друга и общаются не только на лыжне. Некоторые даже приятельствуют. И в вечер перед завершающей гонкой, спортсмены разных стран непринужденно общались в уютном кафе при спортивной деревне. Пили чай, смотрели MTV, обсуждали последние спортивные события, кто-то играл в бильярд. Марина, в простом, но предоставляющим обширные возможности для фантазии платье, появилась незаметно. И также незаметно, но вполне естественно оказалась за столиком, где в числе прочих находился и Свен.

У сурового тевтонца, беспощадно уничтожающего всех своих соперников, не было ни единого шанса против хрупкой Марины. Вдали от родины, в бескрайних русских снегах, уставший от бесконечных гонок и тренировок, от осточертевшей спортивной диеты, он был повержен первым же, украдкой из-под ресниц, брошенным взглядом.

Если бы кому-то пришло в голову просмотреть записи с камеры видеонаблюдения на этаже, где жила немецкая команда, то он бы увидел, как ночью в комнату Свена (куда

он пригласил Марину посмотреть его коллекцию медалей), несколько раз, воровато озираясь, заходил коридорный, принося тихонько позвякивающие пакеты.

Под утро взъерошенная Марина тихонько выскользнула из номера. Правда «выскользнула» – не совсем то слово, поскольку двигалась она не вполне уверенно, и как-то странно переставляла ноги. Лицо тоже выглядело странным, на нем застыла тихая задумчивая улыбка.

– Ну как? – слегка поморщился от запаха перегара Инициатор – нейтрализовала фашиста?

– Натюрлих! Думаю, он не скоро из номера выйдет. Зверюга... – тут она осеклась и с той же тихой застывшей улыбкой уставилась в пол.

Старт был назначен на десять утра. Инициатор в прекрасном настроении расположился в VIP-ложе, предвкушая успешную гонку. В связи с отсутствием основного конкурента, у наших парней появлялись реальные шансы заехать в призы.

Каково же было его удивление, когда Свен, как ни в чем не бывало, появился на стартовой поляне. Выглядел он слегка помятым, и рожа была румянее, чем обычно. А еще он единственный из всех тридцати спортсменов оказался без шапки и перчаток. В минус двадцать...

Если отсутствие шапки никого особо не удивило – некоторые спортсмены даже в морозы иногда бравируют отсутствием головного убора – то выступать в мороз без перчаток,

это был нонсенс. Как можно точно стрелять с окоченевшими на морозе пальцами?!

Но видать Свен получил такую порцию тепла ночью, что не нуждался в дополнительном обогреве.

Думаю, вы уже догадались, кто победил в гонке?

– Хорошо тебя – суки под Москвой в 41-ом не оказалось – восхищенно выругался Инициатор.

ВЕЛИКАЯ СИЛА ИСКУССТВА

Студенческие годы, идем с Олегом на очередной сабантуй. С собой бутылка водки. Приходим, гульбище уже разгаре, толпы шляются по квартире, густой туман табачного дыма, треньканье гитары в одной комнате, рев Deep Purple – в другой. В общем – все как обычно. Но есть одна проблема – мы заявились в разгар гулянки, когда все спиртное уже выпито, его разумеется не хватило, а денег на добавку (что тоже разумеется) – ни у кого нет. И если мы сейчас засветим наш пузырь, то он уйдет в момент и нам достанется, в лучшем случае – по паре стопок. Такой сценарий нас не устраивал, и мы решили для начала, уединиться в каком-нибудь укромном уголке и принять немного для создания праздничного настроения. А потом уже можно будет и поделиться.

Закрылись в ванной, только сделали по глотку, как стук в дверь.

– Эй, а вы чего там заперлись? Бухаете что ли? – у Сани какое-то сверхъестественное чутье на подобное.

– Да нет, Олегу плохо стало, я помогаю – крикнул я через дверь – скоро выйдем.

– Как помогаешь, психологическую поддержку оказываешь? – не поверил Сашка.

– Давай быстренько еще по глоточку и выходим, а то достанет – шепнул я Олегу – и делай вид, что тебя тошнит. Мы

глотнули по разу, и Олег стал издавать характерные звуки, чтобы убедить бдительного Саню, что никакого жульничества нет и ему на самом деле очень плохо.

– Или ты ему свои два пальца арендуешь? – не унимался Саня.

– Проваливай, бесчувственный ты человек! – я сделал Олегу знак продолжать. Олег встал в театральную позу, выпучил глаза, развел в сторону руки и, высунув язык, исторг целую палитру разнообразных и узнаваемых звуков.

Получилось вполне правдоподобно, Саня успокоился и от двери отошел.

И тут я вижу, как у Олега меняется лицо. Сперва из озорного оно становится озабоченным, затем – вопрошающим, потом просто изумленным, а потом его тошнит самым, что ни на есть натуральным образом, прямо в раковину. Вот, что значит – вжился в роль! Бедолага.

– Перевоплотился, бя – пробормотал Олег – только продукт зря перевел.

Неизвестно, поверил бы Олежке Станиславский, но собственный желудок ему поверил безоговорочно.

Зато, по выходу, он с чистой совестью встретил Сашкин подозрительный взгляд.

ДЕЛО ПРИНЦИПА

Жил в городке П. журналист, назовем его Шурик. Трудился он на телевидении репортером и был довольно известным в городе человеком. Был он красив, остроумен, смел и талантлив. Информационная программа, что он вел, выгодно отличалась от скучных, однообразных новостных программ, что шли тогда по ящику. Ежевечерняя десятиминутная передача освещала самые яркие и скандальные события, случившиеся в городе, от криминальных разборок, до спасения котенка, свалившегося в канализацию. Сейчас таких передач по несколько штук на каждом канале, а тогда – на заре перестройки – это было ново и свежо. Неугомонный и бесстрашный репортер отважно бросался в гущу событий. Буквально лез с камерой наперевес под пули и даже получил огнестрельное ранение во время очередной бандитской разборки. Правда злые языки утверждали, что это была инсценировка, чтобы добавить популярности и ореола и рана была бутафорская, но мы не станем обращать внимание на всяких завистников.

Итак, Шурик был личностью известной и, поскольку городок у нас небольшой, знаком со многими влиятельными людьми, а с некоторыми из них – даже дружен. Приятельствовал он и с директором городского мясокомбината. А мясокомбинат у нас был большой, со славной и долгой истори-

ей, и приближалась очередная круглая дата. Отмечать решили с размахом. Собрались на правлении, дабы составить план праздничных мероприятий. После недолгих дебатов согласовали такой: сперва – выступление директора перед трудовым коллективом, награждение передовиков памятными подарками, потом праздничный концерт, а после – обязательный банкет.

– План рабочий, но все это уже было в прошлые годы, хочется чего-нибудь нового, яркого – задумался директор.

– А давайте закажем документальный фильм, про наш комбинат – предложил Главный Инженер – небольшой, минут на 10-15, такой духоподъемный, рассказывающий о наших успехах и достижениях, чтобы вызывал чувство гордости! Ведь нам и вправду есть, чем гордиться! Покажем его перед Вашим выступлением, что скажете?

– А что, это мысль! – воодушевился директор – у меня и связи на телевидении есть.

На том и порешили, согласовали бюджет мероприятий, и перешли к другим вопросам.

Вечером того же дня директор позвонил Шурику и обрисовал задачу.

– Подскажи, с кем мне связаться у вас на телевидении, чтобы договориться о съемках?

– Зачем с кем – то связываться, я тебе сам все в лучшем сниму, в частном порядке, так сказать. Наликом мне заплатишь и дело с концом – и он назвал сумму.

– Мне бы, конечно лучше официально – крякнул директор – чтобы расходы списать, но ладно, чисто по – дружбе, поговорю с бухгалтером, что-нибудь придумаем.

Уж не знаем, как Шурик договорился с телестудией, но вскоре на комбинат приехал телевизионный автобусик с оператором и всей аппаратурой, и работа закипела. Все закончили в срок.

И вот наступил торжественный день. Большой актовый зал был полон. На сцене, украшенной цветами, в президиуме, за длинным столом под красным бархатом, восседало правление во главе с директором. Погас свет и начался фильм.

Шурик блестяще выполнил заказ. Фильм наполнял гордостью и звал вперед. Под бравурную музыку тридцатых годов, перед зрителем проходили светлые, просторные цеха, работники в белоснежных халатах, аккуратные гирлянды сосисок, стеллажи колбас и окороков. Проникновенный голос за кадром поражал зрителя цифрами и фактами.

Вот глянцево-блестящие шкуры коров, с достоинством идущих на бойню.

Вот розовые свиньи, весело похрюкивая, мчатся по узкому железному коридору. Они счастливы, они знают, что несут людям радость, и поэтому толкаются, каждая стремится быть первой, и они иногда застревают в тесном проходе. (Правда истинная причина их энтузиазма – хмурый мужик, подгоняющий несчастных электрическим шестом – в объек-

тив не попала.)

Вот лица работников крупным планом. Многие узнают себя и коллег – по залу прокатывается гул и смех.

А голос за кадром все сыплет и сыплет цифрами – столько-то тонн колбас, столько-то миллионов рублей, а завтра – еще больше...!!! И далее, в том же духе... Некоторым зрителям, хочется прямо сейчас закатать рукава и ринуться обратно на работу, наплевав на предстоящий банкет.

Вот фильм заканчивается и в зале вспыхивает свет, у многих – слезы на глазах. Растроганный директор приглашает Шурика на сцену. Зал аплодирует. Автору вручают презент – целую корзину мясных деликатесов. Особая гордость комбината – колбаса твердого копчения «Праздничная», в состав которой входит конина и семилетний коньяк. Провожая Шурика за сцену, директор протягивает пухлый конверт – Спасибо, дорогой, порадовал.

Вечером, дома Шурик отрезал тоненький пластик колбасы и положил на язык. Он прикрыл глаза, тонкий аромат конины был бесподобен. Он погонял пластик во рту, пытаюсь найти коньяк, но тот не раскрывался. Чтобы помочь ему, Шурик плеснул в рюмку коньяку и стал по капельке втягивать его к колбасе. Получалось просто замечательно. Он отрезал еще кусок – побольше, отправил его в рот и открыл конверт с гонораром. В конверте лежала туго перетянутая резинкой пачка рублей. Не разжевывая, он проглотил колбасу и пересчитал деньги.

Дрожащей от ярости рукой, набрал директорский номер – Ты зачем мне деревянные втюхал, мы же на баксы договаривались! – почти прокричал он в трубку.

– Побойся Бога, какие баксы? Откуда у меня баксы, я ж госучреждение, я рубли то тебе еле наскреб, да и разговора у нас о баксах не было – ты сумму назвал, я –заплатил.

– Бля, так я ж про доллары говорил!!!

Короче, мы так и не узнаем, как случился такой казус, и кто виноват в этом недопонимании, но только Шурик повесил трубку, как в нос ему шибанула противная колбасная отрыжка. А сразу затем острая боль пронзила грудь – конина! – они убивают лошадей, этих прекрасных, благородных животных!! Наверняка, варварски убивают! Сволочи!

А через неделю вышел очередной выпуск его телепередачи. Он был целиком посвящен мясокомбинату. На экране мелькали те же кадры, но звуковой ряд изменился кардинально. Вместо бравурных маршей звучала пронзительная трагическая виолончель, вместо бодрого оптимистического, бархатного голоса диктора, вещал скрипучий, дрожащий от праведного гнева голос самого Шурика, описывающего зверства и издевательства над бессловесной скотинкой. Бегущих по загону свиней теперь сопровождало не радостное похрюкивание, а страшный, душераздирающий, предсмертный вой, и мужик – загонщик, вдруг занял свое место в кадре.

Появились и новые кадры – целая гора тощих лошадиных

трупов – по версии ведущего именно из этих трупов и делали хваленую «Праздничную» колбасу.

– Нас кормят падалью! – звенел Шурик.

Правда, трупы эти почему – то лежали в чистом поле и были слегка припорошены снегом, при том, что комбинат находился в черте города, а за окном стоял июль. Но, это мелочи, и передача получила мощный общественный резонанс.

– Ой, я больше никогда в жизни не стану есть колбасу. Вообще – никакую! – пролепетала жена.

– Ну, знаешь дорогая, это уже ханжество – усмехнулся Шурик, смакуя очередной кусочек.

ВЫБОР

Коротко чиркнув широченной покрышкой по обочине, ярко-желтый Форд Мустанг, не вписавшись в поворот, на всем ходу проломив придорожный кустарник, влетел в лес и врезался в березу.

Сидевший на пассажирском кресле Илья, разбив головой лобовое стекло, пролетел несколько метров и приземлился прямо на большой муравейник, который смягчил удар и уберег от серьезных повреждений, он отделался разбитой головой, сломанной ключицей и сотрясением.

Сашке повезло меньше.

Они дружили с самого детства, еще с детского сада, где ходили в одну группу. Потом школа, секция картинга – все вместе. Даже ухаживали за одной девушкой, но и пресловутый любовный треугольник не смог нанести урон их дружбе – предмет их воздыхания вместе с родителями убыл за границу. Только после школы их пути ненадолго разошлись, Сашка пошел в армию, а Илья – в институт.

И страсть у них была общая – спортивные автомобили. Накопив и назанимав, они вскладчину купили семилетнего красавца – ярко-желтый Мустанг, которым пользовались по очереди. По выходным они иногда ездили вместе, устраивали соревнования – поочередно, на время проезжали по узкой загородной малолюдной дорожке с множеством поворотов.

И вот в один из таких поворотов, Сашка не вписался...

В больнице у него диагностировали множественные сложные переломы позвоночника, он был без сознания. Илья почти все свободное время проводил у постели друга. Время шло, состояние Сашки не менялось, визиты Ильи становились все реже, а через несколько месяцев и вовсе прекратились, он только изредка звонил Сашкиной матери справиться о состоянии. Но новостей все не было...

Прошел год.

Илья положил трубку, он только что заказал такси в аэропорт на 06 утра. Он летел в Москву.

Разбитый Мустанг восстановлению не подлежал, и Илья целый год копил деньги на новую машину. Он задался целью купить точно такую же – это стало навязчивой идеей, символом, что он сильнее и никаким превратностям его не остановить, как надежда на лучшее. Что Сашка поправится. Он даже представлял, как тот увидит машину и не поймет, что это уже другая машина.....

И вот необходимая сумма была собрана, Мустанг найден в Подмосковье и если состояние машины окажется таким, как обещал продавец, то уже через день он верхом на ярко-желтом жеребце примчится домой.

А вечером зазвонил телефон. Мать Сашки, сбиваясь, рассказала, что она только что вернулась из больницы, у Сашки наметилось улучшение и есть вероятность, что операция сможет если и не полностью поставить его ноги, то хотя бы

вывести из комы. Проблема заключалась в том, что операцию эту нужно делать в Германии и стоимость ее была для одинокой женщины совершенно неподъемной. У нее есть небольшие сбережения, но этого все равно недостаточно, и вот она обзванивает всех друзей и знакомых – как говорится, с миру – по нитке, и вот звонит ему, -вдруг сможет чем помочь, но если не сможет, то она, конечно, все понимает и всякое такое, и она заплакала, извинилась, попрощалась и повесила трубку.

Он подошел к холодильнику, налил полстакана водки и залпом выпил. Потом сел за стол и уставился в темное окно.

В шесть утра телефонный звонок – Машина в аэропорт подана.

– Да, спасибо, выхожу.

АРТИКУЛЯЦИЯ

Здание института, где я работал по окончании ВУЗа представляло собой огромный четырехугольник, выходящий каждой своей стороной на отдельную улицу. Внутри был закрытый двор – этакий Пентагон, только о четырех углах. Внутри здания по каждому из этажей проходили длинные соединяющиеся коридоры, по которым, можно было обойти все здание по периметру. В обеденный перерыв или просто, когда было свободное время этими коридорами любили прохаживаться многочисленные сотрудники – этакий променад. По нему частенько прогуливались и руководящие товарищи, начальники отделов и лабораторий, вероятно обсуждая текущие рабочие вопросы. На одном из этажей находился большущий читальный зал, где можно было получить необходимую техническую документацию и там же поработать с ней. Там постоянно находилось множество народа, как наших сотрудников, так и различных командировочных со всей страны. Читальный зал отделялся от променада длинной стеклянной стеной, так что, фланируя можно было созерцать серьезных людей, в основном мужчин, сидящих за столами, заваленными различной научной документацией и чертежами.

И вот мой наставник и руководитель Владимир Анатольевич придумал изящную и почти невинную шутку. Проходя

мимо читального зала и видя, как кто-то из сидящих обращает на нас внимание, он останавливался и показывая пальцем на этого товарища, спрашивал меня, тщательно артикулируя при этом:

– А это, что за @уй?

Сидящему за стеклянной стеной, разумеется ничего не было слышно, но смысл сказанного читался по губам совершенно однозначно. Во всяком случае русскоязычным, а поскольку институт наш был закрытым учреждением, иностранцев здесь и быть не могло.

После чего, мы неспешно продолжали свой путь под ошарашенным взглядом читающего.

Представляете, сидит такой командировочный и видит через стекло незнакомого статного седовласого мужчину, интересующегося таким нетривиальным образом его персоной?

А весь прикол заключался в том, что фразу эту Владимир Анатольевич не произносил вслух, а просто беззвучно открывал рот.

ВАЛУЙСКИЙ ВОЯЖ

Начало девяностых, голодные и веселые годы. Народ повсеместно отправился осваивать таинственные и опасные пучины бизнеса. Кто-то утонул, кто-то выплыл. А Ваш покорный слуга – если следовать этой аналогии – только промочил ноги.

Бизнес-план был таков: мы с компаньоном Андрюхой, на его машине, отправляемся в глухое село в Белгородской области, где проживала в то время моя теща, покупаем корову у местных жителей, там же забиваем, разделываем и потом реализуем мясо по Ленинградским кафе и ресторанам. Предварительные договоренности были достигнуты, и мы отправились в путь. Автомобиль у Андрюши был ВАЗ 2106. Как вы понимаете, везти корову, пусть даже и разделанную, в багажнике Жигуленка проблематично, поэтому Андрей у каких-то знакомых арендовал автоприцеп.

И морозным январским утром мы тронулись в путь.

Пару слов о моем бизнес-партнере – большего раздолбая я в жизни не встречал.

Если бы я в то время хоть немного разбирался в автомобилях и правилах их использования, то никакой экспедиции и в помине бы не было. Но на водительские права я сдал только несколько лет спустя, за рулем до этого никогда не сидел и имел самые общие представления обо всем, связан-

ным с автотранспортом.

Приведу несколько, так сказать, особенностей нашего транспортного средства:

– Заднего номера у машины не было – его толи сняли гаишники за кое-то нарушение, толи просто украли, поэтому Андрей вылепил нужные буквы и цифры из хлебного мякиша, покрасил в черный цвет, а сверху залил лаком для волос. Издали смотрелось вполне натурально. Издали.

– Прав Андрюшу лишили за пьянку, поэтому он купил себе другие – еще лучше. Поддельные, разумеется.

– Резина на машине стояла летняя и к тому же – лысая.

– И как завершающий аккорд или вишенка на торте – в системе охлаждения был залит не антифриз, а вода из-под крана. В январе!!!

И это только те, так сказать нюансы, о которых мне стало известно. Причем узнавал я о них постепенно, в процессе их проявлений, возможно, их было и больше, но до них просто не дошло дело. К счастью.

О том, что резина лысая, я узнал, когда мы не смогли заехать на не особо крутой подъем. Пришлось отцепить прицеп, сдать назад и с разгона заехать, а потом спуститься пешком и заталкивать прицеп на горку вручную. Повезло еще, что прицеп был тогда пустой.

О том, что с правами не все хорошо, нам объяснил офицер на стационарном посту ГАИ, где нас остановили для проверки. Его насторожило, что права жителю Ленинграда выдали

в Душанбе. Он проверил водяные знаки в каталоге (оказывается – каждому региону соответствовали свои водяные знаки) и углядел-таки, что они не Душанбинские, а какого-то другого региона.

– Вот, незадача – сокрушался потом Андрияша – на офицера нарвались! Сержанты да старшины до этого не додумывались.

Находчивость офицера была щедро вознаграждена, в результате чего коммерческая привлекательность нашего предприятия заметно снизилась.

Зато, в качестве бонуса, офицер проводил нас – с мигалкой! – мимо следующего поста, где дежурили такие же бдительные и голодные коллеги.

Ночевали мы в машине. Андрей заводил мотор каждые два часа, прогревал салон, и мы почти не мерзли. А под утро все-таки замерзли, потому, что крепко уснули. Оказалось, что замерзли не только мы, а еще и вода в системе охлаждения.

Не буду утомлять вас подробностями нашей дальнейшей поездки, скажу лишь, что это было долго, потому, что приходилось каждые десять минут останавливаться и доливать в радиатор воду. Потому, что вода в системе охлаждения замерзла и мотор не охлаждала и поэтому он перегрелся и прогорела прокладка головки блока цилиндров и вся вода улетала в выхлопную трубу. Как-то так мне объяснил Андрей. А еще нужно было эту воду где-то находить – где у доярок на

ферме попросили, где – в деревенский дом стучались, просили канистру набрать. А еще в машине перестала работать печка, точнее она работала, но дула только холодным воздухом. Но выключать ее было нельзя, так как лобовое стекло сразу покрывалось инеем. В общем ощущения были – как в телефонной будке с выбитыми стеклами. На морозе. А мороз был порядка минус 15 градусов. Я снял ботинки и сидел, поджав под себя ноги и засунув под них еще и руки – так было теплее. Андрюша по понятным причинам ноги убрать с педалей не мог, равно как и руки с руля. Впрочем, он сам виноват.

Вот так мы и катились полдня, пока не добрались до городка, где нашли автомастерскую. Замена прокладки – не самая простая и дешевая процедура и наш бюджет сжался до уже опасных размеров.

Короче, машину починили, антифриз залили и дальше мы доехали без приключений. Даже скучно. Шутка.

Ехали мы в село Овчинниково Валуйского района Белгородской области, где тогда проживала моя теща, Анна Ивановна- царство ей небесное! А через несколько домов жила кума Лариса, с мужем Женей. Именно с ними у нас был договор насчет коровы.

С собой мы везли видеомэгнитофон Электроника ВМ12. Он был тогда большой редкостью, стоил дорого и купить его можно было только по предварительной записи и по квоте. А квоту давали в первую очередь инвалидам. Восхищает чут-

кость наших властей, которые смогли понять насколько важно для каждого инвалида иметь возможность созерцать голловокружительные прыжки Брюса Ли или шпагаты Ван Дама. Правда хлеб с молоком для инвалидов были еще важнее, и поэтому они повсеместно, записывались в очередь, а потом, за небольшую денежку, переуступали ее желающим. Так Андрюша и приобрел видик.

Помимо Брюса Ли и Шварценнегера мы взяли кассету с немецкой порнухой. Подобного в селе Овчинниково не видели отродясь, и мы ощущали себя миссионерами, несущими блага цивилизации аборигенам.

Едва отойдя от шока, после увиденного, Лариска тут же разнесла весть по соседям о невиданном зрелище и вскоре две семейные пары, назовем их – пара1 и пара2 – явились на просмотр. Каждая принесла по бутылке самогона, типа- плата за билет. В “кинозале” могли разместиться максимум четыре человека, поэтому гости прошли в комнату, а мы остались на кухне, где и попивали самогон с солониной. Солониной они называли большие – с кулак величиной- куски свинины. Ее отваривали и заливали соляным раствором, где она могла храниться сколь угодно долго. Потом кусок доставали, резали и поджаривали на сковородке, получалось очень вкусно. Из-за приоткрытой двери доносилась немногословная немецкая речь, иногда дополняемая русской:

Муж 1: – Нюрка, поняла теперь, как надо? Учись!

Жена1:– Ты сперва такую штуку отрасти, а потом и учи.

Муж 2: – Нюрк, у меня такая! Ха-ха

Жена2: – Ой, уморил! Ха-ха-ха

Чуть позже:

Жена2: – Ух, ты! Оказывается, вот как можно. Понял? А тут живешь-живешь и не знаешь....

Муж: – Тьфу, пакость какая!

Еще немного погода:

Жена1: – Ты, смотри гад, еще и друзей привел! Ой, беденькая, что творят изверги! Фашисты проклятые!

Жена2 промолчала.

После кино вышли молчаливые. Женщины порозовевшие, глаза блестят. По мужикам было непонятно – они и так пришли с красными рожам. Выпили с нами по рюмке и сразу распрощались. Мы еще маленько посидели и пошли спать – на завтра предстояла миссия, ради которой мы и приехали.

Селяне обычно сдавали коров на мясокомбинат. За них платили копейки, зато не нужно было собственноручно убивать животное, которое ты вырастил, и которое было уже практически членом семьи. Мы предложили цену как мясокомбинат, но забирали только тушу – голову, шкуру и внутренности оставляли, и это было выгодно обеим сторонам.

Тут встал вопрос, каким способом умерщвлять животное? Специалиста по коровам в селе не было за ненадобностью, так как резали самостоятельно только свиней. Но даже и по свиньям в селе спеца не нашлось. Обычно в деревнях есть умелец, которого приглашают на забой. Он успокаивает

животное, поглаживая по холке, а потом резким движением втыкает штык под лопатку – точно с сердце. Свинья умирает мгновенно без боли и волнений. Этот способ хорош еще и тем, что вся кровь остается в туше и ее потом используют для приготовления кровяной колбасы.

В Овчинникове кровяную колбасу не делали и несчастных свиней забивали самым варварским способом. Привязывали за заднюю ногу веревку и несколько человек вытаскивали приговоренную из свинарника, заваливали ее, ложились сверху и удерживали, пока один, ножом перепиливал ей горло. Свинья визжала так, что слышало все село, весь двор был залит кровью – ходили куры и клевали ее – короче ужас, особенно для непривычного горожанина. За год до описываемых событий, когда пришло время резать свинью, Женька решил избавить животное от мучений и просто пристрелить ее, благо охотничьи ружья были в каждой избе. Он зашел в свинарник и выстрелил хряку в голову. То-ли он вместо пули зарядил ружье дробью, то-ли попал не туда, а только хряк не упал замертво, как предполагалось, а сшиб Женьку с ног, вылетел во двор и, проломив ограду, умчался в поле, пробежал несколько километров и только потом издох от потери крови. Найти его по кровавому следу было немудрено, а вот тащить обратно двухсоткилограммовую тушу по снегу выше колена, была еще та задачка. Женька с соседями, соорудив из досок, что-то наподобие саней и затолкав на них покойного, с задачей этой успешно справились. Часов за пять.

Поэтому прибегать к огнестрельному оружию в случае со своей коровой, Женька не стал, а предложил инновационный метод с использованием электричества.

С утра, чтобы не видеть, Лариска ушла к соседям, а Женька привязал один электрический провод корове к рогу, а второй – к вымени. Корова, не обращая на это ни малейшего внимания, спокойно жевала соломку. Он вставил вилку в розетку. Корова вздрогнула, и вся как бы одеревенела, ноги ее судорожно выпрямились, и она беззвучно завалилась на бок. Женька с большим ножом наперевес кинулся к ней, чтобы перерезать горло. Он уже почти добежал, когда до меня дошло, что корова-то – под напряжением! За долю секунды я успел выдернуть вилку из розетки. Представляете, возвращается Лариска от соседки, а на дворе – оба домочадца...

Но все обошлось, и Женька быстро перепилил корове шейную вену. Едва он закончил, как корова очнулась. Она неторопливо поднялась, опять потянулась к сену и продолжила преспокойно его жевать. Она явно не поняла, что произошло. Потом она задрала хвост и пописала. Кровь ручьем вытекала из ее шеи, но ее это нимало не беспокоило, она попила водички и вернулась к сену. Но вскоре силы стали покидать ее – она сперва прилегла, а потом и вовсе уснула навеки. Получилось очень даже гуманно.

После чего, мы сообща разделали тушу, разрубили ее на четверти, уложили в прицеп, накрыли полиэтиленом и почти без приключений довезли до дома. Почти – потому, что в пу-

ти у прицепа отвалилось колесо. А еще случилась оттепель, и пошел дождь. И в каком-то городишке, километров за семьсот до дома, автослесарь, ухмыляясь на лежавшую в прицепе под дождем говядину, заявил, что он, конечно, все починит, но только на следующий день, у него, мол, уже заказов целая куча и один другого срочнее. Как вы понимаете, за супер-пупер-срочность нам пришлось изрядно переплатить.

Но мы доехали, мясо довезли в целости и не испортили. И в ресторан его сдали по заранее оговоренной цене. Вот только когда все подсчитали, оказалось, что сработали «в ноль». В копилку удалось сложить только впечатления.

ГОНЦЫ

Они вывалились на улицу, на ходу застегивая куртки. Время катастрофически поджимало. Скоро закроются магазины, а выпивки, как обычно, не хватило! Еще этот не знакомый район, они оказались тут впервые – поехали за-компанию к приятелю приятеля.

– Да тут рядом, найдете – напутствовал их хозяин хаты, сам он недавно подвернул ногу и быстро передвигаться не мог – дуйте налево и не промахнетесь.

Они пошли налево и вскоре оказались на перекрестке. Дальше было не понятно. Уже стемнело, и вдалеке светились разные вывески. Причем светились они и справа и слева и прямо по курсу, но надписей они разобрать не могли, было слишком далеко, да и зрение у обоих было не орлиное.

– Ну давай, смотри, ты у нас поглазастей будешь – сказал первый Димка.

– Ща позырим – ответил второй Димка и пальцем оттянул щелочкой глаз, наводя резкость.

– Во! Нашел, нам направо, вон «Вино-Табак» светится – он махнул рукой, указывая на мерцающую вдали надпись.

– Что-то совсем не рядом – пробурчал первый Димка – ладно, помчали, за семь минут должны успеть.

И они бодрой рысью помчали на вожденный свет. Моросил октябрьский дождик, мокро блестел асфальт, они

бежали, глядя под ноги, перепрыгивая или оббегая лужи. Оба уже порядком взмокли, а заветная надпись все также сияла впереди.

– Давай, поднажми! – задыхаясь, торопил первый Димка. Второй Димка, тем временем стал отставать, а затем и вовсе перешел на шаг и остановился. Он, согнувшись то-ли кашлял, то-ли смеялся – первый Димка не слушал. Он поднажал и вскоре достиг цели. Отдуваясь, он перешел на шаг и полез на ходу в карман за деньгами, чтобы не терять ни секунды драгоценного времени. Но, не дойдя до двери с десятков метров, остановился, как вкопанный, постоял недолго, посмотрел на часы, затем развернулся, и, уже никуда не торопясь, направился ко второму Димке, который с виноватым видом выглядывал из-под козырька автобусной остановки.

А в спину ему ехидно подмигивала неоновая вывеска «Нитки-Ткани».

ДРУГ

Жарким июльским субботним днем, наш небольшой и дружный коллектив отправился на пикник. Недалеко от Сосново мы облюбовали маленький уютный пляжик прямо на берегу Ладоги. Тут же находилась небольшая турбаза, где можно было взять напрокат лодку и мангал с дровами и шампурами. Чтобы пройти от автостоянки к пляжу, нужно было миновать собачью будку с огромным кавказцем на цепи. Он встретил нас в полном соответствии с кодексом гостеприимства цепных псов. Проходя мимо, нам оставалось только надеяться, что толстенная цепь не порвется и будка, к которой она была прикручена, прочно врыта в землю. Но цепь с будкой выдержали, и мы благополучно расположились на пляже. Пес еще полаял, для порядка, и успокоился.

С нами поехал Денис, работающий у нас в охране. Он был спортсмен, боксер и практически не употреблял спиртное. Но мы и не таких убалтывали, и Денис огласился на одну рюмочку. Потом – на вторую. И как это всегда и бывает, неопытный, он не рассчитал свои силы. Плюс жара. Короче, Дениска набрался. И решил поближе познакомиться с овчаркой. А надо сказать, что собак он любил и сам держал боксера, уж простите за тавтологию. И вот он, покачиваясь, направляется напрямую к будке, где в тени дрыхнет ее хозяин, подходит и начинает трепать пса по холке. И огромная сви-

репая псина беспрекословно ему это позволяет! Вот и верь потом в рассказы, что собаки пьяных не терпят. Затем Дениска уселся рядом с псом в тени, прислонившись к будке и принялся трепать собаку за морду, уши и за все до чего мог дотянуться, что-то ей рассказывая при этом. Псина внимательно слушала и приветливо помахивала хвостом, ударом которого могла бы свалить подростка.

Убедившись, что у Дениса все в порядке, мы возвращаемся к мангалу и продолжаем пикник, а когда через полчаса, вспоминаем о нем, то видим его безмятежно спящим на спине рядом с собакой, закинув ногу той на спину. Пес не спал и сидел неподвижно, боясь, вероятно, нарушить сон своего нового друга. Здесь следует отметить, что Денис боксировал в категории – до 66 кг, одет был только в плавки и со стороны они с псом смотрелись как лягушонок Маугли рядом с Акелой из известного мультика. На фоне огромного грязно-бурого лохматого кобеля, Денис со своими белыми худенькими ручками и ножками и впрямь напоминал лягушонка.

Наш пикник подошел к концу, и пора было собираться. На наши окрики и свист Денис не реагировал, а когда мы попытались подойти поближе, пес оскалил зубы и тихо, утробно зарычал. Не залаял, а именно зарычал, не громко – чтобы не потревожить приятеля!

Вот это забота! Много ли жен и мужей проявляют подобную деликатность по отношению друг к другу?

Если лаять пес постеснялся, то клыки продемонстрировал

вполне убедительно, и мы поняли, что Дениску нам никто отдавать не собирается и придется ждать, пока тот сам не проснется.

В итоге, мы нашли хозяина турбазы, и он вынес Дениску на руках, пес не посмел перечить хозяину.

А Денис проснулся, только уже на подъезде к городу и о своем новом друге почти ничего не помнил.

МАТРЕШКА

Он разобрал матрешку. Пять веселых мордочек в разноцветных платочках выстроились перед ним на столе. Он взял самую маленькую, неразборную и отставил в сторону. Затем открыл меньшую из оставшихся и вложил в нее кольцо. Массивное, но вместе с тем изящное, с крупным камнем, окруженным россыпью бриллиантовой крошки.

Достал лист пергаментной бумаги и написал, стараясь красиво выводить каждую букровку: «А если честно, то мне плохо без тебя. И хоть я пытаюсь шутить и шлю тебе разные приколы и шуточки, мне совсем не весело. Я многое передумал, стал серьезнее, и намерения мои – самые, что ни на есть серьезные. В чем ты сможешь убедиться, раскрыв эту матрешку.»

Он обернул этой запиской матрешку с кольцом, и аккуратно вставил ее в следующую по размеру.

Затем достал еще лист.

«Поздравляю с Днюхой! Зажги от души в этот день! Хоть – и без меня (((. Я тоже зажгу в твою честь!!!» И пририсовал смешную рожицу с высунутым языком. Обернул матрешку и также аккуратно вставил в очередную.

Осталась последняя матрешка. На этот раз ничего не стал писать, а обернул ее листком, на котором была изображена смеющаяся корова с букетом цветов и надписью «Birthday!»

Пошел на почту и отправил бандеролью.

—

Поздравления начались с самого утра. Сперва Ватсапки и звонки, потом курьер с корзиной от коллег из соседнего филиала, потом Вовик – старинный друг – с букетом роз. Забежал на минутку, вручил в прихожей, и умчался. Даже от кофе отказался.

Потом курьер с бандеролью.

Она сняла обертку, раскрыла первую матрешку, недоуменно посмотрела на мятую смеющуюся корову.

– Он когда-нибудь повзрослеет? Она открыла вторую матрешку.

– Все бы зажигал! Не назажигался еще! А я уж было начала надеяться... – тут в соседней комнате зазвонил телефон, она с досадой швырнула матрешку в мусорное ведро и побежала принимать очередное поздравление.

НЕВЕСЕЛАЯ ВДОВА

Уютно устроясь на широком подоконнике с бутылкой французского шампанского и мандаринами, она наблюдала с высоты двадцатого этажа, как внизу во дворе идут приготовления к новогоднему фейерверку. Пришел Симба. Грациозно (а он все делал грациозно, британец как – никак) вскочив на подоконник он брезгливо обнюхал мандариновые дольки, а затем сунул нос и в бокал с шампанским. Отвращения не выказал, но и попрошайничать не стал, благородно уступив даме. Затем, потоптавшись для порядка, он улегся на коленях у хозяйки и с царственным видом уставился в окно.

Ну-ну – ухмыльнулась она – внизу уже все было готово к салюту.

Как и следовало ожидать, все британско- аристократические понты сдуло как ветром с первым же залпом. Едва ярко-оранжевый шар расцвел прямо перед окном, как Симба превратившись в маленького перепуганного котенка, метнулся с подоконника и, пробуксовывая на скользком ламинате, забился под кровать, где и провел остаток новогодней ночи.

Шампанское было достойным- с тонким ароматом, сладковатое – хотя на бутылке было написано Брют, с идеальными круглыми пузырьками- пить его было само удовольствие, но вот эффекта, которого она всегда ожидала от шампанско-

го не было. Не было того легкого головокружения, возбуждения, желания веселиться самой и веселить других. Наоборот, она вдруг ощутила непонятную грусть. Пикнул телефон – это Гугл услужливо предложил ей вспомнить, где она побывала два года назад. Заснеженные, пьяные, веселые морды. Они вместе. Раньше были, а теперь...

Она досадливо отложила телефон и долила остатки «Вдовы Клико» в бокал.

– Какая-то невеселая ты, вдова – хмыкнула она – придется поднять градус.

– Эй, дорогой! Коньячку тащи, душа праздника требует!

НЕДОТЕПА

Помните, как в рассказе Чехова «Ванька» мальчик Иван Жуков пишет письмо « На деревню дедушке...»? Нечто подобное произошло с одним моим одноклассником в далекие восьмидесятые. Только звали его не Ванька, а Серега, и никакого письма он не писал. А отправил дедушке в деревню посылку на Новый Год. А вот дедушка как раз ему написал. Помимо благодарности за шерстяные носки и коробку конфет, он писал: «... а цветок, что ты прислал, я посадил в горшок, чтобы потом – по весне высадить на улицу. Но, наверное, я слишком много его поливал, потому, что он сгнил, очень жалко – красивый был, на столетник похож...»

Серега был весьма озадачен, прочитав такое – ведь никакого цветка он не посылал. А послал, диковинный в те времена ананас. В глухой Псковской деревне, где, в те далекие времена и телевизора то не было, заморский фрукт вызвал недоумение, но русского человека сложно вывести из душевного равновесия, и маленько поразмыслив и включив логику и посоветовавшись с бабкой, было решено, что это цветок и, значит, его нужно посадить. Что и было сделано – плод зарыли в землю, оставив наружи только зеленый хвостик. Ну, и поливали, как положено.

Сложно представить, как бы они поступили с киви? Судя по тому, что оно напоминает картошку и причем, зеленую –

его бы точно сварили. Какая судьба была бы уготована манго или авокадо можно только догадываться. Но в те времена эту экзотику и в городах то достать было невозможно.

А через какое-то время дедушка приехал погостить к внуку. Без забавного происшествия и тут не обошлось...

Мы жили неподалеку от мясокомбината – потом он стал называться Самсон. Вечерами около проходной крутились разные темные личности – торговали из-под полы вынесенными с комбината деликатесами. И угораздило проходить мимо нашего деревенского простачка, где ему втюхали две палки волшебного сервелата. Волшебного потому, что когда он пришел домой и развернул газету, то вместо вождеденных деликатесов на столе оказались два конских члена.

Больше Серега дедушку в городе одного никуда не отпускал.

А надо сказать, что и сам Серега унаследовал от деда эту наивность и, как бы сказать помягче, простоту и доверчивость. И тем более удивительно, что при этих качествах, которые редко могут послужить человеку, особенно в большом городе, Серега умудрился сделать карьеру в полиции. В нашу последнюю встречу на вечере одноклассников он приезжал в чине полковника.

ПОДМЕНА

Пришло время зачета по плаванию. В нашем институте своего бассейна не было, занятий по плаванию, соответственно – тоже, а вот зачет был. И в выходной день нужно было ехать в один из городских бассейнов и проплыть 50 метров на время. Мне совсем не улыбалось тратить драгоценный выходной на барахтанье в хлорке, и я предложил младшему брату съездить вместо меня. Все равно там никто никого в лицо не знал и документов не спрашивал. Надо было просто отметить в журнале напротив моей, а точнее нашей, фамилии и все – плыви на здоровье. Брат оказался не прочь, но одному ехать было скучно, и он захотел взять с собой приятеля. Я спросил в группе, не хочет ли кто, чтобы вместо него сплавали на зачет – всего-то за кружку пива – и вызвался Юрка Корнев – у него тоже были уже какие-то планы на выходные, да и плавал он кое-как. Итак, мой брат с приятелем отправились в бассейн и проплыли там за меня и Юрку соответственно.

– Все прошло супер! – заявил брат по возвращении.

Но все оказалось не так однозначно. На следующем занятии по физкультуре, преподаватель подводил итоги зачета. Оказалось, что из всей группы норматив не выполнил только я. Братик оказался не на высоте. Хотя, что уж там – на глубине не оказался, и то ладно. Все равно перезаплыв из-

за одного меня никто организовывать не собирался и зачет мне, разумеется, поставили вместе со всеми. Ну, подумаешь, выслушал еще пару глупых шуток про надувной круг и еще что-то в том же духе.

У Юрки дела обстояли похуже.

Братов приятель оказался разрядником по плаванию и проплыл, что называется – от души.

– Корнев! Красавчик! – провозгласил тренер, глядя на результат в журнале – на следующей неделе поедешь на межвузовские соревнования, честь института отстаивать.

– Это, че за нафиг? – прошипел мне ошарашенный Юрка – какие нахрен соревнования?!!

– Да, вот, звезду плавания из тебя сделал – прохихикал я в ответ – тут уж одной кружкой не отделаешься.

Но Юрке было не до смеха. На межвузовские ехали целой командой вместе с преподами, и выставить вместо себя другого пловца, там было уже не реально. Пришлось Юрке придумывать сказку про вывихнутое плечо, а потом еще и скрываться какое-то время от назойливого тренера.

P.S. А пиво он мне так и не проставил. Впрочем, я и не настаивал.

ПРО ЛЕХУ- ТРАНСГЕНДЕРА

Дверь в квартиру не закрывали. Потому, что всегда были рады гостям, особенно когда те приходили не с пустыми руками, да и замок был сломан – уж третью неделю как, а починить, все руки не доходили. Некогда было. Замок, кстати, сломал один из тех гостей, которым всегда были рады. Просто в тот день ему были не рады, потому, что он пришел с пустыми руками. И дверь поэтому не открыли. А он был бы очень рад повидаться, и поэтому, ударом ноги вышиб дверь, вошел и повидался. Правда, не долго. Потому, что сперва – ему подбили глаз, да так, что он потом целый месяц ни с кем этим глазом повидаться не мог, а потом спустили с лестницы и вдогонку еще раз напомнили, что ему здесь больше не рады. Но подобный драматизм случался не часто, и жизнь, в основном, протекала мирно и размеренно, по давно установившемуся распорядку.

К слову Леха – так звали бузотера – на следующий день появился снова с двумя полторашками крепкой Охоты, и был великодушно прощен. Он даже порывался починить дверь, но Серега-хозяин квартиры – широким жестом успокоил приятеля – мол, сиди, я сам потом, как-нибудь...

Квартирка эта располагалась на первом этаже хрущевки в одном из спальных районов. Ее получила в качестве служебной жилплощади Серегина мать – она двадцать лет прора-

ботала дворником, а потом вышла на пенсию и вернулась на родину – в деревушку в Псковской области. А Серега остался, как мать его не уговаривала.

– Ну что я – молодой мужик – буду в твоей глуши делать? Там же никаких перспектив – резонно рассуждал он. В городе перспектив было действительно значительно больше. Наиболее перспективным ему показался бизнес в сфере недвижимости. А точнее – в аренде. А еще точнее – не совсем в аренде, а так сказать – в частичной аренде. Частичной потому, что поскольку ему самому жить больше было негде, он сдавал квартиру вместе с собой. Он предоставлял меблированную квартиру со всеми (совмещенными) удобствами, как для ночлега, так и просто для проведения досуга. В отдельных, особо пикантных случаях, он мог ненадолго оставить постояльцев наедине, и посидеть на лавочке у подъезда, но только в сухую и теплую погоду, и за дополнительные бонусы, вроде бутылки пива или сникерса. Но такое случалось крайне редко, в подавляющем большинстве случаев, интимная обстановка, заботливо созданная хозяином, удовлетворяла влюбленных, и им не мешало присутствие в квартире хозяина и других гостей. Но специально для уединения, романтически настроенные парочки сюда заглядывали не часто. В основном здесь собирался местный бомонд пропустить по стаканчику и обсудить события мирового и микрорайонного масштабов, ну а если уж во время раута, у кого – то вдруг возникала взаимная симпатия – в их распоряже-

нии всегда была койка за шифоньером.

Бизнес-модель Серега избрал не совсем традиционную: он отказался от сложной и хлопотной цепочки товар-деньги-товар. Он исключил из нее деньги, нанеся мощный удар по всей капиталистической системе. За предоставляемые услуги: койку, стол, крышу и телевизор, он брал натурой – спиртным и продуктами-которые тут же совместно с гостями и употреблял, избегая, таким образом, хлопотных и опасных походов по магазинам. С милых дам Серега оброк не брал, он был истинным джентльменом. Впрочем, и от проявлений благодарности не отказывался.

Здесь будет уместно описать это милое жилище: из прихожей, повернув направо, вы попадали на уютную шестиметровую кухню, центральное место которой занимал обшарпанный стол, окруженный группкой табуреток. Такое положение было очень удобно и безопасно – не вставая из-за стола, можно было легко дотянуться как до холодильника, так и до плиты с раковиной. Небольшую комнату, наподобие ширмы, разделял старый шифоньер. Он перегораживал комнату почти на всю ее ширину, так, что к кровати, что пряталась за ним, можно было пройти только через узкий, в полметра проход. Для создания приватной обстановки, этот проход был занавешен куском старой плотной шторы, которая висела на веревке, протянутой от шифоньера к стене. Сверху на шифоньере громоздились картонные коробки со всяким хламом, так, что в алькове всегда царил полумрак. Справа

от шифоньера, у окна располагалась тахта, вместо давно сломанных ножек, она покоилась на стопках школьных учебников, оставшихся с золотой Серегиной школьной поры – других книг в доме не держали. Стена, вдоль которой стояла тахта, была оклеена некогда голубыми в цветочек обоями, но окно выходило на солнечную сторону, а занавески на нем не было, и посередине обои выгорели, и стали блекло-желтого оттенка. Снизу у тахты, где обои были затерты головами и подушками, цвет определить было уже невозможно, там было сплошное маслянно-бурое пятно. Напротив тахты на тумбочке красовался телевизор. Он был древним, и показывал только один канал – «Россию». Это было даже удобно – не надо было вставать, чтобы переключать каналы, так как пульт был давно утерян.

Как вы уже догадались, это был обычный притон. Справедливости ради надо сказать, что наркоманов, проституток и прочих ЛГБТ-активистов здесь не водилось. Это был старый добрый, олдскульный алкогольный притон. Средний возраст его обитателей не превышал тридцати лет. Молодые лоботрясы, не желающие трудиться и не строящие хоть какие-либо планы на будущее, проводили свои лучшие годы, за потягиванием пивка и незатейливыми разговорами.

Как уже говорилось, телек показывал только «Россию», и практически всегда работал. На канале идет одна политическая программа, где одни и те же персонажи, из года – в год, обсуждают одни и те же события. Судя по всему, пере-

дача имеет высочайшие рейтинги, поскольку идет ежедневно по четыре часа в день в прайм-тайм. В основном обсуждается бедственное положение западных демократий, тупость их руководителей, и чудовищный моральный облик граждан. С особенным смаком демонстрируется модное ныне течение трансгендеров. С экрана постоянно лыбятся гнусные размазанные хари, какие-то покрашенные, отвратительные мужики с накладными сиськами, пытаются неуклюже танцевать кверк, выступают то-перед детишками, то – перед солдатами, а то и вовсе с трибуны Конгресса. И все эти, так сказать, организмы, судя по всему прекрасно себя чувствуют: их постоянно куда-то приглашают, у них миллионы подписчиков, и вообще они – в полном шоколаде.

И вот у наших хануриков назрел вопрос: Почему это некрасивые, неуклюжие, не особо умные персонажи, да еще и с явными психическими проблемами, так неплохо себя чувствуют в материальном плане, в то время как сами они вынуждены ежедневно решать незначительные, и от того особенно унижительные, проблемы, как нехватка денег на бутылку самого дешевого пива. (Как вы понимаете, у наших ребят имелись все основания для того, чтобы сравнивать).

– Надо взять на вооружение эту мировую тенденцию – изрек Вован – думаю, на этом можно будет заработать.

– Это ты на что намекаешь? – спросил Анатолий. Тон, которым был задан вопрос, настолько отличался от показного дружелюбия, принятого у заморских извращенцев, что Во-

ван испуганно замахал руками:

– Да, ты не понял, я же не переделаться предлагаю. Вон смотри – он указал, на спящего на тахте Леху – нарядим его в женское, и отправим к Американскому посольству.

–Нахрена?

– Типа, он трансгендер, и его здесь обижают, вон и сияк еще не прошел. Скажет, что менты избили. А мы этот его скулеж на фоне американского флага снимем и в сеть выложим. Журналюги глядишь – и ухватятся, начнут его на всякие интервью приглашать. А интервью эти – я слышал – совсем не бесплатные. Поплачется там про свою тяжелую жизнь, про кровавый режим и дело в шляпе. Бабла поднимем по-легкому. Ему ж там никто под платье не полезет проверять, переделкин он или нет.

– Отличный план! А если откажется, мы ему второй глаз прикроем! – хохотнул Анатолий, и пихнул ногой будущего «трансгендера» – Харе валяться, на заработки собирайся!

Когда Леха открыл глаз, ему налили пива, подождали чуток, чтобы оно правильно улеглось, а потом и рассказали о его почетной миссии. Как и ожидалось, Леха кочевряжиться не стал. Люся скрепя сердце выдала ему свой лифчик и кофточку, благо, они были почти одной комплекции. Туфель на его ногу не нашлось, и он остался в своих кедах и джинсе. Когда же Люся накрасила нашего героя, все ахнули – Леха выглядел почище (грязнее) западных аналогов.

–Тьфу, мерзота! – только и смог вымолвить восхищенный

Анатолий.

Они быстро допили пиво, и отправились на дело. Впереди шел Вован, за ним Леха, и Анатолий замыкающий. Едва выйдя из подъезда, Вован нос к носу столкнулся с огромным угрюмым мужиком в засаленном тельнике. Он сразу его узнал, и, пробормотав что-то типа приветствия, стремглав бросился в сторону, в кусты, что росли вдоль дома.

Новоиспеченный трансгендер спрятаться от тестя не успел.

Только поздороваться и успел.

А больше ничего не успел.

НА КАВКАЗЕ

Еще не все пассажиры заняли свои места в салоне самолета, а мы уже выпили по третьей, уютно устроившись в креслах и разложив на откиннутом столике немудреную закуску. И не особо прятались при этом, просто не выставляли демонстративно бутылку, а держали ее в портфеле на полу и доставали по мере надобности – каждые пять минут. И бутылка это была отнюдь не из дютика, а разведенный спирт и пронесли мы ее в самолет на совершенно законных основаниях!

Спросите как такое возможно? Да очень просто, потому что история эта произошла в те добрые безмятежные времена, когда в самолет можно было проносить все что угодно, и даже курить в туалетах. А еще и карамельки перед взлетом всем раздавали, чтобы уши не закладывало.

Сейчас кажется фантастикой, а раньше было обыденно.

Но в остальном, времена, были не совсем уж такие добрые и безмятежные. Шел 1991 год со всеми своими прелестями, нехватками и лишениями.

Но как это часто бывает, какую-нибудь конкретную нехватку или лишение тех лет я вспомнить не могу, а вот такие маленькие радости/приятности – сколько угодно. Из таких вот радостей и будет состоять этот рассказик, и сразу хочу предупредить, что радости эти могут кому то показаться приземленными, так я и не претендую...

Желаете возвышенного, или просто литературного – прошу сразу отсюда – к Тютчеву с Пришвиным.

И любителей остренького хочу огорчить – порнухи и матерщины тоже не будет.

А немногим оставшимся сообщаю, что, пожалуй, единственное достоинство данного опуса в том, что все описанное происходило в действительности и не содержит совсем никакого вымысла, а если и закрались где некоторые неточности, то исключительно из-за 30-ти с лишним лет, которые лежат между нами и описываемыми событиями.

Итак, когда стюардесса велела пристегнуться, привести спинки кресел в вертикальное положение и убрать откидные столики, бутылка была уже выпита, а закуска съедена. Самолет взлетел и понес нас с Ткачевым в славный город Махачкалу.

Разрешите представить : Ткачев Владимир Анатольевич – ведущий инженер Отдела Молекулярной Эпитаксии Специального Конструкторского Бюро Аналитического Приборостроения Академии Наук СССР, мой непосредственный руководитель, а также весельчак, авантюрист, красавец-мужчина, интеллектуал, знаток поэзии и живописи, балетоман, ювелир-самоучка, вырезающий в свободное время изящные камеи из различных минералов (свободное время частенько случалось прямо на рабочем месте), а также утонченный бабник и пьяница, короче – образец для подражания. Мне очень повезло оказаться его учеником – и в этом нет ни доли

сарказма или иронии – очень много хорошего из того немного хорошего, что есть во мне я приобрел благодаря общению с ним.

Глава 1. Махачкала

По приземлении, на пути из аэропорта Ткачев обратил мое внимание на огромный дом из красного кирпича, даже скорее замок, стоявший отдельно и видимый издали, и сообщил, что это дом Расула Гамзатова. Сейчас уже не знаю, но тогда, еще при жизни, Гамзатов был иконой, в Дагестане его боготворили и почитали, пожалуй, как никого из соотечественников. Народный Поэт! Но помимо Гамзатова, в Дагестане награждали этим званием и других, менее известных (а у нас так и вовсе никому неизвестных) поэтов. И как раз к одному такому местному поэту, старому знакомцу Ткачева, мы сейчас ехали в гости.

Жил Поэт (имени его я, к сожалению, не вспомню, поэтому будем звать его Поэтом) в квартире, расположенной в тихом центре неподалеку от моря. Было ему около 60 – ти, невысокий, плотный седой с седыми же усами. Жили они вдвоем с женой, которая быстро и незаметно накрыла на стол и также незаметно ретировалась. За столом они с Ткачевым повспоминали общих знакомых, ситуацию в стране и мире, а затем я, как человек любознательный, подтолкнул Поэта к разговору о Коране, о котором я, на тот момент, знал очень мало. Особенно меня интересовала тема многоженства. Поэт поведал, что Коран разрешает иметь нескольких жен, но

только при соблюдении определенных условий – мало того, что он должен иметь возможность содержать их в равных достойных условиях, но он еще должен любить их всех в равной мере и одинаково хорошо ко всем относиться, чтобы ни одна не чувствовала себя менее любимой и желанной, чем другая. И только если мужчина честно пред собой и Аллахом, уверен, что сможет выполнить эти условия, ему дозволено завести более одной жены.

Потом, по мере опустошения бутылки, разговор перешел на более общие темы, и уже под конец пришел к извечному застольному вопросу о счастье. И здесь пожилой поэт удивил меня сентенцией, что оказывается счастье – это когда твоя жена переживет тебя. Вот и все. Тогда мне это показалось довольно прозаичным, особенно для поэта, и эгоистичным, но я, разумеется, не стал вступать в дискуссию с человеком вдвое старше и мудрее меня. Однако, с течением лет, почти достигнув возраста моего тогдашнего собеседника, я все больше не соглашаюсь с ним. Ведь это, что получается – ты просто тихонько свалишь, и оставишь близкого человека, скорее всего уже не молодого и не очень здорового, одного в этом совсем не добром – особенно к старикам – мире. И пусть она занимается твоими похоронами, и пусть оплакивает тебя, и пусть привыкает к одиночеству... Ну это, конечно, если ты не настолько опостылел ей, что она действительно почувствует себя счастливой после тебя. В этом случае, и только в этом, старый поэт оказывается правым, и смерть

действительно приносит счастье. Причем для нее. А для него это будет просто удачным стечением обстоятельств.

Впрочем, мы отвлеклись.

После ужина мы отправились на пляж, который находился неподалеку. По пути приобрели две бутылки портвейна. Как известно, на юге темнее рано и пляж был уже совершенно безлюден.

Вдоволь накупавшись в горьковатой каспийской воде, мы расположились под грибочком и принялись за портвейн, который после купания оказался удивительно вкусным. Вскоре мы увидели одинокую фигуру, приближавшуюся к нам. Парень, лет 20-ти, поддатый – это было заметно даже на нашем фоне – брел по кромке воды, похоже без всякой цели. Увидев нас под грибочком, он подошел. Разговорились, угостили его портвейном. – Вы откуда?

– Из Ленинграда.

– Ух ты! Маляцы! Здорово! – а он идет со свадьбы то ли соседей, то ли родственников.

Портвейн кончился, а желание выпить – нет. Решили сгонять за добавкой, пока не закрыли, но тут парень (имя, увы – тоже уже не вспомнить) сказал, что покупать ничего не надо, а надо прямо сейчас идти на свадьбу, откуда он пытался вернуться, и где нас совершенно точно накормят и напоят. Прекрасная мысль! И вот мы уже идем по вечерней Махачкале, почти в полной темноте с незнакомым пьяным дагестанцем и все дальше уходим от центра. Углубляемся в район част-

ных застроек, идем улочками с глухими заборами, откуда то и дело раздается собачий лай.

Сейчас это выглядит как глупая и опасная авантюра (кто то употребит и более крепкое выражение), но тогда мы себя ощущали в полной безопасности и не только из-за алкоголя, а вот такая тогда была атмосфера в Дагестане, да и вообще в стране.

В похожей ситуации я уже оказывался за пять лет до описываемых событий. В другом чудесном городе, и тоже – на букву «М» – Минске. Пока мы идем за нашим проводником, петляя по узким темным улочкам, позволю себе небольшое и не особо лирическое отступление.

Нелирическое отступление:

Я приехал в Минск по окончании четвертого курса, на летнюю практику. Разместились мы в студенческом общежитии – высотном здании рядом со стадионом Динамо. Из окна нашей комнаты футбольное поле хорошо просматривалось и, при наличии бинокля, можно было смотреть матчи. Но бинокля не было и фигурок бегающих по полю во время матчей, было практически не видно. Зато, неплохо просматривался пивной бар под названием «Свислочь», расположенный неподалеку. Туда-то мы с однокурсником и направились через несколько дней по приезду. Когда мы изучили меню и официантка, худая девица в очках, подошла принять заказ, я заявил:

– По – пять кружечек, для начала, пожалуйста. И пару на-

боров к пиву.

– По – пять? – удивилась она. – Мальчики, это не живая вода.

– О, не переживайте, мы опытные ребята. Потом еще повторять будем.

Здесь я вынужден сделать еще одно не лирическое отступление, дабы объяснить столь амбициозный заказ. Так сказать отступление в отступлении.

Вот оно:

Институт где я учился, находился неподалеку от Пяти Углов. Не буду его называть, дабы не компрометировать солидное заведение, дослужившееся ныне до звания Академии. А рядышком, на Владимирском проспекте расположились два других известных и уважаемых заведения – Театр им. Ленсовета и пивной бар Жигули. И находились они – в соседних зданиях. По странному стечению обстоятельств излюбленным местом наших студенческих посиделок оказался не театр.

Пиво в Жигулях, как и в других пивных Ленинграда в то время, было жиденьким, не крепким, пена исчезала сразу после розлива, и за вечер можно было спокойно выпить 10-12 кружек, не особо пьянея, а только бегая в туалет каждые полчаса.

И поэтому, когда я в Минске заказал по 5 кружек « для начала» это не было бахвальством или куражом. Это был заказ, основанный на опыте, и вскоре официантка принесла

пиво. Причем сразу 10 кружек. И не на подносе, а по 5 – в каждой руке! Даже смотреть было страшно, как она несет такое своими тощими ручонками. Когда она поставила кружки на стол и ушла за закуской, я попытался повторить ее фокус, но своими короткими пальчиками смог ухватить только 3 кружки, и то разлил немного.

Пиво разительно отличалось от того, к которому мы привыкли в Ленинграде. Оно было вкусным, плотным, пена держалась долго и, выпив три кружки, я почувствовал себя и захмелевшим и сытым одновременно. Пузо было полным, а в туалет не хотелось. А две оставшиеся кружки нетерпеливо ждали на столе и тощая официантка, проходя мимо, с ухмылкой косилась на них. В ожидании, когда откроется второе дыхание или освободится место в животе, мы вышли на улицу перекурить. Там уже курила компания из 5-6 местных парней, также сидевших в баре. Слово-за- слово познакомились, разговорились. Я похвалил пиво и Минск в целом, они – Ленинград, хотя никто из них у нас не бывал.

В общем, пиво мы допили. Повторять не стали. При выходе, мы снова столкнулись с компанией белорусов, которые также уже покидали бар. Опять покурили, поболтали и совместно пришли к выводу, что пиво, конечно хорошо, но без водки все равно не обойтись. Решено было зайти в магазин неподалеку и продолжить в парке, который также был недалеко. Парк был большим и довольно запущенным, даже не парк, а какая-то рощица на склоне холма с редкими скамей-

ками и дорожками. То, что парк был запущенным и малолюдным, было нам на руку, т.к. в Минске очень много милиции, и она строгая. А распивать в общественных местах запрещено.

Когда после магазина, мы вошли в парк и стали искать укромный уголок, мой однокурсник, отвел меня в сторонку и попытался отговорить – мол, переться в лес с толпой пьяных незнакомцев, в незнакомом городе, на ночь глядя и т.д. и т.п. Но напугать меня не удалось, и он ушел, сославшись на срочные дела в общежитии. Мы же забрались в парк поглубже, нашли заброшенную скамейку, вокруг которой и организовали круглый стол, на котором обсудили цены на алкоголь в Минске и Ленинграде, мировую политику и некоторые философские аспекты. Когда совсем стемнело и водка кончилась, парни довели меня до общежития и сдали на руки вахтеру, поскольку сам бы я точно заблудился. Вот и вся история.

Нечто подобное со мной случилось и в Одессе, где был на летней практике годом ранее. Это я все к тому, что в СССР человек всегда мог рассчитывать на местное гостеприимство, особенно если он был из Ленинграда – я всегда замечал особенное отношение к ленинградцам – уж не знаю почему, но – факт.

Ну вот, все отступления кончились, и мы бесстрашно продолжим наш путь по пригородам вечерней Махачкалы.

Через полчаса мы добрались до места. Свадьба гуляла во

дворе деревенского дома. Сам дом я не разглядел, поскольку он был почти полностью скрыт в тени, но двор был очень большой. Столы были расставлены с трех сторон по периметру под огромным освещенным навесом. Невеста с женихом чинно восседали на положенных местах. Внутри периметра танцевали. Гремела музыка. Люди сновали туда-сюда. Ворота были распахнуты настежь, и любой желающий мог свободно зайти с улицы. Судя по тому, что мы никого не встретили по пути, все уже и зашли. Количество народу сосчитать было невозможно, но по ощущениям, точно больше сотни.

Наш провожатый подошел к какой то женщине и что то стал ей объяснять, кивая в нашу сторону. После чего нас быстренько усадили за стол, поставили чистые приборы и рюмки, и женщина умчалась к другим столам, а мы тут же приступили к празднованию. Вдруг музыка смолкла и в тишине мужской голос в микрофон сказал, что хочет поднять тост за дорогих друзей из Ленинграда, которые почтили своим присутствием их скромное мероприятие. Это говорил мужчина, сидевший рядом с молодоженами, вероятно отец жениха. В ответ «дорогие друзья» неуверенно поднялись со своих мест и Ткачев произнес витиеватую речь о вечной любви и дружбе, которая не знает преград, не подвластна времени и расстояниям и т.д. и т.п., после чего мы подошли к новобрачным и пожали им руки и музыка загремела вновь, а мы продолжили трапезу. Наш проводник меж тем, куда-то испарился и более мы его не видели.

Ничего, к сожалению, не могу вспомнить, как проделали обратный путь, как – никак тридцать лет прошло, но проснулся я утром невредимым и несвежим в доме у Поэта. Судя по недовольному лицу последнего, наше ночное возвращение не было бесшумным, и наскоро позавтракав, мы извинились за причиненное неудобство, поблагодарили за гостеприимство и распрощались.

Дальше наш путь лежал на автобусный вокзал. Но сперва, мы решили еще разок искупаться, благо море – совсем рядом. Придя на пляж, по-прежнему безлюдный, мы поняли, в чем дело – вдоль воды повсюду были воткнуты колышки с табличками, на которые вчера в сумерках мы не обратили внимания. На табличках было написано: «Купаться запрещено. Обнаружена холерная палочка». Мы искупались и поехали на вокзал.

Очередей, как таковых, когда один человек стоит за спиной другого в автобусных, да и в железнодорожных кассах Дагестана, я не встречал. Окошко кассы окружено со всех сторон плотным людским комком, и когда человек, купив билет, отходит, его место занимает наиболее ловкий, протиснувшийся первым. При этом никто не орудует сверх меры локтями, не кричит и не ругается и вообще все происходит достаточно дружелюбно. Вот и мы, потолкавшись с пол часика, стали счастливыми обладателями билетов до конечной точки автобусного маршрута – поселка Советский, расположенного в горах в ущелье реки Аварское Койсу.

Рейс у нас был междугородний, да еще и дальнего следования – 5 часов в пути. И я слегка удивился, когда междугородний автобус оказался обычным старым ПАЗиком, довольно потрепанным. Все сидячие места в автобусике были заняты. Но как только мы выехали за пределы автобусного парка, сразу за поворотом нас ожидала целая толпа. Водитель остановил автобус, и он сразу битком наполнился людьми. Деньги при входе они отдавали водителю, конечно без всяких билетов в ответ. И потом, на протяжении всего маршрута, мы брали новых пассажиров, голосующих на дороге, и разумеется билетов им так же никто не выдавал. Думаю, что устроится сюда водителем, было не легче, чем – гондольером в Венеции.

Летом в Дагестане жарко. Очень жарко. В нашем автобусе не то, что не было кондиционера – ха-ха – даже люка в крыше не было, а были только узкие форточки, которые особой прохлады не давали, поскольку автобус ехал медленно, потому, что был переполнен, был старый, да еще и ехал почти все время – в горку. Местные одеваются, на мой взгляд, совсем не по погоде – женщины в темных плотных платьях до пола, замотанные в платки, мужчины – тоже во всем темном – ботинки с носками, брюки, пиджаки, и почти на всех – шерстяные кепки. Но что удивительно, при такой жаре, духоте и скученности в автобусе совсем не чувствовалось запаха пота.

Хотя нет, чувствовалось. Не сильно, но вполне ощутимо. От меня. Эффект от утреннего купания уже кончился, а по-

хмелье – не кончалось и липкий пот тихонько выступал на лбу и на руках, сползал по спине. Так мы и ехали. Время от времени, кто то выходил, кто то голосовал на дороге.

Примерно через час парень, сидевший перед нами, встал и кивком предложил женщине, стоявшей перед ним с сумками в руках сесть на свое место. Она, также молча кивнула и села.

И потом, в течении всего маршрута, время от времени, сидящие вставали молча и уступали место стоявшим безбилетникам.

Заметив это, Ткачев ухмыльнулся и на ухо рассказал анекдот про ленинградский троллейбус. Анекдот, уже старый, но, вдруг кто не слышал.:

Ленинградский троллейбус, все места заняты, входит женщина с сумками и становится прямо перед мужиком, читающим газету. Через несколько остановок женщина говорит негромко :-

–Да, перевелись у нас джентльмены.

В ответ на это, мужчина отрывается от газеты, поправляет очки и произносит :

– Мадам, джентльменов у нас – дохрена, троллейбусов не хватает.

Я тихонько похихикал и два «джентльмена» из культурной столицы продолжили свое путешествие, сидя на своих законных местах, гордо сжимая билетики в потных ручонках.

Глава2. В горах.

Поселок Советский не произвел сильного впечатления, какой то пыльный и невзрачный, он располагался на берегу небольшой горной речки в ущелье, окруженный со всех сторон голыми скалами и минимумом растительности. В самом поселке с зеленью тоже было не густо. Дальше общественный транспорт уже не ходил. Выше в горы уходила узкая дорожка, по которой изредка проезжали грузовички да легковушки местных жителей. В центре поселка, на небольшой площади, где была конечная остановка автобуса, располагалось кафе и несколько магазинчиков, а за ними – в двухэтажном бараке, что-то типа гостиницы, где останавливались преимущественно водители грузовиков. Тут нам предстояло найти транспорт, который отвез бы нас как можно выше в горы. Но это оказалось не так просто – никто из водителей, к чьим машинам мы подходили, не собирался ехать сегодня, и нам пришлось заночевать в убогой гостинице с тараканами. С утра мы уже были на площади и продолжили попытки найти транспорт. Ближе к полудню к кафе подъехал старенький Газ 53 с открытым кузовом. Из кабины вылез довольно хмурый мужик и направился в кафе. Пока он ел, мы подсели к нему за столик. Оказалось, что он через несколько часов поедет в нужном нам направлении, но в кабине у него места нет – он уже берет пассажира, но мы, если захотим, можем ехать в кузове на мешках то ли с мукой – то ли с зерном, уже не помню. Но помню, что цену он запросил не малую. Впрочем, у нас не было выбора. К назначенному ча-

су мы подошли на площадь, забросили наши рюкзаки и палатку в кузов и залезли сами. Попутчик тоже подошел, сел в кабину и мы поехали. Как я и ожидал, ехать на мешках оказалось очень удобно, как в мягких креслах, и мы с комфортом устроясь, принялись обозревать местные красоты. А посмотреть действительно было на что! Покинув поселок, дорога начала забирать вверх по ущелью, оставляя речку все дальше вниз. По мере подъема, ущелье расширялось, склоны покрылись зеленой растительностью, и виды открылись поистине потрясающие – аж дух захватывало! Как уже многократно писалось в таких случаях – ощущаешь себя мелкой ничтожной букашкой, пылинкой на фоне этого, прям космического великолепия. Верно писали – именно так я себя и ощутил. А когда, перегнувшись через борт, я посмотрел вниз, то ощутил столь же космический ужас. Я смотрел в самую, что ни есть настоящую пропасть – отвесная стена – не знаю, на сколько метров вниз – там уже еле виднелась речка, и шума ее было не слышно. И пропасть эта начиналась сразу у колес – может сантиметрах в 20-ти. Дорога была, разумеется, без всякого намека на ограждение. Т.е. одно неверное движение нашего водителя и адью! Без малейшего шанса для всех. Несколько раз встречались маленькие пирамидки, сложенные из камней и украшенные лентами и засохшими цветами. Сперва, я так перепугался, что какое то время сидел у дальнего от пропасти борта, закинув не него одну ногу, чтобы, когда машина начнет валиться вниз, успеть выскочить.

Ткачев тоже сидел притихший и настороженный. Зато наш водитель с пассажиром чувствовали себя вполне комфортно и расслабленно, судя по оживленной беседе, то и дело прерываемой гортанным смехом. Скоро нога затекла, и сам я устал от постоянного напряжения. Тогда я убедил себя, что от моих переживаний и предосторожностей ничего не зависит, а значит и дергаться нечего, только нервы себе портить. После чего я откинулся на мешках и стал смотреть в небо, на котором уже появились первые звезды, вверив свою жизнь провидению вместе с водителем. Как вы уже поняли, дорога была настолько узкой, что двум машинам разъехаться было не возможно. К тому же, она была извилистой. Но движение, при этом было организовано в двух направлениях. Вот как это происходило. Время от времени встречались более-менее широкие участки, где два грузовика могли разъехаться, и при встрече, одна из машин, которой было ближе, начинала пятиться задом до такого места. Подъезжая к очередному повороту и, не видя, разумеется, что там происходит за скалой, водитель начинал сигналить, и, не услышав ответного сигнала, шел в поворот. Один раз мы сами услышали клаксон из-за поворота. Мы остановились и дождались, пока из за скалы не выехала встречная машина. Такой же Газон с открытым кузовом. В кузове сидело человек десять – преимущественно женщины. Сельхоз-работницы возвращались домой. Мы прижались, как можно ближе к скале, а встречный грузовик начал очень медленно, впритирку к нашему

борту, объезжать нас по самому краю пропасти. Люди в кузове о чем то весело переговаривались с нашими попутчиками, и не испытывали ни малейшего неудобства или волнения – видать, такой экстрим был им давно привычен. При этом человек, сидевший на пассажирском сидении встречной машины, открыл деверь и наклонившись над пропастью, смотрел на колеса и подсказывал водителю. В общем, разъехались благополучно.

Через какое то время мы выехали на небольшую площадку с маленьким водопадиком у которого остановились. Наши попутчики подошли к водопаду. Нас не пригласили, да мы и не особо хотели покидать кузов.

– Пошли выпить водки, а водой – запивать будут – подбодрил меня Ткачев, к которому вернулось чувство юмора. Что они там пили, в темноте было не видно, но огоньки сигарет виднелись отчетливо. А скоро дошел и запах дыма. Странный. Как будто листву жгут. Что это было – косяк или просто самосад, мы не распознали, но уверенности в завтрашнем дне у нас не прибавилось.

Короче, с Аллаховой помощью, доехали. Пассажир вышел у какой то тропинки, уходящей в сторону и скрылся в темноте. Вскоре дорога кончилась, и мы остановились у ворот небольшого хутора. Мы выбрались со своими пожитками, поблагодарили водителя. Мы собирались где-нибудь неподалеку разбить палатку, переночевать и наутро уже отправиться в пеший поход в горы.

– Э! Какая – такая палатка-малатка – сказал наш водитель – у меня будете ночевать. Помня, какую цену он запросил за поездку, мы стали отказываться – мол, у нас и палатка и спальники и провиант есть, а вот денег – не совсем есть.

Э! Какие деньги! То –бизинись бил, а сейчас ви – маи гости .

И, почти вырвав у меня из рук сумку с палаткой, он повел нас в дом. Я не ожидал, что одинокий хутор высоко в горах, за много километров до цивилизации, окажется таким обустроенным и уютным. Нас накормили вкуснейшим ужином и уложили спать на – внимание! – белоснежных и до хруста накрахмаленых простынях. Как хозяйке это удалось и каких трудов стоило – для меня загадка.

Утром нас накормили завтраком, и хозяин проводил нас до тропы, по которой нам предстояло начать пешую часть нашего путешествия.

Ах, да – забыл сказать, что нашей целью была Грузия. Мы планировали перейти Большой Кавказский хребет по контрабандной тропе и спуститься в Кахетию. Тропа называлась контрабандной, потому что раньше по ней из Грузии в Дагестан перегоняли ворованных лошадей, а из Дагестана в Грузию – осетрину и черную икру. Насчет лошадей, не знаю, а осетрину и сейчас благополучно доставляют, сам потом убедился.

Мы сердечно поблагодарили хозяина и отправились в путь. Тропа была хорошо утоптана, и идти по ней было при-

ятно, несмотря на тяжелый рюкзак за спиной и палатку в руках. Ширина тропы не позволяла идти рядом, поэтому мы шли гуськом друг – за -другом. Поскольку мы и так уже были достаточно высоко в горах, тропа почти не шла вверх, а спокойно вилась вдоль пересохшего русла какой то речки. Русло наполнялось по весне, а к лету пересыхало и сейчас напоминало извилистую, довольно широкую – метров в 50 – дорогу, только всю усыпанную валунами и камнями, так, что передвигаться по ней не было никакой возможности, только по тропе, что вилась, то прямо по берегу, то поднималась на 5-10 метров. В общем, я шел и наслаждался красивой природой и хорошей погодой.

Пока не упал в пропасть.

Ладно, не упал, а почти упал. И не совсем в пропасть, но примерно с высоты третьего этажа.

А дело было так. Иногда тропу пересекали песчаные водопадки – вместо воды сверху, тонкой струйкой, сыпался песок, и на тропе образовывалась маленькая кучка. Подойдя в первый раз, я замедлил шаг и начал осторожно идти по этой кучке. Вдруг, песок подо мной поехал вниз и я поехал вместе с ним в пропасть. Пропать – это конечно громко сказано, но лететь 5-6 метров на камни – та еще перспектива. Я упал на живот и постарался уцепиться за что – нибудь свободной рукой, но все равно продолжал вместе с песком сползать вниз. Тогда я выкинул вверх руку с палаткой, которой удалось зацепиться за камень. Тут подоспел, шедший за

мною, Ткачев, и ухватившись за сумку, вытащил меня. Короче, отделался испугом и оцарапанной рукой. Потом подобные песчаные водопады встречались частенько, но я уже научился их преодолевать. Ловите лайф-хак – если вам на горной тропе встретится нечто подобное, надо просто ускорить шаг, и тогда песок не успеет осыпаться под вами.

Отряхнувшись, отдохнув и успокоившись, мы продолжили путь.

Но, похоже, что Горный Дагестан решил испытать мою нервную систему на прочность, потому, что через какие то полчаса, завернув за очередную скалу я встретился взглядом с огромной овчаркой. Представляете на горной тропе, где с одной стороны скала, а с другой – обрыв, вы сталкиваетесь нос к носу с алабаем, которого выпустили на прогулку еще и без намордника?!

А намордника не было, потому что он был не на прогулке, а на работе. А работал он пастушьей собакой – за ним, вытянувшись в цепочку по одному, шествовало штук 30 овец. Последним шла еще одна собака, а завершал процессию дедушка лет семидесяти верхом на маленькой лошадке и в папахе. На морде алабая (в отличие от моей) не дрогнул ни один мускул. Он не зарычал, не залаял, а просто спокойно прошел мимо меня, вжавшегося в стену, обтершись лохматым бурым боком о мои ноги.

Идущие следом овцы также, каждая по очереди, пообтирались о нас, так как тропа в этом месте была не широкая.

Но в отличие от псины, они молчать не стали, а поприветствовали нас разноголосым блеянием.

Идущая последней собака, так же прошла молча, а вот пастух остановил свою лошадку и мы, как положено в горах, обстоятельно побеседовали о том и о сем.

Узнав, что мы из Ленинграда, он оживился: – Как там Анатолий Александрович?

– А кто это? – любопытствовал я

– Баран!– прошипел мне в спину Ткачев – это Собчак.

Распрощавшись с политически подкованным пастухом, мы тронулись дальше, и Ткачев тут же поведал мне очередную историю – у него на каждую ситуацию всегда был наготове анекдот или байка из жизни:

Какие то его то ли друзья, то ли друзья друзей, где – то на Кавказе, едучи в машине, повстречали большую отару. Ехать было нельзя – со всех сторон их обтекали овцы – они ждали пока стадо пройдет. Были они навеселе, и кому то пришла в голову блестящая мысль: а давайте украдем овцу, и вечером зажарим, стадо большое, пастухи далеко, не заметят. Дверь в микроавтобусе – сдвижная, надо просто открыть ее и быстро вытащить ближайшую овцу. Так и сделали – сдвинули дверь, быстро в две руки ухватили первую попавшуюся овцу, затащили внутрь и дверь закрыли. Пастухи ничего не заметили, план сработал блестяще. Было только одно «но» – впопыхах они не разглядев, вместо овцы затащили в микроавтобус овчарку, ибо она была почти того же размера и масти, что и ов-

цы. Когда, охреневшая от такого обращения псина пришла в себя, она тут же доходчиво объяснила всей компании, что поступили они не хорошо. Не кусанным остался лишь водитель, успевший выскочить через свою дверь.

Больше в тот день нам никто не встретился.

Когда начало смеркаться, мы стали подыскивать место для ночлега. В одном месте тропа опустилась почти вровень с пересохшим руслом, и мы, обнаружив посередине участок, почти свободный от камней, поставили палатку. Поужинали консервами и залезли в спальники. За день мы достаточно прошагали, утомились и вырубались почти сразу. Проснулся я от яркой вспышки и чудовищного грохота. Прямо над нами шла гроза, хотя дождя не было и в помине. Я за всю жизнь не слышал такого грома! Молнии сверкали каждые 20 секунд. И одновременно со вспышкой – жуткий грохот! Я, слава Богу, не бывал под арт-огнем, но думаю, что свето-шумовая составляющая очень схожа! Било так, что сотрясались кишки – и это не метафора! За свою жизнь я не раз попадал в грозу – и на трассе, и в городе, и в сельской местности, но все они и отдаленно не смогли приблизиться по своей ярости и мощи. Возможно, мы просто поднялись слишком близко к Громовержцу.

Я уже писал про букашку, и вот опять приходит в голову то же сравнение. Советую всем состоявшимся и уверенным в себе горожанам сходить в горы. Психотерапия наоборот. Поможет переосмыслить масштаб собственной личности.

Нам со школы известно, что молнии обычно бьют в отдельно стоящие деревья и строения. Мы находились в палатке, одиноко стоящей посреди широкого пустынного русла, вокруг не было ни одного, способного приглянуться молнии, дерева – только редкие кустарники по склонам. У молнии просто не было других вариантов! Если бы я знал молитвы, я бы молился тогда!

Также известно, что молнии бьют в железные предметы, поэтому мы выкинули подальше от палатки топор и консервы.

Думаю, наиболее прозорливые читатели уже догадались, что в итоге все окончилось благополучно, и молния в нас не попала. Остальным же скажу, что через какое то время – мне показалось через 100 лет – гроза закончилась, также внезапно, как и началась.

Утром мы позавтракали, собрали поклажу и продолжили путь. Через какое то время тропа ушла в сторону от высохшего русла и стала понемногу забирать все выше и выше по склону горы. Идти стало тяжелее. Сзади слышался шум – нас нагонял паренек лет 16-ти. Он толкал перед собой велосипед. Как водится, разговорились, он тоже направлялся в Грузию, только в другое село. Пошли вместе. Сложили наши рюкзаки на велик и вместе стали толкать его все выше и выше в гору. Въехали в лес, растущий на склоне и стало еще тяжелее – поваленные деревья, кустарник, и все круче и круче вверх. Через каждые полчаса приходилось делать при-

вал. Короче измотались конкретно. Но когда мы наконец то поднялись на перевал, то были вознаграждены завораживающим видом. Перед нами лежала Грузия! Пришвин, наверное, попытался бы описать бескрайний пейзаж, открывающийся с высоты птичьего полета, эти зеленые пологие склоны, совсем не похожие на скалы Дагестана, живописную долину далеко внизу и этот простор, от которого захватывает дух! Не знаю, что бы получилось у Пришвина, а я могу лишь сказать, что это было очень красиво и величественно.

Передохнули, перекусили. Тропа полого уходила вниз. Наш попутчик предложил подвезти наши рюкзаки на велосипеде. Мы охотно согласились, разместили их поудобнее, он распрощался и укатил, а мы налегке пошли пешком. Тропа была не особо широкая, но идти было приятно, во-первых под горку, а во-вторых она шла не над отвесным обрывом, как на Дагестанкой стороне и сбоку от тебя была не пропасть, а склон, хоть и достаточно крутой и уходящий далеко вниз, но достаточно пологий, чтобы в случае падения смочь остановиться. Типа крутого горнолыжного склона. Поэтому мы шли расслаблено и всю глазели по сторонам, ибо посмотреть было на что. Прошел час, второй. Мы шли, но пейзаж практически не менялся – те же просторы. Паренька и след простыл. Как бы не распрощаться с нашим багажом, мелькнула мыслишка. Я поделился ею с Ткачевым, он отмахнулся – Ну, что ты! – но мне показалось, как то неуверенно. Еще через час пути мы дошли до развилки. На тропе идущей

направо, по которой нам следовало идти, были сложены наши пожитки. Дальше идти, уже с поклажей, стало все тяжелей, сказывалась усталость.

А тропа знай себе неторопливо бежала по лесистому склону и, насколько можно было видеть впереди, останавливаться не собиралась. Уже день клонился к закату, но остановиться на ночлег было негде. На тропе палатку не поставить, и мы плелись в поисках подходящего места.

Ткачев, ходивший этой тропой два года назад, уверял, что уже где то недалеко должна быть хижина, так называемого Свиного Пастуха, у которого мы, скорее всего, сможем переночевать. А прозвали его так по тому, что он держал свиней, но не безвылазно в загоне, как это принято, а выгонял их днем пастись на лесистом склоне, а на ночь загонял, как овец, в загон.

Прошел еще час, пастухом и не пахло. Ноги у меня уже стали заплетаться, Ткачев тоже молча сопел. И тут нам навстречу показался мужик верхом на лошади, первый кто нам повстречался за все время спуска. Узнав, куда мы идем, он сказал, что Свиной Пастух куда то уехал и на ферме сейчас никого нет.

— Там только собаки, палки возьмите — сказал он и потрусил прочь. Мы на склоне срубили пару деревцев и выстругали себе по длинной палке. И пошли дальше, опираясь на палки, как на посохи — даже идти полегче стало. Прошел еще час, мы буквально валялись от усталости. Я был измотан на-

столько, что в первый и, (на данный момент) в последний раз в жизни увидел галлюцинацию. Мне показалось, что мы проходим мимо детской площадки с вырезанными из дерева скульптурами – зайчики, медведи, дед с бабкой сидели на деревянных скамеечках. Я проморгался, и они превратились в кусты и поваленные деревья.

Скоро тропа стала забирать левее, уходя от склона в небольшую рощицу. И тут мы сперва услышали, а потом и увидели собак. Поскольку весь свой литературный багаж в описании ужаса и своих переживаний я уже растратил в горах Дагестана, то опишу только сами события, без красок и эмоций.

Поэтому – просто факты:

Собак было 15-20. В основном – крупные. Хозяина поблизости не было, как и людей вообще. Зато была ферма, которую они охраняли. Они окружили нас с самыми недружелюбными намерениями. Мы встали спиной – к спине и вытянули палки в сторону собак. Вероятно, собаки были уже ученые и видя конец палки перед своей мордой, они не бросались на нее, хотя и не прекращали бешено лаять, рычать и брызгать слюной. Так продолжалось несколько минут. Потом, увидя, что собаки не атакуют, мы начали, по прежнему, спина-к-спине и выставляя палки в сторону наиболее агрессивных псин, двигаться в нужном направлении. Аттракцион продолжался минут 15, пока мы прошоркали мимо фермы и собаки, проводив нас, понемногу успокоились и отстали.

Следующие полчаса мы прошли на адреналине, забыв об усталости. Но потом она навалилась такой тяжестью, что я малодушно позволил себе поскулить: дескать никакие красоты и ждущий нас впереди прекрасный отдых не стоят таких мучений. Ткачев тоже был измотан и не стал вступать со мной в полемику, сказал только, что уже недолго осталось. Вскоре мы зашли в небольшую рощицу, на более-менее ровном склоне, поставили палатку и мгновенно вырубались, даже не поужинав.

Глава 3. Ахалсопели

Утром все вновь стало прекрасным, и я устыдился вчерашнего проявления слабости. Солнышко светило, мы выспались, позавтракали и впереди, далеко внизу уже виднелось село Ахалсопели, куда и лежал наш путь. Через пару часов пути наша концессия вошла в село. Было в районе полудня и на улице не было ни души. Табличек с названием улиц тоже не было

– И куда нам теперь? – спросил я. Ткачев достал какую-то мятую бумажку, где было написано имя и фамилия его друга, к которому мы приехали, а точнее – пришли. Фамилии сейчас уже не вспомню, а звали – Ваню.

– Сейчас у любого спросим, и нас сразу проведут. – беспечно сказал он. Но во – первых, никакого любого в округе не наблюдалось, во-вторых сверху, пока мы спускались, село выглядело довольно большим, и я засомневался, что в нем все знают всех. Вскоре мы увидели пацана, лет 10-12 на

велосипеде. Ткачев заговорил с ним, но парень, похоже, ни слова не понял, а только смотрел на нас и молчал. Тогда Ткачев несколько раз произнес имя и фамилию Ваню. Мальчик, также молча, сел на велосипед и умчался в клубах пыли.

– Дети не понимают по-русски, сейчас взрослого найдем – не сдавался Ткачев.

Здесь нужно сделать небольшое отступление, чтобы рассказать читателю, как Ткачев подружился с Ваню и каким образом мы вообще тут оказались. Это важно для правильного восприятия последующих событий.

Пару лет назад Ткачев с приятелем шатался в этих горах, также с палаткой. А жители села, несколько семей, в жаркий период, на выходных, уходили с палатками в горы и устраивали что-то вроде пикника. Склоны недалеко от села густо покрыты лесом и там относительно прохладно. И вот они встретились, познакомились и пропьянствовали вместе пару дней. И во время очередного тоста Ваню сказал, что всегда будет рад видеть новых друзей у себя дома. Затем наши пошли дальше и с тех пор они с Ваню не виделись и не слышались. Вот такие закадычные друзья.

Итак, пацан укатил, а мы пошли дальше, выглядывая кого из взрослых. Но улица была пустынная. Вдруг, мы увидели черную Волгу, мчащуюся прямо на нас. Оттуда выскочил мужик :

– Это вы в гости к Ваню?

– Мы.

– Садитесь, дорогие. Ваню сейчас на работе, за ним послали, скоро приедет, дома его подождем.

Мы сели в машину и через несколько минут остановились у большого двухэтажного дома, окруженного забором и фруктовым садом. Не успели мы достать рюкзаки из багажника, как послышался рев мотора и к дому подлетел грузовик, откуда выскочил шофер и пошел к нам. Это и был Ваню. Какое то время он смотрел на нас, явно не узнавая, но потом, опознав Ткачева, бросился к нему. Встреча выглядела, как будто брат с фронта вернулся! Столько было радости! Причем с обеих сторон. Когда эмоции поулеглись, Ткачев представил меня Ваню и мы вошли во двор. Двор был довольно большой, но плотно заставлен. Грядки, клумбы, беседка, плодовые деревья и кусты, сарай, курятник и даже 5-6 ульев. Сам дом был двухэтажный с плоской крышей и с крытой балюстрадой по всему периметру второго этажа. Из дома вышла жена Ваню – Дали. Ей было под 40, как и Ваню. Женщины красивее я вживую не встречал. Да и в кино – не часто. Причем ее красота не вызывала греховных мыслей. Чистые классические линии, тонкий с горбинкой нос, огромные глаза, белая гладкая кожа. Ее можно было сравнить с древнегреческой скульптурой или с иконой. Возможно, Пришвин бы и сумел. хотя сомневаюсь – это вам не паучков с осинками описывать.

После знакомства и осмотра дома, Ваню огласил план действий на день. Ему нужно не надолго вернуться на работу

– а он работал водителем на грузовике в колхозе – а потом он займется организацией небольшого приема в нашу честь. Поэтому было решено, что организацией нашего досуга займется его друг Дато – мужик, что встретил нас на Волге. На том и порешили, Ваню сел в грузовик, а Дато повез нас на экскурсию по местным достопримечательностям. И первой среди них оказался винный завод. Скорее заводик. Но очень старый и с богатой и славной историей. Вино отсюда поставлялось, чуть ли не на царский стол. Об этом нам поведал не кто – нибудь, а главный инженер, который лично провел нам экскурсию. Разумеется, не обошлось без дегустации. На открытой площадке находилось несколько больших люков, закрытых деревянными крышками. Отодвинув крышку, мы увидели, что она закрывает большущий глиняный кувшин, даже скорее бочку, вкопанную в землю. Если мне не изменяет память, в каждую входило по 2000 литров вина. Наш провожатый опускал в бочку палку, с прикрепленным к ней кувшином и разливал вино по граненым стаканам. Разумеется, вино было восхитительно! Как белое, так и красное. Так мы исследовали три или четыре бочки. Причем Дато, хоть и был за рулем, с удовольствием поучаствовал во всех пробах. После чего, инженер с нами простился до вечера, пообещав, что мы еще встретимся за столом. Затем Дато показывал нас по селу, которое действительно оказалось большим и весьма живописным. По завершении обзорной экскурсии, нас привезли на место, где должен был состояться банкет.

Место это находилось на берегу небольшой речки и напоминало летнюю столовую, с большущим столом под навесом и деревянной постройкой типа кухни. Там уже всю кипела работа. Несколько женщин чистили рыбу, что то резали, рядом с разведенным огнем лежал связанный, и пока живой, молочный поросенок. Начал собираться народ, подъехал Ванно, уже не на грузовике, а на белой Волге. Приехал и главный инженер винзавода. Нас представили остальной компании и все расселись. Небольшие посиделки обернулись застольем на двадцать человек. За столом – только мужчины. Женщины накрыли на стол и сели на скамейку в стороне. Причем эта ситуация их нисколько не угнетала, они громко болтали, смеялись, время от времени одна из них подходила к столу и если какая то из многочисленных мисок начинала пустеть, тут же хватала ее и возвращала вновь наполненной. Стол подробно описывать не буду- не хватит ни времени, ни красок. Скажу лишь, что помимо уже хорошо всем знакомых блюд грузинской кухни, была какая то маленькая невзрачная и, не особо вкусная на мой взгляд, жареная рыбка, названия которой не запомнил. Ткачев шепнул, что она считается здесь деликатесом покруче осетрины, которая тоже, кстати, была на столе. Еще я не оценил молочного поросенка, особенно когда мне положили на тарелку кусок задницы с хвостиком. Я спросил Ткачева не издеваются ли они надо мной, показывая таким образом свое отношение, на что он разумеется ответил, что я ничего не понимаю в деликатесах и за-

брал у меня задницу, положив взамен ухо. Его я из вежливости погрыз и тоже не впечатлился. Зато традиционные блюда были просто великолепны! Особенно меня покорили тонкие жареные полоски баклажанов, смазанные каким-то соусом и посыпанные измельченными грецкими орехами. Настолько, что я решил, что это будет теперь моим любимым блюдом. И, по возвращении домой, заказывал в ресторанах и требовал от родственников и знакомых, чтобы мне его готовили. Но ни где такого вкуса не нашел и вскоре разлюбил баклажаны, но родственники запомнили, и на каждом застолье специально для меня готовили, а поскольку сами их не особо любили, то мне приходилось есть за всех и скоро я баклажаны просто возненавидел.

Теперь – о спиртном.

В основном, грузины пьют вино. И свои знаменитые тосты говорят, в основном – под вино. А чача – это побочный продукт, получаемый из виноградного жмыха, остающегося после изготовления вина. И отношение к чаче, во всяком случае в Ахалсопели, было немного пренебрежительное, что ли. А может мне тогда показалось... На столе было, разумеется и вино и чача, но наливали всем чачу. То ли решили, что для нас крепкий алкоголь привычнее, то ли из за того, что мы уже на винзаводе изрядно надегустировались. Будучи наслышан о грузинских застольях и будучи уже под хмельком, я пред тем, как сесть за стол тихонько спросил у Ваню – не будет ли неприличным с моей стороны, если я буду пить ак-

куратно, по –половинке, чтобы, с непривычки, не напиться раньше времени и в полной мере насладится праздником.

– Конечно, дорогой! – сказал Ваню – можешь отпивать сколько хочешь. У нас нет русской традиции – обязательно выпивать до дна. Главное, чтобы к очередному тосту твоя рюмка была вновь налита до краев.

Первый тост был за дорогих гостей, т.е. за нас с Ткачевым. Я решил, что с первого тоста половинить не буду и выпил рюмку до конца. Потом пошли тосты за дружбу, за матерей, за всех женщин, за прекрасный Ленинград и прекрасную Грузию – один тост пафосней другого. Как вы понимаете – такие тосты немислимо было не пить до дна! Это было бы просто кощунство и неуважение какое то! Излишне говорить, что мой план не напиться был обречен на провал.

Говорил и Ткачев. Как обычно красиво и много и в конце пригласил всех присутствующих в Ленинград. На тот момент он был готов всех с комфортом разместить в своей однушке на проспекте Шверника.

Рядом со мной сидел очень толстый дядька – как мне сказали – бывший чемпион Грузии по чигаоба. Это национальная грузинская борьба. А я, должен вам признаться, любил раньше побороться на руках, и довольно часто побеждал. И вот я уговорил борца побороться, уж простите за тавтологию. Не буду утомлять читателя скучными подробностями поединка, скажу лишь, что закончился он мгновенно.

Больше ничего о том застолье сказать не могу. Не помню.

Проснулся я от солнца, которое уперлось мне в морду – я спал на открытой террасе на втором этаже. И так солнышко грело, птички пели, жужжали пчелы и, несмотря на похмелье, жизнь была прекрасна. Внизу, на кухне Ткачев пытался о чем-то побеседовать с Дали. Я спустился, и меня накормили завтраком. Ваню уже с самого утра уехал на работу. Как, после такого застолья он это смог сделать, учитывая характер его работы – для меня загадка. А чтобы в его отсутствие мы не скучали, за нами заехал один из его друзей, и повез нас купаться на маленькое озерцо на окраине села, похожее на искусственное, с теплой и прозрачной водой. Пока мы купались, он прямо на багажнике своей машины организовал фуршет: фрукты, кусок сулугуни и пластиковая канистра, ни за что не угадаете с чем! Стрелка указателя «счастье» легла на правый бок.

Когда мы вернулись, Ваню уже был дома и нас сразу позвали обедать. Стол был накрыт прямо во дворе под большой яблоней. По двору бродили куры. Под лавкой понуро сидел петух. К его ноге была привязана веревка, длиной около метра. Она не мешала ему ходить, но он не ходил, а обреченно смотрел в землю.

– Зарублю вечером – поймала мой взгляд Дали – он это чувствует.

Утром в курятнике, прежде чем выпускать кур, она привязала веревку ему к ноге, чтобы потом не гоняться за ним по всему двору, а просто наступить на веревку – и готово,

попался.

Дали сидела за столом вместе с нами. Грузинские женщины только во время торжественных мероприятий не сидят за одним столом с мужчинами – дань традиции. А в обычной семейной жизни – полное равноправие. На столе, помимо разнообразной еды и кувшина с вином, стояла большая миска меда и вокруг нее, да и вокруг нас всех, с жужжанием вились пчелы, на которых никто не обращал ни малейшего внимания. Иногда неосторожная пчела увязала в меду, и тогда Ваню бережно и неожиданно ловко вытаскивал ее своими большими, заскорузлыми пальцами и укладывал рядышком на стол, чтобы пчела могла очиститься и лететь себе дальше.

– Грузинские пчелы – самые лучшие пчелы в мире! – со свойственным грузинам пафосом заявил Ваню. На мою просьбу обосновать столь смелое утверждение, он объяснил, что пчелы собирают пыльцу с высокогорных цветов, тычинки у которых находятся глубоко внутри лепестков, и поэтому у них самые длинные хоботки, что, как понятно каждому, делает их лучшими в мире.

Ткачев опять завел разговор о том, когда же Ваню с семьей приедет в Ленинград.-

–Э! Зачем ехать? Ну может потом, как –нибудь – спохватился Ваню, дабы не обидеть Ткачева. А я обвел взглядом двор, утопающий в зелени, большой и уютный дом с винным погребом, красавицу Дали, сидящую рядом, зеленые горы в синем небе. Слушал пенье птиц и жужжание пчел, ощу-

щал теплый ветерок, пропитанный фруктовыми и цветочными ароматами, и сама мысль, что кому-то захочется отсюда уезжать, показалась мне нелепой.

– Эрмитаж посмотрите – не сдавался Ткачев.

– Да видел уже, давно, правда...

– Ну хорошо, ты видел, а дети то не видели?

– Ну да, дети.....хорошо.....какнибудь... – сказал Ваню, явно, чтобы отвязаться.

Ткачев на бумажке написал свой Ленинградский адрес и телефон и вручил Ваню.

– Вот. Как соберетесь, обязательно позвони и все организуем.

Да, спасибо, дорогой – Ваню взял бумажку. Но я сомневаюсь, что она сохранилась хоть сколько-нибудь долго.

И потом, когда разговор крутился вокруг этой темы, и Ткачев стал рассказывать о своих приятелях-грузинах, живущих в Ленинграде, какие они замечательные люди, Ваню пренебрежительно сказал – Э! Человек, которого уважают дома, никогда никуда не уедет.

Утверждение спорное, поскольку у меня тоже есть друзья, приехавшие из других городов и даже стран по самым разным причинам, нисколько не связанным с уважением или неуважением – хорошие, честные и порядочный люди. Но фраза была произнесена и я ее запомнил.

После обеда Ваню повез нас показывать свой новый дом, который он строил сам в течении нескольких лет, и который

был уже почти готов. Дом располагался неподалеку и был поистине огромен – 15 комнат, как сказал Ваню.

– Немножко большой получился – с показным огорчением произнес он.

Потом он отвез нас на свои плантации инжира. Три небольших аккуратных участка, на которых росли три разных сорта : зеленый, фиолетовый и белый. Мы ели их прямо с кустов.

Это же сколько нужно труда, чтобы содержать большой дом с хозяйством, фруктовые плантации, строить еще один дом, да еще и работать в колхозе?! Мало жить в прекрасном климате, необходим ежедневный упорный труд всей семьи, чтобы потом можно было вот так, с легкой небрежностью, показывать всю эту красоту. Я думаю, Ваню был рад нашему пришествию, в том числе, и как возможности сделать законный перерыв в ежедневном, тяжелом труде. Потому, что гостеприимство – это непреложная данность на Кавказе.

Мне запомнилась фраза Ткачева, что грузины сами устают от своего гостеприимства.

Разумеется, гостеприимны многие народы, но на Кавказе гостеприимство гипертрофировано. У грузин даже есть такая шутка:

– Если к тебе в дом пришел твой враг – накорми его, напои, уложи спать, утром дай еды в дорогу и проводи. А потом можешь догнать и убить.

В общем, следуя этикету, по которому у гостей не должно

быть ни одной минуты свободного от празднований и развлечений времени, только вернувшись с экскурсии по владениям Ваню, мы сразу стали собираться на шашлык. Куда ж без него!

А шашлык Ваню собрался сделать в горах, на том месте, где они познакомились с Ткачевым.

Поехали на трех или четырех машинах с женщинами и детьми. Ни мангала, ни дров, ни шампуров с собой не взяли, только корзины с провизией, да бурдюки с вином. Остановились на живописной лужайке посреди леса. Пока женщины раскладывали еду на большом покрывале прямо посреди поляны, дети наломали каких-то сухих прутьев, кажется кизил, но могу ошибаться. Они были очень сухими и ровными, как камыш. Их сложили ровной стопкой между двух плоских камней. Они мгновенно вспыхнули и также быстро погасли, превратившись в идеальные угли, жара от которых хватило на приготовление шашлыка. В качестве шампуров использовали те же прутики. На них нанизали мясо и просто положили на камни. Воистину сама природа здесь благоволит человеку!

Распространяться о вкусе барашка, маринованного в грузинских травах, жареного на кизиле и окропленного белым вином не буду. Вы уже догадались, кто бы мог попытаться описать...

Чачу Ваню не взял. Зато вина было столько, и тосты звучали так часто, что ваш покорный слуга, был вынужден пару

раз незаметно (на что очень рассчитывал) отлучаться в темноту, ибо его желудок просто не успевал перерабатывать подобные объемы.

На следующее утро Ваню, как ни в чем не бывало, уехал на работу, а его сын повел нас за грибами. В горы. С похмелья. Тот еще квест получился.

Сыну Ваню было лет 13 и он совсем не говорил по – русски. Я вообще заметил, что русский знали только мужчины, отслужившие в армии. Женщины почти не говорили, так несколько фраз, выученных в школе – примерно, как я по – английски.

Наш маленький молчаливый проводник увел нас на склон горы, поросший лесом. Он махнул рукой, показывая направление, в котором нужно было двигаться, и первым полез по склону. Уклон был градусов в 30 и мы почти ползли вверх. Зато не нужно было нагибаться – грибы росли прямо под носом. Грибы попадались вполне обычные: маслята, моховики, сыроежки и какие то грибы, напоминающие белые, но с рыжей шляпкой. Минут через сорок, когда я уже набрал почти целую корзину, пацан подал знак, что пора спускаться. Спуск дался нам тяжелее подъема – приходилось удерживать равновесие на крутом склоне и несколько раз я шлепался на пятую точку, рассыпая при этом грибы из корзины. Уже внизу наш проводник осмотрел наши корзины и, не говоря ни слова, повыкидывал все грибы, кроме тех, что напоминали белые. Мы были слишком измучены, чтобы протестовать.

Вано вечером, когда вернулся с работы, рассказал, что они употребляют в пищу только этот гриб. Его называют Царский, т.к. по легенде, в этих краях бывал сам Александр Македонский и пришел в восторг от вкуса этих грибов. Грибы и в самом деле оказались замечательно вкусными. Дали пожарила их с какими то приправами.

Это был наш последний вечер в Ахалсопели и провели мы его у Вано дома в кругу семьи, без друзей и соседей. Пили вино, травили анекдоты. Есть множество смешных анекдотов про грузин. Встречаются и такие, где они предстают в не самом презентабельном и благопристойном виде. Но мы придумали способ, как их рассказать и, при этом никого не обидеть – просто заменили грузин на армян. Вы бы слышали, как Вано хохотал! Вечером, уже перед сном, мы попрощались с Вано, так как рано утром ему было нужно опять на работу. Благодарили за оказанный прием, снова и снова зывали в гости.

Пока мы были на грибалке, Дали купила нам билеты на автобус до Тбилиси, как мы просили. Деньги за билеты Вано брать наотрез отказался. Я тайком прокрался на кухню и оставил их на полке комода.

Утром, после завтрака, прощаясь, Дали вручила нам каждому по гостинцу – аккуратному чемоданчику, сделанному из плотного картона и перевязанному веревкой с удобной деревянной ручкой. Внутри чемоданчика были две трехлитровые банки – с чачей и медом. Когда она успела?!?! Дали про-

водила нас до автобусной остановки, и мы поехали в Тбилиси, где у нас были заранее куплены билеты на самолет до Ленинграда.

Вот и вся история. Ценного в ней только то, что она полностью правдива и, если я, например, написал, что банки были трехлитровыми, то они именно такими и были, а не двухлитровыми или вообще литровыми.

А если серьезно, то это история о простых, хороших и бескорыстных людях, которых я почему-то все реже встречаю сейчас.

P.S. А Ваню так и не собрался. Ни – в Ленинград, ни – в Петербург.